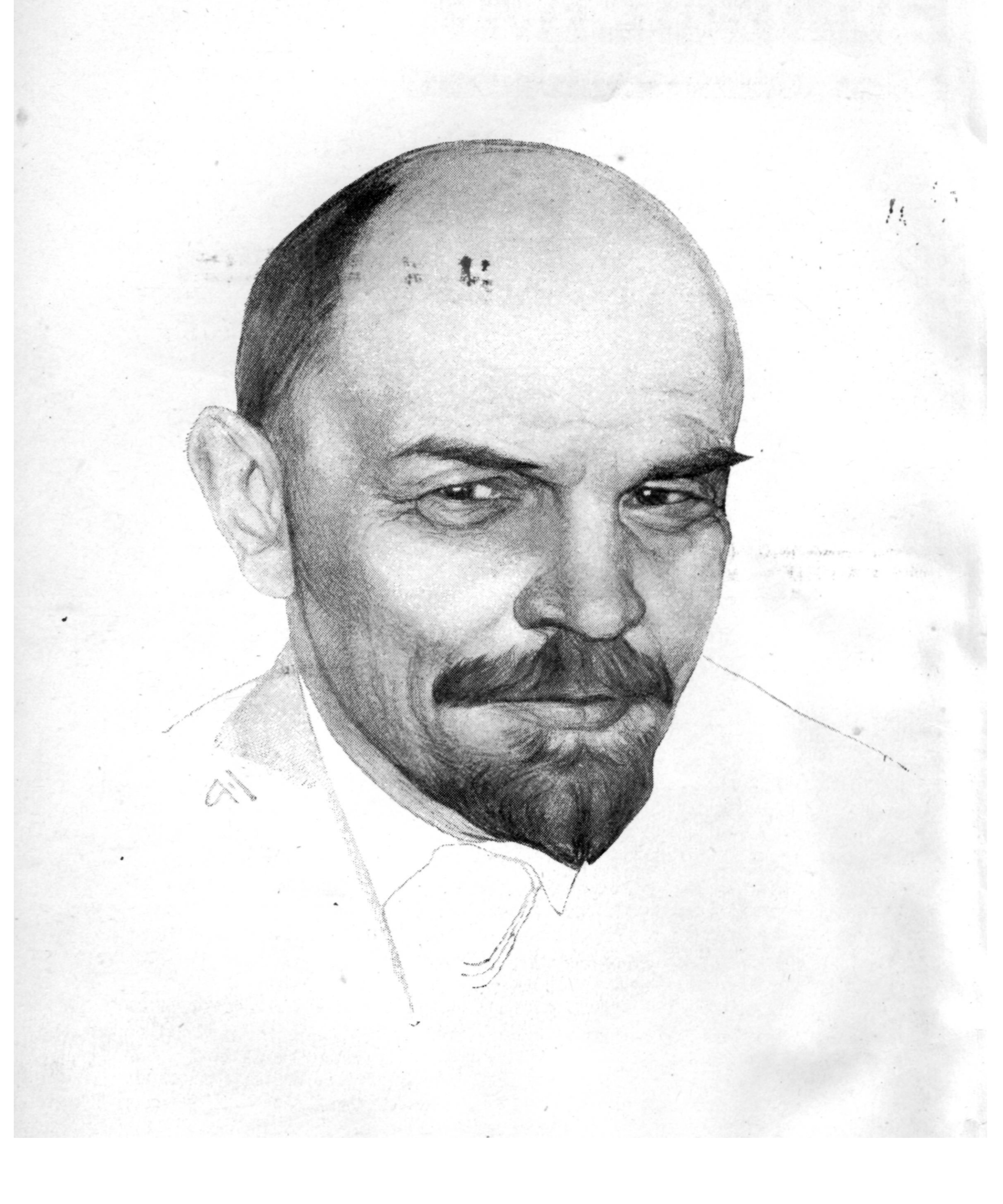
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

1924 21 января 1934

№ 1 МОСКВА № 1

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

№1 23 ЯНВАРЯ 1934 г.

Адрес редакции
Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-16. Кремль 3-90

СОДЕРЖАНИЕ

Под знаменем Ленина—Сталина

Десять лет назад в статьях, посвященных смерти Ленина, буржуазная печать хоронила нашу революцию; не скрывая торжества, ома писала о «крахе коммунистического эксперимента».

«Крупная промышленность, находящаяся в руках государства, неспособна справиться со своей задачей, даже если она организована в тресты. Она сможет полностью развить свою продукцию лишь в том случае, если дадут развернуться частной энергии. Но эта крупная промышленность является опорой пролетариата. И если пролетариат хочет сохранить в своих руках государственную власть, он не может выпустить из своих рук крупную промышленность. Вот тот заколдованный круг, в котором запутался Ленин,—и это то наследие, которое он оставляет своим преемникам»—писала например «Франкфуртер цейтунг» от 23 января 1924 г.

Один из вдохновителей интервенции в годы гражданской войны, известный Лесли Уркарт в начале 1925 г. писал:

«...Надежды советского правительства на мировую революцию не исполнились. Его руководители повторили ошибку, совершенную в свое время Марксом и Энгельсом, когда они были убеждены, что разразившиеся в 1848—1849 гг. в некоторых странах капиталистической Европы революции приведут к падению существовавшего там социального строя; этот последний однако продолжает существовать и до сих пор.

Но Маркс в то же время ясно сознавал невозможность проведения социальной революции одной и притом не первостепенной в экономическом отношении страною...» —назидательно рассуждал Лесли Уркарт.

И с откровенной наглостью он предлагал советскому правительству капитулировать, «пересмотреть те начала, которыми оно до сих пор руководствовалось по отношению к внешнему миру».

Ученые пошляки из II интернационала, меньшевистские теоретики типа О. Бауэра также твердили о неизбежности краха пролетарской диктатуры. В своей книжке «Мировая революция», выпущенной в 1919 г., О. Бауэр заявлял: «Большевизм не в состоянии построить социалистическое общество... Даже в лучшем случае, даже если капиталистические страны не станут на путь открытой войны прорыв пролетарской диктатуры, а только откажут ей в кредитах... даже в этом случае Советская республика неминуемо окажется перед непреодолимыми трудностями, которые сделают для нее построение социалистического общества прямо невозможным». Так запугивал О. Бауэр пролетариев Запада. Он утверждал, что даже в случае революции в нескольких странах успешная борьба за социализм невозможна.

Эту буржуазную, меньшевистскую идеологию реставрации капитализма, капитуляции перед капитализмом отстаивали впоследствии в той или иной форме все враги большевистской партии, все оппозиции[1].

Отрицание самой возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны—такова была меньшевистская суть программы троцкистов. Отрицание тех большевистских путей и средств борьбы, без которых нельзя построить социализм,— такова меньшевистская суть идеологии правых оппортунистов, формально признающих возможность построения социализма в нашей стране.

Партия разгромила троцкистов, которые от авантюристических, «сверхиндустриальных» платформ перешли на позиции самых поганеньких капитулянтов, которые из фракции коммунизма стали передовым отрядом контрреволюционной буржуазии.

Партия разгромила и правых уклонистов, певцов теории «мирного врастания кулака в социализм», людей, боровшихся против колхозов и совхозов, против высоких темпов индустриализации, диктуемых всей внутренней и международной обстановкой, — людей,- пытавшихся разоружить революцию.

Отбивая все атаки врагов, все наскоки различных оппозиций, партия твердо и неуклонно проводила и проводит политику, рассчитанную на полную победу социализма в СССР, на торжество коммунизма во всем мире.

Краеугольным камнем политики партии являлась и является ленинская теория возможности победы социализма в одной стране, которую отстоял, развил, обогатил и конкретизировал т. Сталин. Эта теория идейно вооружала партию и рабочий класс, вдохновляла на великую строительную работу, на преодоление трудностей. Партия знала, что мы имеем все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества, что строительство социализма в СССР—неотделимая часть мировой пролетарской революции. «...Мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс» (Сталин).

Каждым шагом своей борьбы партия укрепляла и укрепляет союз с международным пролетариатом. Каждая новая победа социализма в СССР вызывает прилив бодрости и уверенности в сердцах трудящихся и угнетенных всего мира. Мы предвидим неизбежный ход истории, уверены в победе социализма во всем мире. Мы делали и делаем все, чтобы продлить «передышку», о которой говорил Ленин, чтобы выиграть время, ибо время за нас. Укрепляя обороноспособность СССР, партия и правительство ведут твердую политику мира, умело используя все противоречия, кото-

рые имеются в капиталистическом окружении. Своей твердой последовательной политикой мира советская власть завоевывает все возрастающий авторитет, все возрастающую популярность среди самых широких народных масс капиталистических стран.

Неоценимо наследство, оставленное нам Лениным. Ленин оставил нам революционную теорию, теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата, Ленин оставил нам большевистскую партию. Ленин оставил нам Коммунистический интернационал. Ленин оставил нам великий Союз советских социалистических республик, несокрушимый оплот, опорную базу мировой пролетарской революции. Ленин завещал нам великий план построения социализма в нашей стране.

Это великое наследство Ленина партия под руководством т. Сталина сохранила, укрепила и умножила, поднимая все выше и выше знамя ленинизма.

Десять лет, прошедших со дня смерти Ленина, и особенно период между XVI и XVII с'ездами, не имеют *себе* равных в истории. Эта целая историческая эпоха.

В результате мудрой политики ленинского ЦК, возглавляемого т. Сталиным, политики уверенной, дальновидной, политики великих дерзаний, выполняя заветы Ленина, наша страна сделала за эти годы огромнейший скачок вперед, добилась решающих побед социализма. До неузнаваемости изменилось все лицо страны, изменилась экономика, изменилось соотношение классовых сил. Окончательно решен вопрос «кто кого». Социализм победил.

Еще на XI с'езде партии прозвучали слова Ленина: «Отступление кончено», дан был лозунг перегрупировки сил и подготовки наступления на частнохозяйственный капитал. Партия систематически подготовляла и развертывала социалистическое наступление. Важнейшие этапы этого наступления можно проследить по с'ездам партии, по тем основным лозунгам, которые давались с'ездами. Решающим звеном нашей борьбы за социализм на первой стадии нэпа являлось овладение торговлей. Была реальная угроза, что нэпманы, новая буржуазия, завладеют товарооборотом между городом и деревней и на этой базе попытаются повести за собой крестьянство, восстановить крестьянские массы против рабочего класса. Партия во-время преодолела эту опасность. Важнейшее значение имели лозунги XIII с'езда партии по вопросу о дальнейшем укреплении смычки с крестьянством, лозунги, «рассчитанные на то, чтобы овладеть торговлей, установить прочную смычку между нашей индустрией и крестьянским хозяйством и подготовить, таким образом, условия для победы социалистических элементов народного хозяйсгва над элементами частно-капиталистическими» (Сталин).

XIV с'езд партии был по преимуществу с'ездом индустриализации. Партия твердо помнила одно из краеугольных положений ленинского плана построения социализма в нашей стране: «единственной возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия». На этом с'езде произошел генеральный бой с так называемой ленинградской оппозицией, возглавлявшейся Зиновьевым и Каменевым, отрицавшей возможность построения социализма в нашей стране, утверждавшей, что мы не сможем преодолеть нашу техническую отсталость, отрицавшей социалистический характер нашей государственной промышленности. На XIV с'езде т. Сталин сформулировал существо генеральной линии партий: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии». Под этим

лозунгом мы добились величайших побед в деле социалистической индустриализации страны и технической реконструкции всего народного хозяйства.

В результате победы первой пятилетки СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратился в передовую страну, производящую собственными силами самое новейшее оборудование, самые совершенные машины. Достаточно сказать, что в результате пятилетки продукция машиностроения увеличилась в четыре с лишним раза. Удельный вес СССР по машиностроению с 4 проц. мировой продукции поднялся до 21,4 проц., превзойдя такие передовые страны, как Германия, которая дает лишь 13,9 проц. мировой продукции машиностроения, как Англия (15 проц.), и уступая лишь САСШ.

Вопреки знахарским предсказанием господина О. Бауэра мы сумели без кредитов развить небывалыми' темпами крупную социалистическую промышленность, создать собственную базу для технической реконструкции всего народного хозяйства, преодолели нашу техническую отсталость. Буржуазии и ее прихлебателям вероятно не совсем удобно сейчас вспоминать свои оценки и свои дурацкие «'Прогнозы» насчет «заколдованного круга», в котором якобы очутились большевики...

XV с'езд был по преимуществу с'ездом коллективизации. На этом с'езде, в докладе т. Сталина, партия констатировала отставание сельского хозяйства от темпов развития промышленности и наметила выход в постепенном переводе распыленного, мелкособственнического крестьянского хозяйства на рельсы коллективизации. Партия поставила как очередную практическую задачу нашего строительства в деревне «постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы об'единенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и машинизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне» (Сталин).

Период от XV до XVI с'езда был периодом обостренной классовой борьбы в деревне. Вскоре после XV с'езда кулачество организовало «хлебную забастовку». Но соотношение сил было уже таково, что на базе успехов индустриализации и коллективизации партия смогла перейти от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачеств как класса. Этот новый лозунг был выдвинут в исторической речи т. Сталина на конференции аграрников-марксистов.

XVI с'езд явился с'ездом развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества и проведения в жизнь сплошной коллективизации.

Колхозный строй победил теперь в СССР окончательно и бесповоротно. Тем самым решена труднейшая задача пролетарской революции. Эта огромная победа имеет всемирно-историческое значение. Об этом Ленин говорил:

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20 — 40 лет мучений белогвардейского террора» (т. XXVI, стр. 313).

Отсюда грозила опасность реставрации капитализма. Здесь, в толщах мелкособственнического крестьянского хозяйства, находились самые глубокие корни капитализма, которые надо было выкорчевать. Именно здесь, в частнособственнических инстинктах и 'Предрассудках крестьянства, рассчитывали наши враги найти опору, здесь они видели самое уязвимое место.

«ахиллесову *пяту»* советского строя. «Большевикам не удастся повести за собой деревню, колхозы развалятся»—«а все лады твердил буржуазный мир. И сюда, на участок сельского хозяйства, была брошена его агентура, здесь были пущены в ход самые разнообразные формы борьбы и сопротивления классового врага, вредительства и кулацкого саботажа.

Богатый колхозный урожай 1933 г., досрочное выполнение колхозами своих обязательств перед государством, большой рост материального благополучия колхозников — все это результат политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов, которое достигнуто на основе перестройки нашей работы в деревне. Эта перестройка была определена в речах т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и на с'езде колхозников-ударников. Крупнейшую роль в перестройке партийного руководства сельским хозяйством сыграли политотделы, их самоотверженная, ударная, подлинно большевистская работа.

Под крепким большевистским руководством колхозы победили окончательно. Большевики вывели крестьянские массы СССР из того состояния «идиотизма деревенской жизни», о котором писал Маркс.

В особенности на опыте последнего года колхозное крестьянство все более убеждается, какие невиданные, буквально неограниченные возможности зажиточной, культурной жизни открывает колхозный строй, и притом в самые короткие сроки, при условии честной, добросовестной работы в колхозе. Колхозы стали непобедимой силой.

Ленин в период XI с'езда указывал, что величайшая трудность нашего продвижения вперед состоит в том, что налицо «разрыв между величием начатых осуществлением задач и нищетой как материальной, так и культурной». Теперь этот разрыв устранен. У нас нехватало технического вооружения, теперь оно у нас есть. У нас не было своих технических кадров, теперь они есть, число их и опыт возрастают с каждым месяцем.

Значительная часть населения была еще неграмотна, теперь мы стали в основном страной сплошной грамотности. Мы можем сказать, что к десятой годовщине смерти Ленина его заветы о культурной революции в огромной степени выполнены и советская социалистическая культура развивается дальше невиданными темпами. Все более растет и укрепляется социалистическое отношение к труду, которому придавал такое важнейшее значение Ленин. Множатся миллионы участников социалистического соревнования, подлинных ударников, в промышленности, в колхозах, совхозах, на транспорте.

Успехи социалистического строительства в СССР, итоги первой пятилетки, скрыть, замолчать которые буржуазия не в состоянии, подняли нашу страну на невиданную высоту в глазах всего мира. Никогда еще капиталистический мир не прислушивался так внимательно к выступлениям и заявлениям представителей СССР, не следил так пристально за нашими успехами. Никогда еще не была так велика популярность СССР в народных массах капиталистических стран. Это затрудняет капиталистам подготовку нападения на СССР.

Особенности международной обстановки последнего периода состоят в том, что сейчас наиболее ярко видны конкретные носители планов нападения на СССР, конкретные застрельщики войны с СССР, рассчитывающие за наш счет поправить свои дела Еще на XVI с'езде партии т. Сталин говорил, что в политике каждой капиталистической страны борются две тенденции: «тенденция к авантюристским наскокам на СССР» и «тенденция к продолжению мирных отношений с СССР».

Преобладание в политике некоторых стран тенденций к авантюристским наскокам на СССР совпадает с их стремлением развязать войну, с их

воинственными замыслами вообще. И наоборот, преобладание в политике некоторых стран тенденции к продолжению мирных отношений с СССР, стремление их улучшить свои отношения с СССР показывают, что эти страны, по крайней мере в данный момент, хотели бы избегнуть сооруженного столкновения, исходя KG своих конкретных капиталистических интересов.

Партия и правительство Союза ССР учитывают осе эти особенности нынешней обстановки борьбы за мир. Мы учитываем те противоречия, которые имеются в среде капиталистического окружения, и не отказываемся использовать те силы, которые могут стать некоторым тормозом к тому, чтобы задержать войну.

«Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций — или, может быть, именно поэтому,— говорил т. Сталин в своей беседе с Дюранти,— Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира,—то тогда мы не против Лиги. Да, если такса будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки».

Наша мирная политика высоко подняла авторитет Страны советов, разоблачила и разоблачает поджигателей войны. Но наша мирная политика ничего общего не имеет с «слезливым пацифизмом», она опирается на нашу доблестную Красную армию, оснащенную в результате первой пятилетки всеми современными орудиями и средствами обороны.

Отстаивая с исключительной силой и достоинством интересы великой страны пролетарской диктатуры, Центральный комитет партии добился того, что Советский союз стал решающим фактором международной жизни и политики.

Авантюристские замыслы германских фашистов и японской военщины не застанут нас врасплох. Империалистов, которые осмелятся напасть на Советский союз, ждет полный разгром.

* * *

Мерилом наших гигантских успехов, великих побед дела Ленина за десять лет после его смерти является грандиозный план второй пятилетки. Этот план наполняет гордостью сердца миллионов трудящихся СССР, сердца пролетариев и трудящихся капиталистических стран, подымает сознание своих революционных сил и уверенность в победе. Грандиозные перспективы второй пятилетки произвели сильнейшее впечатление на капиталистический мир. Они «потрясают воображение», как честно признаются некоторые буржуазные газеты. А ведь всего несколько лет назад буржуазная пресса издевалась над планом первой пятилетки, называла его «пустой мечтой», «утопией», «фантазией». «Если этот план будет выполнен в 50 лет, то и тогда это будет грандиозно» — таков был тон буржуазной прессы по отношению к первому пятилетнему плану. Теперь уже все понимают, что подобные плоские шутки неуместны.

Основной и решающей хозяйственной задачей второй пятилетки является завершение технической реконструкции всего народного хозяйства. 133,4 млрд. руб. — таков общий об'ем капитальных работ на второе пятилетие. В промышленность вкладывается 69,5 млрд. руб. против 25 млрд. руб., вложенных за первое пятилетие. Тяжелая индустрия — производство средств производства — получает главную долю капитальных затрат промышленности — 53,4 млрд. руб., что дает рост по сравнению с первой пятилеткой в 2,5 раза.

Однако в связи с грандиозной программной повышения материального и культурного уровня рабочих и крестьян, капитальные вложения в промышленность, производящую предметы потребления, дают еще больший рост — в 4,6 раза, т, е. до 16,1 млрд. руб. против 3,5 млрд. руб. в первом пятилетии.

Это дальнейшее техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства, обеспечивающее внедрение в кратчайшие срок новейших технических достижений, должно привести к тому, что к концу второй пятилетки около 80 проц. всей продукции промышленности мы будем получать с новых предприятий, построенных или целиком реконструированных за первую и вторую пятилетки.

Таким образом те огромные материальные средства, которые мы вложили за первую пятилетку и вкладываем теперь в новое промышленное строительство, дадут все увеличивающиеся потоки материальных богатств, готовой продукции.

Во второй пятилетке мы вкладываем громадные средства в тяжелую индустрию, чтобы завершить техническую реконструкцию всего народного хозяйства.

Однако в соотношениях между тяжелой и легкой промышленностью происходят значительные изменения. В период первой пятилетки, когда мы создавали из аграрной, отсталой страны страну индустриальную, мы должны были давать тяжелой промышленности более высокие темпы развития, нежели легкой. Теперь же на основе достижений первой пятилетки, когда страна уже сделалась индустриальной, мы меняем темпы развития и для тяжелой и для легкой промышленности. Средний годовой рост легкой промышленности во втором пятилетии составит 21,9 проц. против 17 проц. среднего годового роста первой пятилетки, между тем как тяжелая промышленность будет давать 15,9 проц. среднегодового роста средств производства. Задача, поставленная т. Сталиным,— удвоить и утроить производство товаров ширпотреба, получает в плане второй пятилетки свое выражение в том, что легкая промышленность развивается более быстрыми темпами, чем тяжелая.

Вторая пятилетка проходит под знаком нового размещения производительных сил. На основе развития старых промышленных центров создаются новые опорные базы индустриализации в восточных районах Союза (Урал, Западная и Восточная Сибирь, Башкирия, ДВК, Казакстан и Средняя Азия), интенсивно развиваются машиностроение, металлургия, угольная, нефтяная, электроэнергетическая и др. отрасли промышленности.

На восточные районы затрачивается около половины всех капиталовложений, направляемых на новое строительство тяжелой промышленности. Меняется лицо древнего материка Азии. Социалистическая тяжелая индустрия все дальше проникает на Восток, открывая новые богатейшие источники сырья. Все более укрепляется база обороноспособности Советского союза, создаются экономические предпосылки усиления нашего влияния на революционное движение народов Востока, составляющих, как указывал Ленин, вместе с народами СССР «гигантское большинство населения» земного шара. Социалистическая промышленность во второй пятилетке решительно приближается к источникам сырья. Воздвигаются новые мощные текстильные комбинаты в Средней Азии, Сибири, Закавказьи, что обуславливает рост производства хлопчатобумажных тканей по Средней Азии почти в 20 раз при среднем росте по СССР в 2,4 раза.

Во втором пятилетии будет завершена в основном механизация сельского хозяйства: тракторная пахота и взмет зяби должны составить в 1937 г. 80 проц., уборка зерновых тракторными уборочными машинами— 60 проц. и механизация молотьбы—100 проц. В 10 раз повышается про-

изводство всех видов химических удобрений. Проводится широкая система агротехнических мероприятий.

На основе осуществления технической реконструкции сельского хозяйства и полного завершения коллективизации за годы пятилетки больше чем вдвое должна вырасти продукция сельского хозяйства.

Развернутая техническая реконструкция всего народного хозяйства, повышенные темпы развития легкой индустрии, перспективы роста продукции сельского хозяйства более чем в 2 раза создают материальные предпосылки для повышения уровня потребления трудящихся в $2^1/_2$ — 3 раза.

«Окончательная ликвидация остатков паразитических классов и общий рост народного дохода, целиком идущего в распоряжение трудящихся, должны обеспечить во втором пятилетии еще более быстрый под'ем благосостояния рабочих и колхозных масс, значительный рост реальной заработной платы, повышение уровня потребления трудящихся в $2^1/_2$—3 раза» (тезисы по докладу тт. Молотова и Куйбышева).

Уже в итоге первой пятилетки, в результате успехов индустриализации и победы колхозного строя мы построили прочный фундамент социалистической экономики, создали в нашей стране однородную экономическую основу советской власти и социалистического строительства. А ведь отсутствие такой единой базы было труднейшим противоречием нашего развития.

««Нельзя без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах, на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нужно постепенно, но систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности»—говорил т. Сталин в 1928 г., вскрывая это противоречие. Разоблачая правых уклонистов, не хотевших видеть этого противоречия, т. Сталин предупреждал партию, что если мы отойдем от этой задачи, не разрешим ее,—тогда «возврат к капитализму может стать неизбежным явлением» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 362).

Партия под руководством т. Сталина сумела разрешить это коренное противоречие переходного периода, эту труднейшую задачу пролетарской революции. Во второй пятилетке мы делаем новый гигантский шаг вперед для подтягивания сельского хозяйства к социалистической промышленности, создаем все необходимые предпосылки для устранения вековой противоположности человеческого общества, противоположности между городом и деревней.

Во вторам пятилетии «по своей общественной форме сельское хозяйство становится однотипным с промышленностью, сельскохозяйственный труд превращается в разновидность труда индустриального, мощно возрастают транспортные связи между городом и деревней, значительно сближаются темпы роста производства промышленности и сельского хозяйства, сближаются уровни материального благосостояния и культуры трудящихся города и деревни» (тезисы по докладу тт. Молотова и Куйбышева).

Второй пятилетний план развития народного хозяйства обеспечивает ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию частной собственности на средства производства, ликвидацию многоукладности в экономике Советского союза и установление социалистического способа производства, как единственного способа производства, обеспечивает превращение всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества.

Мы добились крупнейших побед социалистической крупной индустрии,

представляющей сейчас мощную базу для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. Мы в основном осуществили социалистическое переустройство сельского хозяйства, обеспечили невиданные темпы его развития. Теперь партия сосредотачивает особое внимание на таких важнейших проблемах, как развертывание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного.

«Разрешение этих вопросов,—говорил т. Сталин в своей беседе с Дюранти, — не так легко, но легче, чем те вопросы, которые мы уже решили, и я уверен, что мы разрешим их. Проблема промышленности решена. Проблему сельского хозяйства, крестьянско-колхозную проблему—самую трудную проблему—можно считать уже решенной. Теперь надо решить проблему товарооборота и транспорта».

Те победы всемирно-исторического значения, которых добилась партия под знаменем Ленина — Сталина, не кружат нам голову. Именно потому, что мы сейчас сильны, как никогда, партия со всей остротой ставит вопрос об отстающих участках (транспорт, товарооборот). Наряду с тезисами по второй пятилетке, выдвигающими новые великие задачи, сам масштаб которых является показателем нашего роста, наших побед, XVII с'езд будет обсуждать тезисы по организационным вопросам, которые намечают коренную перестройку работы всех органов пролетарской диктатуры, дают смелую, беспощадную критику недостатков, тормозящих наше продвижение вперед.

Еще лучше работать, еще лучше руководить, чтобы до конца выполнить великий план второй пятилетки, подготовляющей освобождение всего человечества, чтобы обеспечить победу мирового Октября, — этим мощным стремлением проникнута вся партия накануне своего XVII с'езда!

Наши победы не дались «самотеком», в порядке «плавного покачивания на волнах жизни». Они взяты в упорных боях, в обостреннейшей классовой борьбе, на основе преодоления десятков опасностей и трудностей. Стоит только перечислить те главнейшие вредительские организации, которые разгромлены за годы реконструкции, чтобы стала очевидной вся острота классовой борьбы.

Шахтинские вредители, «промпартия», меньшевики-интервенционисты, английские шпионы из «Метро-Виккерс» — все они прошли перед страной во время судебных процессов, демонстрируя те методы, которыми классовый враг хотел разрушить социалистическую промышленность. Вредительство в системе Наркомзема, в органах Трактороцентра преследовало цель развалить колхозы, сорвать социалистическое переустройство сельского хозяйства. Но ставка вредителей и шпионов, в том числе и врагов с партбилетом в кармане, была бита.

Партия обязана своими победами тому, что в лице т. Сталина, величайшего стратега пролетарской революции, она имеет руководство, отличающееся гениальной прозорливостью, умением вскрывать внутренний смысл событий, видеть, куда растут, развиваются те или иные явления, которое умеет организовать борьбу и победу.

Именно благодаря этой гениальной прозорливости т. Сталина партия «сумела еще в 1923 г. вскрыть меньшевистскую сущность троцкизма под его «левой» фразеологией.

Благодаря ленинской непримиримости т. Сталина партия во-время вскрыла, куда растет правый уклон, отражавший стремления кулачества, его идеологию.

Можно было бы привести десятки и сотни примеров, когда по инициативе т. Сталина партия принимала важнейшие политические и организаци-

онные решения, выдвигала новые лозунги, вытекающие из новой обстановки, которые укрепляли диктатуру пролетариата и обеспечивали разгром классового врага.

Тов. Сталин подвел итоги «года великого перелома» и на основе анализа новой обстановки в стране выдвинул лозунг ликвидации кулачества как класса.

Тов. Сталин выдвинул лозунг овладения техникой, которая в период реконструкции решает все.

Тов. Сталин разработал шесть исторических условий работы по-новому, которые стали основой успехов нашей промышленности.

Тов. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК вскрыл новые махинации классового врага, новые замаскированные приемы его борьбы «тихой сапой», указал, как надо перестроить всю политическую, партийную работу в деревне, чтобы разгромить до конца кулацкий саботаж, чтобы сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Эти указания т. Сталина, так же как и его речь на с'езде колхозников-ударников, сделались подданным знаменем борьбы в деревне за социализм. Они вооружили идейно партийные организации, помогли им до конца громить классового врага, укреплять колхозы. По инициативе т. Сталина были созданы политотделы МТС и совхозов, ставшие новыми крепостями социализма в деревне.

Тов. Сталин развил дальше учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата, развил и обогатил ленинскую теорию возможности победы социализма в одной стране, разработал вопрос о конкретных путях строительства социализма, о классах и классовой борьбе в переходный период, развил учение Ленина о партии, подняв его на новую высоту.

То новое, что внес т. Сталин в революционную теорию, навсегда войдет в теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма.

Ленина мы потеряли в труднейший переломный момент. Но знамя ленинизма осталось в твердых, надежных руках т. Сталина и ленинского ЦК, партия пронесла это знамя через все трудности и опасности, добилась за 10 лет всемирно-исторических побед.

Партия за эти годы невиданно выросла и количественно и качественно. Вырос авторитет партии в самых широких народных массах. Политика ленинского ЦК — и международная и внутренняя — находит мощную поддержку самых широких рабочих и трудящихся масс страны, вселяет в них чувство гордости и уверенности за каждый шаг своей партии и ее вождя т. Сталина.

Чистка партии наряду со вскрытыми недостатками показала в целом огромный рост мощи и сплоченности партии, рост новых кадров, рост политической сознательности, понимание государственных задач среди преобладающего большинства партийцев.

Чистка показала, что на новом этапе нашей борьбы партия может пред'явить к своим членам еще более высокие требования. Эти высокие требования к партийцу, высокое понимание обязанностей партийца нашли свое выражение в новой редакции устава партии и в тезисах к XVII с'езду по организационным вопросам по докладу тов. Кагановича.

Обсуждение тезисов к с'езду в низовых партийных организациях, на партийных конференциях показывает, что эти высокие требования к члену партии: быть образцом партийной и государственной дисциплины, быть настоящим передовым борцам за социализм, уметь работать и руководить по-новому, встречают единодушную поддержку.

Конференция московской парторганизации призывает всех своих членов «повести решительную борьбу с канцелярско-бюрократическими методами руководства, с работой методом «общих директив», заседательской сует-

ней, разбуханием аппаратов и бесконтрольностью — за оперативное руководство, знание дела, правильный подбор и расстановку кадров и систематическую, изо дня в день, проверку исполнения.

Конференция подчеркивает, что большевик, не усваивающий этих обязательных требований ленинско - сталинского метода и стиля в работе, не является еще в полном смысле слова коммунистом».

Партия приходит к своему XVII с'езду, как никогда единой, монолитной, крепко сплоченной вокруг своего ленинского ЦК, вокруг своего учителя и вождя т. Сталина, который явился вдохновителем, организатором и руководителем всей героической борьбы и побед партии за последнее десятилетие.

И конференция московской организации правильно отражает настроение всей партии, всех трудящихся, когда в своей резолюции говорит:

«Имя Сталина, близкого и родного миллионам трудящихся нашей страны и всего мира, стало для нас символом борьбы за коммунизм».

XVII с'езд партии Ленина, руководимой Сталиным, подведет итоги целой исторической эпохи строительства социализма в нашей стране. Он подытожит, что дала уже советская власть трудящимся СССР. Он покажет, что дает советская власть, диктатура пролетариата строителям социализма в СССР в результате второй пятилетки.

Великие итоги и великие перспективы социализма в СССР; нищета, голод, разорение в капиталистических странах, кровавый фашистский террор, надвигающиеся ужасы новой мировой бойни со всей остротой ставят перед пролетариями всех стран вопрос о том, что даст им советская власть в их собственной стране.

Общий кризис капитализма, обостряется. Устои капитализма разрушаются. Мир вплотную подошел к новому туру революций и войн. Международное положение носит характер кануна новой мировой империалистической войны. Пример СССР, этот пример большевизма, вдохновляет мировой пролетариат решимостью к борьбе, уверенностью в победе.

Крепнет братский союз трудящихся всего мира — Коммунистический интернационал. Его героические отряды ведут самоотверженную борьбу, подготовляя победу коммунизма.

Германская компартия работает в подпольи как массовая стотысячная партия большевизма, сохранившая свои кадры, свое стальное единство, ведет героическую борьбу против фашизма. Коммунистическая партия в Германии — единственный вождь антифашистских сил. Она станет единственной партией германского пролетариата. Она не дрогнула под ударами дубинки и топора фашизма. Она не дрогнет, когда наступит день решающих боев. Она сумела отступить, когда этого требовали интересы германского пролетариата и мировой революции. Она сумеет повести рабочий класс в наступление, когда пробьет час штурма и победы. Партия пролетарской революции закалялась, возмужала под ударами классового врага.

Китайская компартия, насчитывающая в своих рядах 420 тыс. пролетариев и крестьян, руководит антиимпериалистической и аграрной советской революцией на огромной территории страны, крепя советскую государственность, строя и укрепляя рабоче-крестьянскую красную армию китайских советов, выдвигая из своей среды организаторов советского государства, руководителей масс, полководцев, организаторов хозяйства. Эта же партия руководит стачками рабочих, выступлениями крестьян, антиимпериалистической борьбой масс из глубочайшего подполья гоминдановского Китая. Эта же партия участвует в партизанской борьбе против японского империализма в Манчжурии, в Жэхэ, она обороняла Чапей.

Японская коммунистическая партия вселяет трепет в господствующие классы. Она внедряет «опасные мысли» Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина в сознание трудящихся масс Она выступала и выступает против захватнической войны своей буржуазии и выбросила из своих рядов ренегатов-предателей. На все преследования, пытки, разгромы она отвечает: «бури крепят дерево». И на заводах, в деревнях, в казармах, рабочих кварталах, во флоте она крепко держит красное знамя пролетарского интернационализма, идя против шовинистического неистовства.

* * *

Крепнут отряды коммунизма во всех странах, крепнет СССР—несокрушимый оплот мировой революции.

Великая клятва, произнесенная т. Сталиным над гробом Ленина, клятва, потрясающая века, выполняется с честью.

Крепнет мировая ленинская партия коммунизма, крепнет диктатура пролетариата в СССР, с невиданной быстротой развивает СССР производительные силы, доказывая «всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» (Ленин).

Заканчивается «предистория человеческого общества», о которой писал Маркс. Начинается настоящая история человечества, достойная человека. Эта история будет выковываться в боях за победу коммунизма во всем мире под знаменем Ленина—Сталина!

Ленин и Сталин о социалистическом планировании

В. Куйбышев

С величайшей теоретической глубиной и практической целеустремленностью Ленин разработал вопросы планирования в эпоху пролетарской диктатуры.

Ленинские статьи, речи и письма по вопросам планирования являются величайшим теоретическим сокровищем, определявшим и определяющим направление нашей большевистской плановой мысли. И чем большее значение с победой социализма приобретает план и организация плановой работы, чем больше растет и крепнет сила планирования, тем все ярче становится величие этого ленинского наследства по планированию.

Для Ленина дело планирования есть составная, неот'емлемая часть диктатуры пролетариата с ее волевой целеустремленностью к победе социализма над капитализмом, к развертыванию творческих способностей миллионных масс, разбивающих сопротивление классового врага и его оппортунистическую агентуру с их, по выражению Ленина, тысячами хитрейших форм сопротивления.

Важнейшие проблемы планирования были после смерти Ленина разработаны т. Сталиным. Разоблачая «левых» и правых оппортунистов, мобилизуя партию на построение полного социалистического общества, т. Сталин отстоял ленинское наследство также и в области планирования. И т. Сталину, вождю и теоретику нашей большевистской партии, мы в первую очередь обязаны нашими достижениями в области дальнейшей разработки теории советской экономики, теории социалистического плана.

I

План построения социализма мыслим и возможен для Ленина только при диктатуре пролетариата. Диктатуру пролетариата Ленин всегда выдвигал на первое место и всегда требовал, чтобы при анализе трудностей переходной экономики действительные пролетарские революционеры исходили из особенностей диктатуры пролетариата.

«Крайне характерно, что у авторов тезисов, — писал Ленин в брошюре «О «левом» ребячестве»,—нет ни звука о значении д и к т а т у р ы пролетариата в э к о н о м и ч е с к о й области жизни. Они говорят только об «организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно диктатуры рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма» [1]. Последовательно применяя учение Маркса и Энгельса о пролетарской диктатуре, Ленин внес новое в эту проблему.

«Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при

[1] Л е н и н, Собр. соч., т. XXII, стр. 526.

условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств; б) он наметил конкретные пути экономической политики («новая экономическая политика»), при помощи которых пролетариат, имея в руках экономические командные высоты (промышленность, землю, транспорт, банки и т. п.), смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством («смычка индустрии с крестьянским хозяйством») и ведет, таким образом, все народное хозяйство к социализму; в) он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролетарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма» [1].

После смерти Ленина его понимание диктатуры пролетариата и реализацию ленинского плана построения социализма в нашей стране отстоял в борьбе со всевозможным оппортунизмом великий соратник Ленина т. Сталин, подняв на новую высоту историческую роль и задачи диктатуры пролетариата.

Планировать советскую экономику мы начали с октября 1917 г. Установление пролетарской диктатуры есть вместе с тем и начало действия большевистского хозяйственного плана. Только представители канцелярско-бюрократических методов планирования могут считать началом планирования появление контрольных цифр 1925—1926 гг. Все ленинские работы периода первых лет пролетарской диктатуры проникнуты борьбой за план, за плановую организацию работ, за учет и контроль, за победу хозяйственного плана пролетарской диктатуры над мелкобуржуазной стихией, за плановую дисциплину, против партизанщины. Правда, единый хозяйственный план появился только в 1920 г. как результат работы Гоэлро. Но и до этого плана все дело хозяйственного строительства базировалось на плановых мероприятиях. На повороте истории нашей социалистической революции Ленин вооружил партию планом новой экономической политики. Оппортунисты расценили ленинский план нэпа как отступление, как отход от плана построения социализма, как сдачу плановых позиций мелкобуржуазной и капиталистической стихийности. Между тем Ленин неустанно повторял, что нэп не есть уход от плана построения социализма, что нэп меняет лишь подход к осуществлению наших государственных хозяйственных планов. Ленин требовал популяризации этого важнейшего, коренного положения о плане построения социалистического общества на путях нэпа. Этот ленинский план нэпа должен был определить методы и формы планирования в эпоху нэпа. По поводу конспекта книга т. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Госплана» Ленин писал: «Добавление, по-моему, необходимо: о новой экономической политике. По-моему, лучше бы это вставить (с разных сторон *освещая* место, значение, *роль в общих рамках* новой экономической политики) в отдельные главы. Почти в каждую главу можно (и должно, по-моему) добавить страничку, другую о том, что новая экономическая политика не *меняет* единого государственного хозяйственного плана и *не выходит* из его рамок, а меняет подход к его осуществлению» [2].

Итак, план является ведущим началом и во время первой стадии нэпа, ибо поскольку есть диктатура пролетариата, поскольку в руках пролетариата экономические командные высоты, постольку план диктатуры пролетариата определяет развитие вперед, несмотря на наличие некоторой свободы рыночных отношений.

---

[1] *Сталин*, Беседа с американской рабочей делегацией.

[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XXIX, стр. 463.

Партия выполнила этот завет Ленина. Руководимая т. Сталиным, и именно благодаря этому руководству, партия не дала ни контрреволюционному троцкизму, ни правому оппортунизму заменить ленинский план нэпа планом реставрации капитализма. Партия проводила те формы и методы планирования социалистической стройки, благодаря которым мы Россию нэповскую превратили в Россию социалистическую.

И если регулирование и планирование были основными рычагами диктатуры пролетариата в хозяйственном развитии страны в восстановительный период и в начале реконструктивного, то решающее значение (абсолютно господствующий характер) они приобрели при завершении фундамента социалистической экономики.

Волевой, директивный, мобилизующий, целеустремленный характер большевистских хозяйственных планов есть, по Ленину, их важнейшая содержательная черта. Между программой партии и планом хозяйственного развития должна быть самая тесная связь.

«Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники... Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане» [1].

Этим ленинским заветом по планированию социалистического строительства партия руководствуется. Устами вождя нашей партии т. Сталина партия большевиков заявляла на своих партийных с'ездах, что «наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны»[2].

И это проводилось в жизнь с железной большевистской настойчивостью. План диктатуры пролетариата на всех этапах развития социалистического строительства разрабатывался под непосредственным руководством партии, выражая политику партии.

Анализируя значение плана электрификации, Ленин на этом примере подчеркивает неизбежность уточнения, изменения плана в ходе его практического осуществления.

«Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на с'ездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться»[3].

В этом именно смысле Ленин и говорил, что «всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха» [4].

Партия выполняла и выполняет ленинский завет. Творческое осуществление его демонстрировал Центральный комитет нашей партии, когда т. Сталин докладывал XVI с'езду партии о ходе выполнения первого пятилетнего плана. «Могут сказать, что, меняя так основательно наметки пятилетнего плана, ЦК нарушает принцип планирования и роняет авторитет планирующих органов. Но так могут говорить только безнадежные бюрократы. Для нас, для большевиков, пятилетний план не есть нечто законченное и раз навсегда данное. Для нас пятилетний план, как и всякий план, есть лишь план, приня-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 45 — 46, Доклад о деятельности СНК VIII с'езду советов 22 XII 1920 г.

[2] Сталин, Стенограф. отчет XV с'езда, стр. 69.

[3] Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 46.

[4] Там же, стр. 313.

тый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта, мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана»[1].

Гениальный диалектик, для которого практическая борьба всегда была тесно связана с широкой революционной перспективой, Ленин и в плановой работе требовал сочетания в планировании текущих задач с перспективными задачами нашего развития.

Нужны хозяйственные планы, планы, рассчитанные на длительный период, с быстрыми темпами их осуществления. «Нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех».

«Следя за опытами науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того, чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство, и тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем. Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение»[2].

Итак, нам нужны «широкие хозяйственные планы», «планы, рассчитываемые на долгий ряд лет». И в то же время Ленин подчеркивает необходимость максимального внимания к текущим вопросам. Так например при внесении в СТО проекта постановления об общеплановой комиссии Ленин в специальном письме ко всем членам СТО особо выделяет вопрос о. наиболее полном учете наличных условий конкретной экономической действительности.

«Хозяйственные задачи первой очереди, и в особенности те, которые должны быть осуществляемы в ближайший срок, в частности в течение 1921 года, должны быть разработаны общеплановой комиссией или ее подкомиссией наиболее детально, с полным учетом наличных условий конкретной экономической действительности»[3].

Окончание гражданской войны перенесло центр внимания партии и правительства на хозяйственную работу с ее первой стадией—задачей восстановления народного хозяйства до довоенного уровня.

Единственный, кто кроме Ленина по-настоящему оценил план Гоэлро, был Сталин. Тов. Сталин встает перед нами во весь рост проницательного вождя, когда мы перечитываем его поистине гениальное письмо к Ленину от марта 1921 года.

«Последние три дня,—пишет т. Сталин,—я имел возможность прочесть сборник «План электрификации России»... Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хо-

---

[1] Сталин, Политотчет ЦК XVI с'езду, «Вопросы ленинизма», стр. 553, изд 9-е.
[2] Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 43, Доклад о деятельности СНК VIII с'езду советов 22/XII 1920 г.
[3] Лен. сб. XX, стр. 23.

зяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (труд. армии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро. Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам,— детский лепет приготовишек... Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине.

Мое мнение:

1) Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;

2) начать немедленный практический приступ к делу;

3) интересам этого приступа подчинить по крайней мере 1/3 нашей работы (2/3 уйдет на «текущие» нужды) по ввозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.

4) Так как у работников Гоэлро при всех хороших качествах осе же нехватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно витать в «плановую комиссию» к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и проч.».

Борьба Ленина в период разработки плана Гоэлро за единый хозяйственный план, за научную выработку единого государственного плана всего народного хозяйства, против литературщины и пустейшего говорения по поводу планов, против схоластики, комчванства и высокомерно-бюрократического невнимания к живому делу есть образец ленинского стиля в плановой работе. Статья Ленина «Об едином хозяйственном плане», написанная в 1921 г., есть крупнейший документ в ленинском наследстве по вопросу методологии планирования. На характеристике рассуждений критиков плана Гоэлро Ленин демонстрировал болезни планового фронта.

«Мы дали государственное задание, мобилизовали сотни специалистов, получили в десять месяцев... единый хозяйственный план, построенный научно. Мы имеем законное право гордиться этой работой; надо только понять, как следует ею пользоваться, и именно с непониманием этого приходится теперь вести борьбу» [1].

Ленин требует конкретного практического анализа хода выполнения планов, изучения фактов, цифр и отчетов, анализа планового практического опыта и точных указаний о том, что такую-то конкретную ошибку надо конкретно исправить так-то.

«Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством... Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь» [2].

Как актуальны эти ленинские мысли сейчас, когда партия об'являет беспощадную войну любителям канцелярско-бюрократических методов планирования!

Эти ленинские принципы составления единых хозяйственных планов внедрял в сознание партии т. Сталин. Продуманность, научную обоснованность,

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр.171

[2] Там же, стр. 172—173.

предусмотрительность, безошибочность при составлении хозяйственных планов—вот за что призывал по-большевистски драться т. Сталин.

«...От нас требуется особая осмотрительность и прозорливость при строительстве. Поэтому мы здесь должны руководить хозяйством в плановом порядке так, чтобы просчетов было меньше, чтобы наше руководство хозяйством было архипрозорливым, архипредусмотрительным, архибезошибочным» [1]. Планирование социалистического строительства может быть успешным лишь тогда, когда в нем принимают участие опыт миллионов, практика трудящихся масс, их пафос строительства социализма, когда оно сопровождается борьбой против бюрократического шаблонизирования.

«Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. п.)» (Ленин, т. XXII, стр. 166).

Ленин настойчиво повторял это положение каждый раз, когда он возвращался к вопросам планирования и управления социалистическим строительством. И партия руководилась этими мыслями ленинского гения.

Плановая работа может быть успешна только в том случае, если ею во всех ее звеньях руководит партия. Разоблачая троцкистскую клевету на роль партии в руководстве делом планирования, т. Сталин на XV с'езде партии констатировал в качестве одного из самых серьезных достижений то обстоятельство, что партийные организации усилили свое руководство плановой работой.

«...Что парторганизации стоят во главе хозяйственного строительства,—говорил т. Сталин,—а не в хвосте его,—это такой в глаза бьющий факт, отрицать который решатся разве только слепые или умалишенные. Уже тот факт, что мы решились поставить на этом с'езде вопрос о пятилетнем плане хозяйственного строительства, уже этот факт говорит о том, что партия продвинулась далеко вперед в деле планового руководства нашим хозяйственным строительством как на местах, так и в центре. Иные думают, что тут нет ничего особенного. Нет, товарищи. Это есть нечто особенное и важное, которое должно быть отмечено. Ссылаются иногда на американские, на германские хозяйственные органы, которые будто бы также в плановом порядке руководят народным хозяйством. Нет, товарищи, этого еще не добились и не добьются там, пока существуют там капиталистические порядки»[3].

По всем коренным плановым вопросам партия под руководством т. Сталина разбивала сопротивление буржуазной агентуры. Под руководством т. Сталина продолжал крепнуть плановый фронт и вооружаться большевистской непримиримостью по отношению ко всем чуждым вылазкам, откуда бы они ни шли.

Ленин — организатор плановых органов, Давая общие принципиальные указания, он с величайшей конкретизацией определял текущие и перспективные их задачи, об'ем работы, постановку дела статистики, проверку выполнения планов. Ленин особенно заботился об изучении плановых документов с мест. Ленинская серия писем Кржижановскому об организации Госплана и технике его плановой работы поражает точностью, конкретностью, политической действенностью, требованием создать четко работающий на научных основах плановый аппарат.

---

[1] Сталин. Стенограф. отчет XIV с'езда, стр. 29.

[2] Сталин, Политотчет XV с'езда' ВКП(б), стр. 68—69.

Борьбу за ликвидацию параллелизма в работе между центральными руководящими хозяйственными и планирующими организациями, за полнейшую согласованную между ними работу с особой яркостью Ленин выразил в своем письме по поводу проекта «Наказа СТО».

«Вам должны были,—писал Ленин Кржижановскому,—послать проект «Наказа С. Т. О.» Обдумайте сами (и президиум — а посвятить надо всех членов Госплана) с двух точек зрения:

а) есть там вопросы Вашего «ведомства»: электрификация и местные органы Госплана. Тут необходим детальный разбор и изучение всеми вами, дабы уточнить и пополнить... список вопросов детальных.

б) Остальное неведомственное для Госплана, но многое по сути дела Госплана касается» [1].

Итак, в высказываниях Ленина мы имеем все необходимые указания о плане: план как важнейшее и решающее орудие диктатуры пролетариата, большевистская партийность планов, директивный характер наших планов и их научная обоснованность, сочетание в плановой работе перспективных задач с текущими, составление плана как начало планирования, курс на перевыполнение планов, опыт практики миллионов и их участие в плановой работе, требование четкости в работе плановых органов и пр. Эти указания Ленина отстоял в дальнейшем гениальный преемник его т. Сталин, сумевший на основе этих указаний поднять на новую высоту задачи планирования.

II

К XVII партийному с'езду партия идет с программой великих работ, которые всему миру еще раз демонстрируют превосходство нашей социалистической системы над системой капиталистического мира, системой кризиса, голода, нищеты, безработицы и разрушительных войн. И торжествующей музыкой диктатуры пролетариата звучит программа второй пятилетки, данная в опубликованных тезисах к XVII с'езду партии. К этому великому историческому итогу мы пришли на основе выполнения ленинских заветов.

На II с'езде советов (январь 1924 г.) т. Сталин формулировал завет ушедшего от нас Ленина по вопросу о диктатуре пролетариата: «Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь». И этот ленинский завет мы выполнили. В итоге первой пятилетки решена проблема «кто кого» и в городе и в деревне, решена в пользу социализма окончательно и бесповоротно. Этим самым мы сохранили и укрепили диктатуру пролетариата. Эта задача укрепления мощи диктатуры пролетариата стоит перед нами и во второй пятилетке, чтобы окончательно развеять в прах остатки капиталистических элементов, окончательно ликвидировать капиталистические элементы и классы вообще и превратить всех трудящихся в активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества.

Успешное выполнение первого пятилетнего плана могло иметь место только потому, что партия руководила его составлением и осуществлением. Мы можем с гордостью сказать: период разработки и выполнения первого пятилетнего плана является периодом, доказывающим, что партия подняла дело планирования на большую высоту. Партия бдительно относилась ко всяким проектировкам, она отвергла ряд вариантов, носивших явные следы чуждых классовых влияний. Таковыми были:

«Пятилетка металлургической промышленности»—инж. Гартмана.

«Пятилетка транспорта на 1923—1924, 1927—1928 гг.»—Неопалихина,

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXIX, стр. 455

«Перспективы развития промышленности на 1922 — 1923 и 1927 — 1928 гг.»—инж. Калинникова.

«Основы перспективного плана развития сельского хозяйства за период 1923—1928 гг.»—трудыземплана РСФСР.

«Пятилетка особого совещания по воспроизводству основного капитала государственной промышленности» (ОСВОК).

« Гипотезы развертывания отдельных отраслей промышленности 1925—1926 и 1929—1930 гг.»

и некоторые другие варианты, представленные чуждыми пролетариату людьми.

Все эти варианты стремились умалить, затушевать, скрыть, снизить наши исключительные возможности. Они требовали политики крохоборчества и минимализма. И с этой установкой на минимализм стояли в одной шеренге вредители, троцкисты и правые оппортунисты. Как известно, партия разгромила все эти установки и приняла на XV! партконференции план, на выполнение которого были мобилизованы широчайшие массы.

За истекший без Ленина период мы имеем широко развернувшееся социалистическое соревнование. Планирование стало делом миллионных масс. Благодаря тому, что наши планы есть родное дело самих трудящихся, открываются в ходе выполнения плана новые исключительные возможности.

Тов. Сталин в ходе выполнения пятилетки раз'яснял, что составление пятилетнего плана, как и всякого плана, есть начало планирования, и он требовал, чтобы все скрытые возможности выявлялись на каждом участке хозяйственной работы. Партия это выполнила. Первый пятилетний план выполнен в 4 года, а в отдельных отраслях—в 3 и 31/2 года.

В эпоху разработки плана Гоэлро Ленин жесточайшим образом обрушился, с одной стороны, на тех, кто боялся широких хозяйственных планов, а с другой стороны, на тех, кто недооценивал всей важности планирования текущих, повседневных дел. Этот ленинский завет борьбы мы с честью выполнили. Партия отвергла предложение правых оппортунистов, которые предлагали не вырабатывать пятилетнего плана индустриализации, а заменить его двухлеткой развития сельского хозяйства. Партия подготовила уже второй пятилетний план. И наряду с этим общее содержание нашей плановой деятельности дополняют квартальные планы, ежемесячные планы по ряду отраслей и повседневное руководство выполнением плана на всех участках народного хозяйства.

В период разработки плана Гоэлро Ленин с большевистской непримиримостью клеймил тех, кто пытался технико-экономическую обоснованность плана подменить бюрократическим изобретательством. Неудачные статьи, появившиеся по поводу плана Гоэлро, Ленин называл «литературщиной», а план Гоэлро ставил как образец и пример действительно научно-обоснованного планирования. В приведенном выше письме т. Сталина к Ленину по поводу плана Гоэлро мы видим, что т. Сталин был соратником Ленина в борьбе за научную обоснованность составляемых планов, и под его руководством мы после Ленина продолжали эту ленинскую традицию, доказательством чего может служить та армия научно-исследовательских институтов, инженеров, профессоров, академиков, ученых, которые были привлечены для разработки как первого, так и второго пятилетнего плана. Будет время, говорил т. Ленин, когда на наших с'ездах и конференциях будут выступать не только политики, но и ученые, академики и т. д. Это время уже давно наступило. Достаточно сказать, что к работе над вторым пятилетним планом были привлечены лучшие научные силы нашего Союза: Академия наук, 200 научно-исследовательских институтов, более чем 300 крупнейших специалистов ведущих отраслей научно-технической мысли, виднейшие ученые страны.

Научность планирования не определяется однако только тем, что к разработке плана привлекаются лучшие ученые, лучшие инженеры, техники. Научность планирования обеспечивается еще и тем, что в каждом звене хозяйственной системы должны иметься знающие свое дело специалисты. Партия выполняет ленинский завет в этом отношении и тем, что она по-большевистски взялась еще в первой пятилетке за создание производственно-технической интеллигенции из рабочего класса и продолжает это во второй пятилетке. Диктатура пролетариата создает теснейшую связь между наукой и практикой социалистического строительства. Нигде, ни в одной стране, наука не пользуется такой поддержкой, как в Стране советов. Последнее постановление Центрального комитета партии и ЦИК СССР о передаче Академии наук в ведение Совнаркома СССР свидетельствует о стремлении к достижению еще более полной связи Академии наук с практикой социалистического планирования Госплана и наркоматов. И это в то время, когда в Германии, где наука и техника достигли очень высокого уровня, теперь поощряется культ уничтожения науки и техники и лозунг «наука и техника—общественное зло» есть официальный лозунг национал-социалистской Германии.

Победа социализма значительно расширила базу планирования. Второй пятилетний план показывает, что системой планирования мы пошли настолько далеко вширь и вглубь, что буквально не оставляем ни одного участка хозяйственной, культурной и научно-исследовательской работы вне плана и планирования. Второй пятилетний план серьезно отличается в этом отношении от первого пятилетнего плана. Второй пятилетний план охватывает не только крупную промышленность, но дает конкретные расчеты развития всей промышленности нашего Советского союза. Это значит, что развитие всей промышлености определяется нашим разработанным планом. Второй пятилетний план отличается от первого также и по кругу технико-экономических показателей. В соответствии с задачей завершения технической реконструкции народного хозяйства второй пятилетний план построен на основе гораздо более широкого круга технико-экономических показателей, на основе которых определены расчеты по количеству, качеству и себестоимости продукции наших хозяйственных отраслей. Второй пятилетний план полнее охватил все отрасли нашего социалистического сельского хозяйства и все виды нашего социалистического транспорта.

За истекшие десять лет выросло внутризаводское планирование как база всего нашего планирования. Несмотря на молодость наших колхозов, мы имеем рост внутриколхозного планирования. Тов. Сталин со всей остротой поставил вопрос о том, что не может быть колхоза без хорошего плана. Партия приняла все меры к тому, чтобы планирование внутри колхозов поднять на должную высоту. Внутризаводской и внутриколхозный планы должны стать основой нашего планирования, основой выполнения всех показателей плана и укрепления хозрасчета.

Участие масс в осуществлении наших планов — это вернейший залог успешности их выполнения. Тов. Сталин в яркой, красочной форме выразил эту мысль, говоря, что планы—это мы с вами, живые люди, это миллионы рабочего класса, это ударники социалистического строительства, охваченные пафосом строительства. И сейчас можно добавить,—это новые ударники периода второй пятилетки, охваченные пафосом освоения новой техники. Правильная политика партии обеспечила возможность такого энтузиазма в широких массах, что выдвигавшиеся планы не только принимались, но сами массы выдвигали встречные планы, демонстрируя этим, что планирование и выполнение планов есть их кровное дело. Массы корректируют наши планы, вносят поправки, ускоряют темпы, давая образцы трудового героизма. На этой основе могла быть выдвинута замечательнейшая формула т. Сталина,

формула, действительно открывающая эпоху в истории человеческого общества и общественного труда: труд в СССР является делом чести, делом доблести, геройства и славы.

Какая страна может, подводя итоги, привести хоть сколько-нибудь напоминающее то, что имеет место в нашем плановом хозяйстве? Щедро оплачиваемые блюдолизы буржуазии мечтают о плане и планировании. Тема о плане, о «пятилетке» стала модной темой в мире буржуазных экономистов, увеличивая арсенал цветистых фраз и громких слов. Но возможность планирования завоевана диктатурой пролетариата. План принадлежит нам! Капитализму же принадлежит анархия, кризис, безработица, голод и нищета. Наши планы дают расцвет производительных сил, в то время как по ту сторону нашей границы происходит разрушение их.

Однако, каковы бы ни были наши успехи в деле плановой работы на основе указаний Ленина и Сталина, мы, как большевики, не должны забывать и о своих недостатках. Поэтому, подводя итоги выполнения ленинских заветов в области планирования, мы должны указать и на имеющиеся недостатки в области планирования, в области построения плановых органов, чтобы их в кратчайший срок ликвидировать.

Борьба за внедрение хозрасчета во всех звеньях нашей социалистической экономики, борьба за усиление плановой финансовой дисциплины, борьба за дальнейшее укрепление советского рубля продолжает оставаться нашей важнейшей задачей. Решение этой задачи должно быть обеспечено качеством работы системы плановых органов, качеством работы армии плановых работников.

Предпринимаемая партией система организационных мероприятий для усиления работы советского и хозяйственного аппарата так, как того требует современная обстановка, направлена к тому, чтобы по-большевистски заставить его работать в условиях новых задач. Эта перестройка полностью распространяется также и на систему плановых органов.

Этот план мероприятий сводится к тому, чтобы ликвидировать функционалку в работе, перестроить аппарат по производственному принципу, сократить промежуточные звенья, продолжать сокращение штатов, обеспечить фактическую личную ответственность руководителей за поручаемое им дело и сосредоточить гораздо больше внимания на проверке исполнения.

Этот план мероприятий своим острием должен быть направлен против канцелярско-бюрократических методов в работе плановых органов.

Предпринимаемая партией организационная перестройка советского аппарата есть прямое продолжение выполнения ленинских заветов в области построения аппарата применительно к задачам периода второй пятилетки. Совершенно очевидно, что в периоде второй пятилетки, когда планом охвачены все участки нашей хозяйственной и культурной работы, четкая работа аппаратов, четкое, конкретное оперативное руководство решают судьбу планов. Перед плановым фронтом стоят еще важнейшие задачи по дальнейшей разработке тех частей второго пятилетнего плана, которые на данной стадии еще не закончены или не разработаны в достаточно полном виде. Это прежде всего относится к отдельным техническим проблемам, к вопросам качественных показателей. Наконец не надо забывать, что разработка пятилетки на местах только начинается.

Партия доказала умение вдохновлять массы, вести их в бой и решать труднейшие задачи социалистического строительства. И в 10-летнюю годовщину смерти Ленина, руководимые его великим преемником т. Сталиным, мы можем сказать его же словами о новых задачах социалистического планирования: «Уж мы, большевики, можем поручиться за то, что, взявшись за решение задачи, задачу решим».

Кризис капитализма и задачи мирового коммунистического движения

Д. Мануильский

Содержание работы XIII пленума ИККИ состояло в том, чтобы выявить то новое, что произошло со времени XII пленума как в развитии мирового кризиса, так и в общем мировом положении; во-вторых, дать анализ сдвигов, происшедших за последний год в соотношении классовых сил как внутри капиталистических стран, так и на международной арене; в-третьих, на основе такого анализа произвести правильный учет сил революции и реакции. Компартии ждут от этого пленума ответа, что представляет собою нынешняя стадия мирового развития, каков удельный вес на этой стадии элементов революционного кризиса, с одной стороны, и элементов фашизма и империалистической войны — с другой; прервал ли приход фашистов к власти в Германии созревание элементов революционного кризиса в ней, в чем конкретно выражается на данной стадии соотношения классовых сил созревание мирового революционного кризиса.

Наконец, в-четвертых. Пленум должен в соответствии с данным учетом сил революции и реакции наметить основные задачи мирового коммунистического движения.

I. Новое в международной обстановке

Новое, что мы имеем в развитии мирового экономического кризиса, состоит в том, что

1) в отдельных капиталистических странах (САСШ, Япония, Германия) летом 1933 г. наметилось некоторое оживление хозяйственной кон'юнктуры, связанное, во-первых, с ростом военных заказов, во-вторых, с проведением инфляции, в-третьих, С правительственными мероприятиями, направленными к искусственному, хотя бы и крайне недолговечному под'ему производства и повышению цен. Под'ем этот «продлился всего лишь несколько месяцев и сменился в САСШ вновь резким движением вниз промышленного производства и цен. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что это новое падение пока не достигло самой низкой точки, которая характеризовала развитие кризиса в прошлом;

2) переплетение мирового экономического кризиса с общим кризисом капитализма зашло так далеко, что, хотя не исключена возможность отдельных кон'юнктурных улучшений, все же основная линия развития мирового капитализма, определяемая его общим кризисом, будет итти вниз. Все более становится ясным миллионам людей, что возвращения капитализма к докризисному состоянию быть не может, что «просперити» было лишь кратковременным эпизодом на фоне капиталистической стабилизации. В связи с этим кризис, с одной стороны, все более и более «политизируется», с другой,— в нем выступают все резче в качестве факторов разрушения капиталистической системы моменты общего кризиса капитализма: фашизм, война, революционное движение масс;

3) попытки буржуазии спасти капиталистическое общество от гибели (план Рузвельта, Оттавская конференция, хозяйственная автаркия) если и дали кое-где улучшения временного, кон'юнктурного характера,— тем не менее они обанкротились как средства ликвидации общего кризиса капитализма. Государственные мужи, выступающие в роли знахарей, нашедших средства вылечить обреченный на гибель строй, все больше и больше напоминают швейцарского банкира Неккера кануна Великой французской резолюции;

4) за истекший год произошло более быстрое вызревание элементов фашизма и войны, чем элементов революционного кризиса. И тем не менее революционный кризис, вызревавший только в отдельных капиталистических странах к моменту XII пленума ИККИ, сейчас находится на пути перерастания в революционный кризис всей мировой системы капитализма. Это не означает, что этот революционный кризис охватит все капиталистические страны одновременно. Это означает лишь, что количественные изменения, внесенные экономическим кризисом в мировое капиталистическое хозяйство, повлекут за собой такие качественные изменения, что революционного кризиса в той или другой отдельной стране может и не быть, и тем не менее революционный кризис всей системы мирового капитализма будет налицо. Такой революционный кризис развернется на основе дальнейшего углубления и обострения общего кризиса капитализма. Внутренняя диалектическая связь процессов созревания революционного кризиса фашизма и войны обуславливается крайне быстрыми сдвигами в соотношении классовых сил. Фашизм при недостаточном отпоре ему трудящиеся перерастает в империалистическую войну, а империалистическая война, если она не превращается в победоносную пролетарскую революцию, порождает фашизм, как это видно на примере Италии. С другой стороны, империалистическая война повлечет за собой революцию (пример—царская Россия и центральные империи), а революция вызовет нападение капиталистического мира, как об этом говорит опыт интервенции. И если сейчас есть силы, задерживающие империалистическую войну, то это угроза пролетарской революции и страх буржуазии перед СССР;

5) лихорадочная подготовка капиталистических государств к новым империалистическим войнам создала предвоенную обстановку. Сейчас находят свое завершение годы подспудной работы военных штабов, годы работы Лиги наций как орудия империалистических войн, годы тлетворной лжепацифистской пропаганды социал-демократии, готовившей войну. Все характерные моменты предвоенной обстановки налицо: срыв международных трактатов и соглашений (нарушение версальских и вашингтонских обязательств), рост скрытых и открытых вооружений, милитаризация хозяйственной и общественной жизни капиталистических стран, усиление политической реакции. Экономическая война как прелюдия империалистической войны в полном разгаре. Фашизм с его разнузданной шовинистической пропагандой, с проповедью дикого националистического человеконенавистничества создает психологическую обстановку для кровавых боен; идет крестовый поход против коммунистов, проявления массового недовольства душатся с беспощадной жестокостью, диктатура буржуазии принимает все более террористический характер, обуславливающий возможность для буржуазии рискнуть еще раз кинуть народы в кровавую сечу. И трудящиеся массы всего мира должны знать, что с первого дня новая империалистическая война ускорит еще больше темпы фашизации всех капиталистических государств, она создаст атмосферу реакции, в которой будет трудно дышать, если трудящиеся не положат конец капиталистической системе раньше, чем она втащит их в военные катастрофы.

Но самым крупным событием последнего года был приход фашистов к власти в Германии. Значение этого события немаловажно. Во-первых, установление фашистской диктатуры в Германии загнало в подполье, подполье тягчайшее, невиданное в истории, одну из. крупнейших партий Коммуниста-

ческого интернационала—КПГ. За этой партией шли миллионы трудящихся. Она была наиболее близка среди компартий капиталистических стран к завоеванию большинства рабочего класса. Уже хотя бы по одному этому факту мы не можем пройти мимо этого события, не использовать уроков палаческого удара по германскому пролетариату для всех других секций Коммунистического интернационала. Установление фашистской диктатуры в Германии производит новую перегруппировку сил среди капиталистических держав. Оно приближает в огромной степени пожар новых империалистических войн, оно бьет не только по германскому пролетариату, но своим острием оно направлено против очага мирового большевизма—СССР. Оно втянуло в орбиту фашистского развития всю Центральную Европу, оно ускорило процессы фашизации во всех капиталистических странах, усилив в них ветер реакции, несущий своими судорожными порывами бурю революции. Пленум не может пройти мимо этого события еще и потому, что в сознании мирового пролетариата оно вызвало огромную переоценку ценностей, хотя по масштабу и меньшую, чем во время мировой войны, но переоценку, значения которой нельзя преуменьшать. Оно ускорило процесс разложения мировой социал-демократии, что также является новым моментом политического развития после XII пленума ИККИ. Успехи социалистического строительства в СССР, с одной стороны, экономический кризис в капиталистических странах—с другой, повлекли за собой кризис социал-демократии. Банкротство германской социал-демократии перед лицом фашизма наряду с лихорадочной подготовкой капиталистического мира к империалистической войне превратило этот кризис в начавшийся развал II интернационала.

Но установление фашистской диктатуры в Германии вызвало кое-какие колебания в наиболее неустойчивых звеньях коммунистических партий. И во Франции и в Англии, Чехо-Словакии, Швейцарии, Австрии, да и в самой Германии нашлись отдельные люди, которым это испытание оказалось не по плечу. Позиция по германскому вопросу стала пробным камнем степени большевизации секций Коммунистического интернационала, их большевистской закаленности, их способности итти с высоко поднятой головой к крутым поворотам событий, с которыми связан неизбежно конец капиталистической стабилизации.. И нужно с величайшим удовлетворением сказать на этом пленуме, что секции Коминтерна с честью выдержали эту пробу. Подумайте, товарищи, что было бы, если бы это событие случилось несколько лет тому назад, когда большевизация секций Коминтерна протекала в чередующихся кризисах. Такое событие неизбежно повлекло бы за собой глубокий кризис в Коминтерне. А между тем сегодня германская компартия не только не имела этого кризиса, но она еще более героически, еще выше держит знамя, омытое кровью лучших ее сынов, лучших борцов рабочего класса. Одно поведение Димитрова на лейпцигском процессе заставляет с гордостью биться сердце при мысли, что Димитровых выпестовала наша мировая коммунистическая партия, что десятки тысяч германских коммунистов вызывают даже у своих врагов уважение своей стойкостью и своей беззаветной преданностью делу мировой пролетарской революции. И на фоне этого массового героизма тем позорнее дезертирство Реммеле и Нейманов, отражающих в своей политической линии деморализацию тех слоев отсталых рабочих, которые шли за социал-демократией и которые оказались дезориентированными после капитуляции германской социал-демократии перед фашизмом. Энгельс когда-то писал: «Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет» («Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 71). И Реммеле и Нейман увязли в социал-демократическом болоте, увязли потому, что хотели преступно воспользоваться ударом, нанесенным германскому рабочему классу, для опорочения партии и ее большевистского руководства.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что линия КПГ и ее вождя т. Тельмана, не принявших открытого вооруженною боя с фашистскими бандами, была абсолютно правильной. Сейчас, как это видно из процесса о поджоге рейхстага, спровоцировать этот бой, чтобы физически уничтожить авангард германского рабочего класса, входило «в расчеты фашистской сволочи. И этого же хотели и германская социал-демократия и весь II интернационал, когда они отвергли предложение Коминтерна от 5 марта о едином фронте борьбы против фашизма. Подвести немецких коммунистов под топор фашизма, покончить одним ударом с одним из передовых отрядов мирового большевизма—КПГ—это шло по линии желаний и господ Вельсов. Именно поэтому не желавшие драться с фашизмом Вельсы отклоняли повторные попытки КПГ наладить общую борьбу социал-демократических и коммунистических рабочих против фашизма.

Разгрома верной Коминтерну партии Тельмана добивался и негодяй Троцкий, ставший главным поставщиком «идей» для международной реакции. И эти злодейские планы германского фашизма и социал-фашизма в отношении КПГ увязываются теснейшим образом со всей позицией II интернационала в отношении мирового большевизма и СССР.

Международная социал-демократия вкупе с Троцкими хотела бы вооруженного разгрома СССР, ибо она знает, что победа социализма несет смерть социал-демократии.

И было бы чистейшей авантюрой, если бы германская компартия, опиравшаяся на часть расколотого социал-демократией пролетариата, часть, к тому же изолированную от крестьянства и мелкой городской буржуазии, не располагавшая никакими вооруженными силами, ввязалась в бой с соединенными фашистскими бандами и рейхсвером.

В этой же плоскости лежат и обвинения КПГ отдельными пораженцами в том, что она после отклонения социал-демократией ее предложения о едином фронте борьбы не развернула самостоятельной акции, пусть и не вооруженного характера, но акции вообще. И здесь совершенно ясно, что мы имеем дело с социал-демократическими подголосками, поддавшимися давлению социал-демократии и перекладывающими ответственность с нее на германскую компартию. Вместо того чтобы перед рабочими своей страны пригвоздить к позорному столбу германскую социал-демократию, покинувшую пролетариат в тягчайшую годину, сознательно подводившую его обезоруженным и материально и политически под топор фашистского палача, эти люди кидают камнем в партию, мужественно выполнявшую и выполняющую свой долг перед пролетариатом. Такие люди—препятствие к завоеванию социал-демократических рабочих, и разоблачение их является условием успешной борьбы против социал-демократии.

II. Сдвиги в соотношении классовых сил

Значение прихода фашистов к власти в Германии состоит также и в том, что он оказал влияние на соотношение сил пролетариата и буржуазии в других капиталистических странах.

Источник самоуверенности сил реакции нужно искать в *расколе рабочего класса*, вызванном предательской политикой международной социал-демократии. Предательство социал-демократии помогло буржуазии подавить в 1919—1921 гг. пролетарские революции в центральных империях, добиться стабилизации капитализма на костях рабочего класса. Оно помогает сейчас буржуазии либо вести курс на войну и установление фашистской диктатуры, либо уже сегодня осуществлять и то и другое в отдельных капиталистических странах.

Рабочий класс расколот не сегодня и не в течение последнего года. Тут дело не в количественных изменениях. Новое состоит в удельном весе раскола рабочего класса перед лицом зреющего фашизма и империалистической войны. В период капиталистической стабилизации социал-демократия предавала стачки, но рабочие терпели частичные поражения. Предательство перед лицом наступающего фашизма бьет по рабочему классу в целом. Это преступление почти такого же большого исторического характера, как измена 4 августа, как подавление в крови германской пролетарской революции. Стоит на минуту себе представить, как бы выглядел сейчас мир, если бы была раздавлена внутри рабочего класса подлая социал-демократическая гадина, если бы мировое рабочее движение было об'единено под руководством компартий и Коммунистического интернационала при наличии Советского союза плюс советы в Китае. Тогда не было бы ни германского фашизма, ни угрозы империалистической войны.

Установление фашистской диктатуры позволяет буржуазии временно примирять интересы разных групп, сплачивать эти группы в один ударный кулак против рабочего класса, увеличивая в большой степени сопротивление буржуазии против пролетарской революции. А этому сплочению буржуазии и сил реакции противостоит расколотый рабочий класс. И это уже одно меняет соотношение сил в капиталистических странах в сторону, неблагоприятную для пролетариата.

Это не значит конечно, что эта динамика в соотношении сил не может меняться и меняться крайне быстро. Это уже совершается и неизбежно будет совершаться катастрофически быстрыми темпами в условиях конца капиталистической стабилизации, но развитие фашистских тенденций в капиталистическом мире ухудшает пока условия для борьбы пролетариата. Кризис оказывает огромное революционизирующее влияние на массы, но он создает также и огромные кадры безработных, особенно среди молодежи, часть которых фашизм сегодня увлекает за собой своей беспардонной социальной демагогией. Фашистские влияния просачиваются т. о, в отдельные прослойки пролетариата.

Учтите далее возросшие трудности стачечной борьбы в условиях кризиса, предпринимательский террор на предприятиях, неслыханное давление государственного аппарата террористической диктатуры на рабочий класс, большие трудности в развитии открытых форм рабочего движения, и вам станет ясно, где искать причины относительной заминки рабочего движения в капиталистических странах между XII и XIII пленумами ИККИ и почему рабочее движение в этих странах не идет непрерывно вверх.

И в этих же изменениях нужно искать об'яснения того факта, что общее количество членов партий, входящих в секции Коминтерна, не поднялось по сравнению с цифрами XII пленума ИККИ.

Это не значит конечно, что отдельные секции не выросли. Киткомпартия например за один год выросла на 100 тыс., насчитывая в настоящее время около 400 тыс. членов. Но есть секции, которые за этот год жестоко пострадали от ударов классового врага. И, несомненно, первое место по понесенным жертвам принадлежит германской коммунистической партии, потерявшей с момента прихода фашистов к власти свыше 2 тыс. убитыми, 60—70 тыс. заключенными в концлагери и сохранившей тем не менее, по заявлению т. Пика, около 100 тыс. в своих рядах.

Если бы германская компартия предстала сегодня перед пленумом даже с половиной, с третью этого числа, то и в этом случае мы должны были бы сказать, что КПГ остается образцовой секцией Коммунистического интернационала. А между тем расправы чинятся не только в Германии, они коснулись за этот год в большей или меньшей степени большинства секций Коммунистического интернационала. За 8 месяцев 1933 г., по данным Исполкома

МОПР, убито 46 тыс. чел., ранено и изувечено 160 тыс., арестовано 228 тыс. революционных рабочих и крестьян, подавляющее большинство которых члены компартий и активные сторонники коммунистических идей. В Японии за два года арестовано 14 тыс., а с 1929 г.—30 тыс. Но ведь это целая партия!

Не надо забывать того, что этот год был связан с переходом целого ряда секций на нелегальное или полулегальное положение. Запрещена компартия не только в Германии, но и в Австрии, и в других странах; закрыта коммунистическая печать, закрываются красные профсоюзы.

И если в этих условиях распространяющегося белого террора компартии капиталистических стран, не имевшие в прошлом опыта нелегальщины, выраставшие в атмосфере буржуазного легализма, отступили в подполье в порядке и сумели, хотя бы и с трудом, перестроить методы своей работы, то это есть уже серьезное достижение Коминтерна.

Надо понять, что общая тенденция развития в условиях неизбежной схватки двух классов и двух миров, усиливающегося роста противоречий между ними ведет к такому режиму в отношении организаций чужого класса, где не будет места для элементов так называемых демократических свобод. Буржуазная диктатура с беспощадностью будет давить и истреблять революционные организации рабочего класса. И это обстоятельство является характерным симптомом эпохи революций и войн.

Изменения в соотношении классовых сил в капиталистических странах связаны также с усилением фашистского влияния среди крестьянства и мелкой городской буржуазии. Среди секций Коминтерна только отдельные компартии, вроде болгарской, сумели упрочить свое влияние на крестьянство, в то время как в подавляющем большинстве капиталистических стран крестьянство шло до сих пор за буржуазными партиями. Новое за последний год состоит здесь в том, что под влиянием жестокого аграрного кризиса произошла в отдельных странах передвижка более или менее значительных групп крестьянства в лагерь фашизма.

Еще более отчетливо эти процессы проявились среди городской мелкой буржуазии и разоренных кризисом «средних» слоев. Тут нужно сказать откровенно, что ни одна компартия капиталистических стран до сих пор не уделяла внимания завоеванию мелкой городской буржуазии на сторону пролетариата или по крайней мере ее нейтрализации.

А между тем фашизму, если не удалось завоевать резервы пролетариата на свою сторону, то шаг вперед на этом пути он несомненно сделал. Сила притяжения этих резервов к пролетариату была ослаблена состоянием раскола мирового рабочего движения, ибо мелкая буржуазия уважает авторитет силы: она колеблется в ту сторону, которая больше импонирует ей своей силой. Наконец в колониях, если не считать Китая, вследствие диференциации национально-революционного движения истекший год отмечен был по сравнению с предыдущими годами известным ослаблением размаха движения, пусть и напомнившим затишье перед грозой, но затишье, позволявшее буржуазии тем свирепее обрушиться на пролетариат.

Вся эта обстановка несомненно способствовала более быстрому, чем это было раньше, вызреванию элементов фашизма и войны. И в то же время она дала повод международной социал-демократии и ее ренегатским подголоскам об'явить наступивший период периодом контрреволюции.

Можно ли этот период считать периодом только черной реакции по примеру той, которая наступила в Европе после подавления революции 1848 г. или разгрома Парижской коммуны 1871 г.?

Нет, нельзя. История знает различные типы реакции, но в основном их можно свести к двум видам. Реакция, происходящая после поражения революции и разгрома пролетариата на падающей революционной волне,—именно к этому типу реакции относится полоса, наступившая после 1848 г. или

1871 г. Но в истории бывали и другие периоды беснования реакции, периоды, предшествовавшие революциям. Царизм применял жесточайшие меры террора как раз непосредственно накануне революции. Шатающаяся в 1918 г. германская монархия расстреливала революционных матросов за несколько месяцев до своего падения. Террористическая диктатура военного времени 1914—1918 гг. не смогла помешать тому, что революция в Центральной Европе кончила мировую войну. А между тем в месяцы и недели, предшествовавшие окончанию войны, террор против трудящихся, солдат принял во всех капиталистических странах самые свирепые формы. Стачки об'являлись вне закона, свободно высказанное мнение каралось как государственная измена, военно-полевые суды выносили десятками смертные приговоры, по солдатам, не желавшим итти в наступление, открывали огонь. Террор правящих классов свидетельствовал отнюдь не об упрочении власти, они прибегали к террору как к последнему средству, чтобы отстрочить революционный взрыв.

Именно для таких периодов положение Маркса о том, что партия революции сплачивает партию реакции, приобретает сугубое значение. Оно наиболее подходит для такой ситуации, когда силы пролетариата еще не созрели настолько, чтобы вооруженной рукой можно было начинать свержение правящих классов, с другой стороны, позиции правящих классов настолько поколеблены, что они должны прибегать к экстраординарным мерам, чтобы удержать свое господство. Но, однако, положение Маркса имеет и обратную сторону. Силы реакции сплачивают и силы революции. Фашизм не только затрудняет борьбу рабочего класса, но он ускоряет процессы вызревания революционного кризиса.

Именно такие периоды, как нынешний, характеризуются развитием двух противоречивых процессов, двух нарастающих волн: волны революции и волны реакции. Эти оба процесса с разных сторон расшатывают капиталистическую систему все шире, глубже и острее. И тот, кто допускает сейчас одну одностороннюю тенденцию, тенденцию только политической реакции, скидывая со счетов элементы вызревающего революционного кризиса, тот неизбежно становится на почву признания «организованного капитализма», преодолевающего раздирающие его противоречия в единстве реакции.

В чем сейчас проявляются элементы вызревающего революционного кризиса? Во-первых, в небывалом напряжении классовых взаимоотношений. Фашистская диктатура вносит в эти взаимоотношения элементы открытого, ничем не замаскированного насилия и гражданской войны. Она так же, как и в свое время война 1914—1918 гг., ставя в порядок дня штык, убивает в массах иллюзии легализма и буржуазной законности. Этим самым буржуазная диктатура подготовляет свою собственную гибель.

Человеческая история не знает прецедентов такой напряженности классовых отношений не потому, что классы не сталкивались раньше в более резких конфликтах, а потому, что экономические противоречия, лежащие в основе этой напряженности, выходят за пределы всего того, что знало до сих пор человечество. Ужасающая сила давления на массы монополистического капитала повлечет за собою неизбежно такие революционные взрывы, равных по масштабу которым не было в прошлом.

Фашизм воспитывает в трудящихся массах бешеную ненависть не только к его бандитским отрадам, но и к буржуазии как к классу, отвечающему за все насилия и подавление трудящихся. Кто сеет ветер, тот пожнет бурю.

Лицемерный пацифизм и в классовых и в международных отношениях на наших глазах терпит банкротство.

Господство открытого насилия и в отношениях классов и в отношениях капиталистических государств между собою составляет основное содержание эпохи распадающегося капитализма после конца капиталистической стабилизации. Это характерная черта второго тура революций и войн.

Вторым элементом вызревающего мирового революционного кризиса является растущее возмущение масс. Задавленное, загнанное вглубь, это массовое возмущение находится в странах фашистской диктатуры в глубоком подпольи. Подспудные процессы его часто неуловимы простым глазом, поэтому они и приводят к неожиданным взрывам.

Ленин писал еще в 1916 г.:

«Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, или уличной демонстрации или голодного бунта или военного восстания или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса или Цабернского инцидента или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.» (Ленин, т. XIX, стр. 39, изд. 2-е).

Французские буржуазные историки утверждают, что если бы кто-нибудь прошел по улицам Парижа за несколько дней до падения Бастилии, он бы не заметил ничего такого, что могло бы предвещать 14 июля 1789 г. Поверхностное «спокойствие» создает аберрацию у правящих классов. Фашистская диктатура, загоняющая массовое недовольство вглубь, теряет чувство реальности,—она судит о положении по донесениям тех истерических кретинов, которых она поставила начальниками штурмовых отрядов. Товарищи, которые охраняли Николая II, могли бы рассказать, какое почти идиотское непонимание смысла происходивших в революционной стране событий обнаруживал человек, стоявший во главе огромнейшей страны. Фашизм, как необузданный вандал, разбивает всю систему тех измерителей, по которым можно судить о настроениях масс: статистику, профсоюзы, выборы и т. д. И всякая реакция в большей или меньшей степени идет по его следам. Отсюда вытекает неожиданный характер массовых взрывов.

Мы имели 1 мая 1926 г. всеобщую английскую стачку, 15 июля 1927 г.— восстание венских рабочих, осенью 1931 г.—движение в английском флоте как признаки растущего возмущения масс капиталистическими порядками. Может ли кто-нибудь утверждать, что по мере развития кризиса это возмущение пошло на. убыль? Можно ли сейчас в странах фашистской диктатуры степень этого возмущения измерять только одними стачками и демонстрациями? Не сигнализируют ли о росте этого возмущения такие факты, как расстрел в Женеве, как события в Румынии, как восстание в голландском флоте об'единившихся голландских и малайских моряков?

В-третьих, наконец немаловажную роль в деле созревания элементов общемирового революционного кризиса играет рост влияния компартии и идей коммунизма вообще. Это влияние идет по трем основным линиям. Прежде всего оно расширяет число непосредственных сторонников целей и задач компартии среда рабочего класса; во-вторых, растет число людей, которые не называют себя коммунистами, но в движении инстинктивно, по классовому чутью, воспринимают наши лозунги, наши методы борьбы, служат целям своего класса. В любой стихийной стачке, в любом стихийном движении можно найти такого рода неожиданных «выдвиженцев» из самой массы. Наконец влияние идей коммунизма сказывается в проникновении их в ряды враждебных организаций и прежде всего в ряды социал-демократии, что ускоряет процессы разложения последней.

III. Силы революции

Но каков удельный вес тенденций мирового революционного кризиса по сравнению с тенденцией фашизма и войны?

Ответить на этот вопрос можно лишь путем учета сил революции, противостоящих мировым силам реакции. Силы революции—это, во-первых, коммунистические партии капиталистических стран, во-вторых, национально-

революционные движения в колониях, в-третьих, это Советский Китай и, в-четвертых, Советский союз как решающий и важнейший фактор мировой пролетарской революции.

Компартии капиталистических стран—очень важный фактор мировой пролетарской революции, но за исключением отдельных секций компартии не имеют еще широкого массового организационного базиса, что и позволяет расти элементам фашизма и войны крайне быстро. К тому же. компартии имеют целый ряд больших недостатков в их работе.

Во-первых, все компартии капиталистических стран без исключения недостаточно использовали мировой экономический кризис для своего политического и организационного укрепления. Они не повсеместно возглавили движение рабочего класса за его частичные требования, они не развернули огромного массового движения безработных в соответствии с размерами нынешнего кризиса, они не всегда умели мобилизовать массы вокруг ясных, конкретных лозунгов, отвечающих настроениям этих масс, на борьбу против капитализма и буржуазной диктатуры. И причина слабой работы в этой области компартий лежит в оппортунистической пассивности, неизжитых сектантских навыках, тормозящих и организационный и политический рост секций Коминтерна. И если бы компартии, в особенности малочисленные, преодолели эти проявления оппортунизма, они пришли бы сегодня на этот пленум с другими итогами, чем те, которые они имеют.

Вопросы массовой политики и массовой работы должны стать краеугольным камнем всей деятельности компартий, если они серьезно рассчитывают заградить путь фашизму и империалистической войне и ускорить созревание элементов мирового революционного кризиса.

Во-вторых, компартии не в достаточной мере использовали банкротство буржуазной демократии в Германии и политический и организационный кризис германской социал-демократии для того, чтобы подорвать базу влияния всего II интернационала. Достаточно решительного большевистского наступления на международную социал-демократию со стороны секций Коминтерна не было Начались оппортунистические колебания, отраженные Эмбер Дро в швейцарской компартии, Гутманом в чехо-словацкой, Шюллером в австрийской, колебания, сводившиеся к ослаблению борьбы против социал-демократии, к открытому скатыванию на социал-демократические позиции и вносящие «дух колебания и оппортунизма, дух разложения и неуверенности» (Сталин). Тов. Эрколи спрашивает нас, чем об'яснить тот факт, что социал-демократии удалось сманеврировать, развить новую серию теорий и аргументов в защиту предательства германской ооциал-демократии. Именно потому, отвечаем мы, что наступление секций Коминтерна на международную социал-демократию было недостаточным. Были люди, у которых начались сомнения, является ли социал-демократия после удара по ней правительства Гитлера главной социальной опорой буржуазии. Как будто вопрос о социальной функции Вельсов и Блюмов решается формой буржуазной диктатуры!

Основной вопрос, определяющий роль социал-демократии в системе буржуазной диктатуры,—это является ли социал-демократия и после прихода Гитлера к власти агентом капитала внутри рабочего класса, агентом, который раскалывает пролетариат и тем самым облегчает победу фашизма, а следовательно помогает ли она сохранению капитализма?

Изменилась ли позиция социал-демократии после того, как ее вышвырнули из рейхстага, в вопросе отношения к компартии, Советскому союзу, к пролетарской революции, к классовой борьбе, к единому фронту для отпора фашизму и т. д.?

Нет, не изменилась. Отсюда вывод, что социал-демократия остается, как Правильно сказано в тезисах, главной социальной опорой буржуазии.

В-третьих, компартии за исключением японской, китайской и, пожалуй,

французской недостаточно использовали угрозу империалистической войны для мобилизации масс на борьбу с шовинизмом и военной опасностью. И здесь повинна фаталистическая установка, просачивающаяся в наши ряды. Кое-где пытаются толковать тезисы, данные В. И. Лениным делегации на Гаагскую конференцию, как указание, что наступлению империалистической войны помешать нельзя, что настоящая революция начнется только в итоге новой империалистической войны. Это ошибка.

Хорошо бы выглядел Коминтерн и его секции, если бы в момент нападения на СССР капиталистического мира мы стали ждать обескровления капитализма прежде, чем начинать боевые действия против него!

Надо помнить, что в борьбе с подготовкой сугубо реакционной империалистической войны капиталистического мира против СССР вы должны будете отражать в ваших странах всю тяжесть удара классового врага в обстановке бешеного террора и шовинизма. Мы должны быть к этому готовы, ибо малодушия и отступления быть не может.

Как бы секции Коминтерна ни были недостаточно организационно крепки, как бы сильным ни казался классовый враг, угрожающий танками, пушками, всеми видами сухопутного, морского и воздушного вооружения, наша сила еще не развернута, она еще в потенциальном состоянии.

Одно из отличий буржуазной диктатуры от пролетарской состоит в том, что у буржуазной диктатуры между целями и интересами, которые она защищает, и ее разношерстным массовым базисом глубокий разрыв. Этого разрыва нет у пролетарской диктатуры.

Но именно эта щель буржуазной, в том числе фашистской, диктатуры образует ее органический порок, влекущий неизбежность передвижки и «утечки» в ее массовом базисе.

Нельзя забывать того, что те самые люди, которые в августе 1914 г. шли на войну с патриотическими песнями, со штыками, украшенными цветами, к концу войны кололи этими штыками своих офицеров. Силы реакции меньше всего обнаруживают социальную стабильность, они зыбки и подвержены подземным толчкам и колебаниям почвы под ногами. Процессы отхода от фашизма масс неизбежны, и они уже начинаются в Германии. Именно поэтому мы не можем говорить о перерыве в развитии революционного процесса в Германии. Созревание кризиса в Германии не кончено, оно приняло лишь другие формы, оно развивается зигзагами вместо прямой всходящей линии вверх. Есть товарищи, которые говорят, что установление фашистской диктатуры в Германии несет тягчайшее поражение всему международному рабочему классу. Несомненно, что победа фашизма в Германии — тяжелый удар не только для германского рабочего класса. Но ведь за этот год мировой рабочий класс в Китае и в Советском союзе одержал и огромные победы. Нельзя оценку соотношения сил строить только по отдельной стране. «Теперь нужно говорить, как сказал т. Сталин, о мировой пролетарской революции, ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма...» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 21). Эти победы в Китае и СССР передвигали соотношение классовых сил на международной арене в пользу пролетариата. В этом же направлении действовали и процессы революционного брожения в колониях. Они не повсюду проявлялись в бурных формах, но империализм не укрепил своих позиций в колониях. Диференциация национально-революционного движения ослабила размах движения, но она усилила влияние компартий на отходящие от национал-реформистов слои трудящихся. В Манчжурии сейчас свыше 100 тыс. партизан вместо прежних нескольких сот тысяч, но это движение стоит не под руководством генерала Ма или Су Бин-вея, а под руководством вожаков, выдвинутых самой массой.

Далее, истекший год характеризовался под'емом национально-революционного движения в арабских странах (Сирия, Палестина, Алжир, Тунис и т. д.). Но несомненно, что самые большие успехи имела китайская революция в советских районах. Китайская компартия, китайские советы, Китайская красная армия—это уже не просто движение, а организованное рабоче-крестьянское государство, и государство, лучше организованное и более цивилизованное, чем любое капиталистическое государство. Оно не знает ни казней топором, ни предания огню произведений человеческого гения, оно признается самыми лютыми врагами китайской революции наиболее твердым и устойчивым правительством Китая.

Это государство уже стало серьезным фактором международной политики, оно ведет переговоры с правительствами отдельных провинций, с наличием его считаются крупнейшие капиталистические государства, китайские советы уже сегодня тревожат фланг японского империализма, являясь фактором, сдерживающим его наступление на Советский союз, ибо японские империалисты понимают, что в случае агрессии против СССР придут в движение 400 млн. китайцев и что китайские советы могут стать во главе движения за национально-революционное освобождение Китая от ига империалистов, за очищение Манчжурии и Северного Китая от оккупационных войск японского хищника. Успехи Советского Китая не только делают непобедимой китайскую революцию, но они укрепляют позиции мирового рабочего класса в борьбе с буржуазией и делают из Советского Китая важнейший фактор вызревающего мирового революционного кризиса.

А что делается в СССР? Тут дело не в одних магнитогорских домнах и огнях Днепростроя. Тот факт, что Донбасс за ряд лет впервые выполняет крайне напряженный план добычи угля, что страна социалистической стройки идет сейчас к 26 тыс. т. чугуна ежедневно, — это только отдельная небольшая иллюстрация к грандиозному фону картины сегодняшнего дня и ближайшего будущего, которое развертывается перед нами. Мы собрали в нынешнем году прекрасный урожай, осенняя посевная кампания проведена колхозами по-хозяйски, проделана большая работа миллионами колхозных рук по борьбе с сорняками. У нас давно не было такого качества сева, такого ухода за землей, как в нынешнем году. Поднята зябь для подготовки весенней вспашки для технических культур, чего не знала старая Россия. Наш вождь, наш учитель, наш испытанный полководец и великий стратег мировой пролетарской революции т. Сталин сказал партии и стране трудящихся, что этот год должен стать последним годом наших трудностей, и вся партия и страна работает с упорством, с несокрушимой энергией над выполнением этого лозунга. Мы работаем сейчас над разрешением проблемы животноводства с большевистским напором, пламенной энергией былых борцов фронта в гражданской войне. Уже весной мы развернем массовое птицеводство, в течение ближайших двух лет мы увеличим поголовье скота, и мы уверены, что советская ярославская корова забодает не только фашизм, но и весь мировой капитализм. Вы понимаете, почему в текущем году у нас произошло небывалое укрепление колхозного строя. Произошло оно на основе резкого повышения стоимости трудодня в колхозах. Если в прошлом году колхоз, получивший 3—4 кило на трудодень, считался хорошим колхозом, то в нынешнем году такие колхозы у вас не в почете. Нынешний год принес с собой благодаря правильной генеральной линии нашей партии укрепление трудовой дисциплины в колхозах, укрепление социалистического отношения к труду, повышение доверия колхозных масс к партии и советской власти. Особенно резко это бросается в глаза среди женщин-колхозниц. Уверяю вас, что у беспартийных женщин-колхозниц в отношении революционной перспективы более крепкая и здоровая уверенность, чем например у члена ИККИ в отставке Реммеле. Кол-

лективизация сельского хозяйства, развернувшаяся на основе проводимой нами технической революции, разбила вдребезги старое разделение труда, нынешняя женщина-колхозница не занимается только домашним хозяйством. Она села на трактор, на комбайн, она стала машинистом у молотилки, она пошла пахать в поле плугом. Женщина-колхозница, вчерашняя рабыня домашнего очага, почувствовала себя равноправной хозяйкой нового, колхозного строя, ее сознание выросло неимоверно. Новые миллионы таких женщин, разбуженных к политической жизни колхозной резолюцией, советская власть завоевывает сейчас как сознательных строительниц социалистического общества.

База пролетарской диктатуры в этом году расширилась в деревне и в городе. Кулаку и его вредительской работе нанесен сокрушительный удар, от которого ему не оправиться. Колхозы стали незыблемой основой нашего советского строя. А все это ведет к повышению обороноспособности Советского союза. И дело здесь не только в техническом оснащении Красной армии, а в политическом оснащении партии и советской власти преданностью миллионов трудящихся. Ликвидация наших трудностей, к которой мы идем, оказывает и окажет огромное революционизирующее влияние на трудящиеся массы капиталистических стран. И если успешным выполнением первой пятилетки мы доказали всему миру, что только социализм обеспечивает могучее развитие производительных сил, то ликвидацией наших трудностей в начале второй пятилетки мы убеждаем всех трудящихся, что только социализм гарантирует трудящимся массам наивысший уровень потребления и материальное благополучие. Чувствуете ли вы, товарищи, какое могучее оружие в вашей борьбе против капитализма и социал-демократии вы получаете? Германским пролетариям, нашим братьям по классу и партии, заточенным в фашистских тюрьмах и концлагерях, этот пленум должен сказать: братья, мы слышим вас, мы гордимся вашей борьбой, страдаем вашими страданиями. Тысячи молотов стучат в Советской стране, разбивая оболочку старого мира, углубляя трещины в капиталистической системе и ускоряя час освобождения всего мирового пролетариата.

IV. Задачи компартий

Но если в мировом развитии проявляются противоречивые тенденции, то международная обстановка усложняется тем больше, что действие общего кризиса капитализма неравномерно в разных капиталистических странах, а отсюда следует, что неодинаковы и степень развала капитализма по отдельным странами острота классовых взаимоотношении в них, неодинаково идут процессы фашизации при наличии разных уровней рабочего движения, равно как и различных степеней в созревании революционного кризиса. Это необходимо тем резче подчеркнуть, что какую бы большую роль Германия ни играла в сложном комплексе мировых отношений, тем не менее нельзя интернационализировать германский фашизм и навязывать всем партиям одинаковые тактические задачи, подогнанные под условия Германии. Несомненно, что элементы фашизма вызревают во всех капиталистических странах, но, во-первых, формы его будут различны, во-вторых, отнюдь не обязателен тип германского фашистского развития для других капиталистических стран, идущих к установлению фашистской формы буржуазной диктатуры: французской буржуазии например оболочка буржуазной демократии, служащая удобным прикрытием фашистских методов, более выгодна на данном этапе, чем открытая фашистская диктатура. Во-первых, эта демократическая оболочка дает французской буржуазии готовую идеологию в будущей империалистической войне с Германией, во-вторых, она позволяет французскому империализму лучше осуществить свои цели как в колониях, так и

среди государств-вассалов, в-третьих, поддерживая у рабочих демократические иллюзии, она позволяет французской буржуазии упрочить режим политического гнета и экономической эксплоатации пролетариата.

Учитывая это, необходимо предостеречь секции Коминтерна от дилле¬тантского универсализма, кладущего в основу тактики компартий общие тенденции развития вне учета особенностей каждой отдельной страны. Задачи компартий должны быть строго диференцированы в соответствии с конкретной обстановкой сегодняшнего дня и данным соотношением сил в их собственной стране. Если резюмировать эти задачи по типам развития отдельных стран, то их можно свести к следующим положениям.

Первое. Компартии должны все сделать, что зависит от их сил, чтобы не допустить империалистической, сугубо реакционной войны капиталистического мира против Советского союза, отечества всех трудящихся и оплота мировой пролетарской революции. И речь идет, товарищи, не о войне вообще, войне абстрактной, подготовка которой рассчитана на многие годы, а о войне конкретной, угрожающей сейчас Советскому союзу со стороны разбойничьего японского империализма. Мы должны сегодня тезисы VI конгресса Коминтерна о борьбе с империалистическими войнами конкретизировать в отношении ситуации, создающейся на Дальнем Востоке. И тут наибольшая роль выпадает на долю молодой коммунистической партии Японии, корейских коммунистов и (китайских коммунистов в Манчжурии. Работа коммунистов по борьбе с угрозой войны против Советского союза теснейшим образом переплетается с борьбой против ведущейся уже грабительской войны японского империализма в Китае. Защита китайских трудящихся масс всеми средствами, которые диктует обстановка,—это есть также защита Советского союза. Коммунисты Англии, САСШ, Франции далеко не все сделали для обороны революционного Китая. Вы не сумели отвести грязную руку ваших империалистов от Китая, вы были недостаточно сильны, пусть так! Но в вашей агитации было мало огня, живого чувства негодования, импонирующего своей искренностью рабочему, мало было таких актов борьбы, которые дали бы почувствовать китайскому рабочему и крестьянину, что их дело—кровное дело мирового коммунизма. Коммунисты Англии, САСШ и Франции должны развернуть борьбу против помощи, оказываемой их правительствами японскому империализму в деле вооружения для войны против Китая, для агрессии против Советского союза.

Во-вторых, коммунисты Франции, Германии и Польши должны все сделать для того, чтобы не допустить новой франко-германской или польско-германской войны.

В-третьих, коммунисты должны быть на ногах, чтобы не допустить установления фашистской диктатуры там, где буржуазия стала на путь фашизации государственного аппарата. Ни одной пяди — буржуазии без сопротивления компартии, мобилизующей массы для этого. За каждую частицу свободы для рабочего класса и трудящихся должна вестись неустанная борьба, увязанная с защитой повседневных нужд пролетариата. Помните, товарищи, что неслыханное обострение классовой борьбы не снижает до последнего, решающего боя частичные требования трудящихся, но оно придает этим требованиям огромное революционное жало, направленное против всей системы буржуазной диктатуры. В борьбе против идущего к овладению государственным аппаратом фашизма, в борьбе против установившейся фашистской диктатуры компартии не могут из'ять из своего арсенала такого средства классового сопротивления, как массовая политическая стачка.

В-четвертых, коммунисты должны приложить все силы к тому, чтобы свергнуть фашистскую диктатуру там, где она установилась. Мнение о том, что фашистская диктатура может быть заменена только пролетарской диктатурой, дышит автоматизмом. Несомненно, что в

такой стране, как Германия, на смену фашизму идет пролетарская диктатура. Но опыт говорит также о том, что там, где компартии слабы, где рабочий класс не выступал под их руководством как самостоятельная, независимая сила, фашистская диктатура заменялась буржуазной диктатурой в форме республики (пример Испании). Поэтому возможность фашистско-демократических качелей отнюдь не исключена, если коммунисты не нанесут решающего удара социал-демократии. Особенно важной международной задачей всего мирового коммунистического движения являются борьба против германского фашизма и всемерная поддержка героической борьбы германской компартии. Ускорить банкротство германского фашизма, добиться его свержения—это был бы крупнейший удар по всей мировой реакции.

А все эти четыре задачи подводят нас к центральному лозунгу наших тезисов, лозунгу свержения буржуазной диктатуры и установления советской власти во всем мире. Мы сознательно конкретизируем задачу пролетарской диктатуры, облекая ее в советские формы, и делаем это для того, чтобы разоблачить попытки социал-демократии, играющей лозунгом пролетарской диктатуры как подготовительной политической школы, подводящей массы к буржуазной демократии. Наш путь к осуществлению этого центрального лозунга старый: завоевание большинства рабочего класса как условие восстановления единства пролетариата в революционном действии и привлечения им на свою сторону резервов революции. А это предполагает разгром агентуры классового врага среди рабочих—международной социал-демократии. Выставляя лозунг советской власти, мы хотим сильнее подчеркнуть значение вооруженного восстания масс как единственного средства к низвержению диктатуры буржуазии. А тем самым мы хотим привлечь внимание не только коммунистов, но и всех трудящихся к необходимости завоевания армии на сторону восстающего народа, к необходимости работы коммунистов среди солдат и матросов, чтобы обеспечить победоносное вооруженное восстание. Мы не скрываем наших целей — они написаны в «Коммунистическом манифесте» 85 лет назад. Не правящие классы, под которыми колеблется почва, делают круглые глаза и обвиняют коммунистов в заговоре. Какие глупости! Миллионы людей пришли в движение, а фашистские Юристы, надев дурацкие колпаки, хотят огромное революционное движение масс втиснуть в рамки полицейски-провокаторского заговора. Но бешенство правящих классов против коммунизма выдвигает с особой остротой вопрос о переходе компартий в подполье. Это уже не музыка будущего, товарищи. Подготовка компартий к подполью на основе усиления массовой работы—это важнейшая задача этого пленума. Мы не знаем, сколько компартий удержится в полулегальном состоянии до войны, но мы знаем твердо, что секциям Коминтерна в момент войны придется перейти[4] на нелегальное положение. Пусть компартии не говорят нам о том, что их кадры слабы и не подготовлены к подполью. Мы отвечаем словами Ленина: «Неправда, что «французы неспособны» на систематическую нелегальную работу. Неправда! Французы быстро научились прятаться в траншеях. Быстро научатся они и новым условиям нелегальной работы и систематической подготовке революционного движения масс» (Ленин, т. XIX, стр. 24, изд. 2-е).

Уже сейчас, учитывая опыт Германии и Италии, компартии должны в кратчайшие сроки перестроить систему своей работы на основе нелегальных фабрично-заводских ячеек. Это есть первое и элементарное условие подготовки к подполью.

Второе условие—это срочное принятие мер к очищению компартий от той гадины провокации, которая подрывает работу отдельных секций Коминтерна. Третье условие — это умелое сочетание методов легальной и полулегальной работы с методами подполья на основании всего опыта мирового

революционного движения. И здесь вопрос о работе в фашистских организациях приобретает исключительное значение.

В-четвертых,—такая перестройка как структуры организации, так и методов ее работы, чтобы была гарантирована определенная децентрализация, способствующая лучшей законспирированности работников и осуществлению старого принципа подполья: каждый знает не то, что ему можно знать, а лишь то, что ему нужно знать.

В-пятых,—это подготовка кадров. Для открывающегося перед нами периода нам нужны не просто коммунисты, а коммунисты-подпольщики. Они должны быть проверенными во всех отношениях людьми, должны уметь держать себя на допросах, вести себя на процессах, используя судебную трибуну для разоблачения классового врага. Они должны быть идейно стойкими, политически закаленными людьми, которые остаются большевиками и в буднях работы и не растеряются в момент крутых изменений обстановки. Они должны быть самостоятельными людьми, способными быстро и смело принимать ответственнейшие решения при наиболее сложных обстоятельствах. Наконец они должны быть революционерами-массовиками, чувствующими процессы, происходящие в массах, умеющими говорить языком этих масс, облекать каждую революционную мысль и каждое революционное дело в орнамент массовой борьбы. Нам нужны для этого периода не люди типа Неймана, одинаково бесплодные и в теории и в практике рабочего движения, а бойцы-массовики, тип которых давали и дают ВКП(б), германская, китайская и польская компартии. Где воспитать такие кадры? На боевом деле в самой гуще рабочего класса. Рост таких кадров связан со всем процессом большевизации компартий. На путях большевизации компартии прошли большую школу. Но историческая полоса, открывающаяся перед мировым коммунистическим движением, пред'являет более высокие требования к компартиям в деле их большевизации.

В огне революционных боев будут крепнуть секции Коминтерна, равняясь по ВКП(б). Но для успеха этих боев нужен сегодня еще более решительный огонь по правому оппортунизму как главной опасности и по левацким уклонам. В каждом коммунисте нужно воспитать чувство органической ненависти к оппортунизму во всех его формах как к препятствию, тормозящему завоевание масс на сторону коммунизма.

Тяжелый путь проходят секции Коминтерна. Та суровая выучка, которую проходит КПГ, закалит ее как высококачественную революционную сталь. Ни одно тягчайшее испытание не проходит для компартии и рабочего класса даром, не обогатив их революционный опыт и не подняв компартию на более высокую ступень ее большевистской закалки. Класс, исторически подымающийся вверх, и его партия крепнут под тяжкими ударами, а классы, обреченные историей на слом, и их партии падают под тяжестью своих побед. Победы СССР усиливают новый, рождающийся мир, победы фашизма продлевают агонию издыхающего старого мира. Гонимая и преследуемая германская компартия чувствует себя увереннее перед открывающейся перспективой, чем преследующий ее фашизм. Вот почему на лейпцигском процессе судят не Димитрова, а Димитров судит фашизм. Вот почему палач Геринг с перекошенным от бешенства лицом стоит на лейпцигском судилище оплеванным, покрытым всеобщим презрением преступником, а закованный в кандалы Димитров превратился в могучего глашатая, созывающего трудящихся всех стран под знамя коммунизма.

Пусть же беснуются кровавые фашистские собаки,— коммунисты идут вперед, уверенные в своей правоте, в своей силе и в своей победе!

Ленин, диктатура пролетариата и построение социализма

Г. Кржижановский

Ленин и путь диктатуры

Десять лет назад страну нашу и весь мир трудящихся постиг удар: безвозвратно ушел т. Ленин. И сколько раз за эти годы исключительной борьбы и великих испытаний мы мысленно обращались к нему, снова и снова ощущая тяжесть этой потери. Но, мужаясь, мы шли вперед и вперед, неся его знамя и гордясь им как лучшим залогом наших побед. Знамя это стало на наших глазах великим символом борьбы пролетариев Мира, а облик Ленина и все величие его дел неизменно служили и служат светоносным маяком в борьбе революционного пролетариата.

Таков суд времени. И какого времени! Каждый Послеоктябрьский год- большая историческая полоса, ибо еще не было в истории эпохи, столь насыщенной динамическим содержанием, как эти годы после нашего Октября. *Это* потому, что сам Октябрь во всей исторической Летописи является наиболее решающим переломным моментом в судьбах всех трудящиеся;

Шестнадцать лет пролетарская диктатура творит свое великое Дело Построения социализма на огромных пространствах нашей страны. Что можно сделать больше для пробуждения революционного Сознания пролетариев мира?

Какой водоворот событий, какая явная и скрытая борьба всех сил старого мира бушевала за эти годы около ленинского маяка! А маяк разгорался все сильнее и сильнее.

Сколько праздных речей отзвучало, сколько громких репутаций померкло, сколько вскрыто этой, наиболее критической из эпох фальши, лицемерия, лжи и измен! А облик В. И. Ульянова-Ленина все так же ярко горит в умах и сердцах растущих миллионов его последователей, Неустанно идущих к своим последним боям. Идеи Ленина со все большей силой на наших глазах продолжают завоевывать политическое сознание трудящихся. И все его мысли, изложенные таким исключительно простым, ясным и точным языком, только выигрывают перед судом времени, продолжая поражать нас по мере углубленного изучения его наследства силой своего научного предвидения.

Так случилось, что само время превратилось для Ленина из орудия суда в орудие апофеоза. И в грядущих десятилетиях этот апофеоз Ленина будет расти и расти, а имя его никогда не померкнет в веках. Не может этого быть, ибо, что бы ни случилось с нами, никогда не померкнет слава нашего Октября, а с ней вместе и слава этого человека, которому Октябрь обязан своей исторической ролью более, чем кому-либо из всей плеяды борцов пролетарской революции.

Ко почему же вышло так, почему слава величайшей победы трудящихся так неотрывно связана с именем Владимира Ильича Ульянова-Ленина?

Владимир Ильич как-то рассказывал об одном жутком моменте своих выступлений в ранний период Смольного. Был он приглашен сделать доклад о текущих злобах дня на большом митинге фронтовиков в громадном здании петроградского манежа.

Пробираясь к кафедре, он уже почувствовал, что аудитория вражески подобрана. В самом Начале речи он был окружен подозрительной ватагой, вооруженной с ног до головы и готовой на все... Владимир Ильич говорил, как в острых местах выступления нарастала около него грозовая атмосфера: еще один момент, и он будет растерзан. Но он умалчивал о том, каким образом все закончилось для него бурной овацией. Однако нам легко себе представить, как это могло и должно было произойти. Теперь в нашем распоряжении имеются многочисленные документы, многосторонне характеризующие неотразимую силу ленинских выступлений.

Ленин не был оратором в шаблонном смысле этого слова, он был величайшим народным трибуном. Таким трибуном может быть только человек громадного ума, воли и чувства. Пламенный интеллект Ленина весь был соткан из чувств величайшей преданности лучшим интересам низов всесветной социальной пирамиды дооктябрьских дней. Его универсальный ум, ум редкого по своей энциклопедичности ученого, одинаково сильный и в анализе и в синтезе, обладавший даром поразительно широких обобщений и расчленения любого сложного целого на тончайшие детали, *никогда не знал покоя*. Это был ум *гения*, ибо для него не было такого груза учености, который мог бы задавить его своей инерцией и держать в плену уже пройденных этапов. Этим гениальным умом он проследил в веках все перипетии борьбы человека с человеком, не щадя своих усилий, самостоятельно взбираясь на те кручи, которые, по завету его первоучителя К. Маркса, способны были вскрыть наиболее широкие горизонты. И на этом гранитном фундаменте Мирового опыта неустанным и предельным напряжением такого ума было воздвигнуто грандиозное здание ленинской тактики и стратегии пролетарских боев. Таким путем Ленин сделался конгениальным Марксу вождем мирового пролетариата, только *на других, еще более ответственных этапах пролетарской борьбы и научного социализма, охватывающих еще большие массивы людей, еще более сложные переплеты отношений человека с человеком, еще более обширные материалы человеческих дел и человеческих усилий*.

И Маркс и Ленин дали совершеннейшие образчики учета классовой расстановки сил и шансов победы эксплоатируемых в сложнейшей исторической обстановке. С пламенной энергией убеждали они мир обездоленных, что *пролетарский молот* уже налицо, что его сокрушающие и творческие силы гигантски велики, надо лишь разумно направить его, и победа обеспечена, на этот раз *решающая, конечная победа*. При их жизни не было равных им по глубине и жизненности оценок боевых позиций пролетариата, а после их смерти для борцов за пролетарскую диктатуру осталось огромное наследство. От него идет бурная, боевая отвага вождей пролетариата, не знающая сомнений и колебаний, умеющая удивительно сочетать хладнокровие расчета с боевым энтузиазмом.

Наиболее великие истины оформляются в простых и ясных положениях. Величайший из классов истории—пролетариат, сын нужды и труда, которому не до аффектации. А ведь как раз этим классом написаны лучшие страницы истории, преисполненные предельного героизма.

Недаром, по вещему слову К. Маркса, пролетарские революции чужды феерического блеска бенгальских огней. Однако только этим революциям под силу поднять очередную историческую новину.

Простота, ясность, точность и деловой разум высказываний—вот что нужно в первую очередь, чтобы убеждать пролетарскую аудиторию. Тогда слово превращается в дело, ибо у людей честного труда от теории к практике только один шаг. Но чтобы окончательно победить такую аудиторию, нужно еще кое-что. Нужно, чтобы она почувствовала вас своим, родным и близким, радующимся ее радостями и скорбящим ее скорбями.

Пролетарская аудитория самая требовательная из аудиторий, и на законном основании. Драгоценно время людей честного, созидательного труда и не подлежит безнаказанно расточению.

Пролетарская аудитория, аудитория людей наиболее сплоченного коллектива, отличается максимальным единством. Люди класса, надежно устремленного вперед,—пролетарии являются естественными врагами фразы и всякой затушовки действительности. Они не боятся правды, как бы горька она ни была, ибо в их коллективном сознании не может не жить всепобеждающая уверенность в победе. Но эта требовательная аудитория—самая благодарная аудитория. По собственному опыту пролетарии знают, каким трудом дается не только хлеб насущный, но и хлеб истины. В них воспитано великолепное чутье великого класса, черпающего силу в самих поражениях, класса, который может искать и заблуждаться, но которого «всерьез и надолго» нельзя ни обмануть, ни обморочить. Они превосходно отличают ученика и подмастерья от мастера не только в цехе, но и на трибуне. И нет границ для их беззаветной преданности, если трибуна становится их трибуной, трибуной высокой любви, мощного гнева и великих дел.

Достаточно было Ленину предстать перед любой аудиторией пролетариев, чтобы в кратчайший срок такая аудитория почувствовала в нем и своего близкого, родного человека и своего мощного трибуна-вождя. Идя на ответственные собрания пролетариев, Владимир Ильич неизменно тщательно готовился и всегда не без волнения всходил на кафедру. Ведь и для него это была своя и наиболее высокая из аудиторий, непосредственно держащая в своих руках и судьбы пролетарской борьбы и судьбы его жизни, целиком отданной интересам этой борьбы. Невольно вспоминаешь при этом, как один из его противников в парижский период ленинской эмиграции злобно жаловался: «Как можно справиться с этим человеком? Ведь мы думаем о пролетарской революции лишь по временам, а он все 24 часа, потому что даже тогда, когда спит, он видит во сне лишь одну эту революцию».

По моей профессиональной деятельности приходилось мне встречаться ряд лет на работе с одним ветераном-электрокабельщиком, честным немецким тружеником, величайшим мастером своего дела. Меня всегда поражало и трогало, когда я видел, с каким волнением и заботой этот старик-пролетарий, имевший за своими плечами 20 лет кабельной практики, изо дня в день укладывал очередные километры кабеля в их земляное ложе, как заботливая мать детей в колыбель.

Тридцать лет Владимир Ильич изо дня в день с несравненной заботой укладывал свое огневое слово—живой провод его ведущих мир мыслей в колыбель пролетарского сознания. И никогда, никогда не допускал он при этом ни малейшего неряшества, ни унизительной для обеих сторон вульгаризации и ни иоты отклонений даже от самой неприглядной действительности. Вот почему любая аудитория пролетариев и убеждалась и побеждалась гением этого человека.

Но класс пролетариев войдет в историю как могильщик классового общества. Разрывая свои цепи, он одновременно рвет цепи, которые держат в плену весь человеческий труд от его низших звеньев до самых высоких, какие представляет изощренная квалификация. Он даст новый раз-

ворот и царству машин, и высокой технике, и всему миру науки и искусств. Он не постесняется и с самими стихиями природы, грозными для человека-раба, но бессильными перед державной коллективной волей трудящихся. Он «очеловечит» и леса, и горы, и речные потоки, и стихии ветров. На гранях второй пятилетки нам все это видно более ясно, чем кому-либо и когда-либо.

Для того, чтобы быть гением такого класса, надо быть властелином знания. Надо уметь сочетать частичные интересы с интересами великого целого, надо уметь считать на миллионы и одновременно зорко учитывать доли процентов. Надо бдительно держать вахту на генеральных путях строительства, надо уметь брать дальний прицел и одновременно неустанно зондировать ближайшую обстановку. И надо непрерывно сокрушать оружие врага своим, еще более остро отточенным оружием. Маркс и Ленин—лучшие представители таких гегемонов теории и практики пролетарской борьбы.

Владимиру Ильичу не раз случалось победоносно выходить из схватки с целой фалангой противников на самых широких собраниях. Здесь помогала не только железная логика его аргументации. Никто не мог соперничать с ним в меткости удара по уязвимым звеньям враждебной аргументации и в поразительной по широте охвата оценке самого существа общей ситуации. Однако большую роль в таких случаях играло и то обстоятельство, что, отстаивая с предельной зоркостью интересы пролетарской революции, он тем самым прокладывал пути для освобождения всего человечества. Едва ли кто может сказать о себе с большим правом, что всю жизнь он был ревностным борцом «мужественной свободы» для «сего человечества.

Все же случай в петроградском манеже имел исключительный характер. Кто были те фронтовики, которые штурмовали его трибуну в манеже? Здесь мы подходим к величайшему вопросу мировой борьбы труда—к вопросу крестьянскому. Фронтовики были по преимуществу крестьянами. Население довоенной России было подлинным крестьянским морем. И достаточно беглого обзора путей российской революционной мысли, чтобы видеть, что тайны этого моря были тайнами для многих поколений.

Почти во всех странах мира крестьянское движение, крестьянские восстания были предтечами движения пролетариата. Всюду деревня в последнем счете представляла и громадную резервную армию труда и громадный резервный фонд злейшей эксплоатации человека человеком. А там, где капиталистическая индустриализация запаздывала, там и до наших дней аграрный вопрос является наиболее острым социальным вопросом.

Однако и при любом социальном строе земля—это наиболее мощное орудие для использования наиболее могущественного источника энергии, солнечной энергии, — останется производственным фактором первенствующего значения. Паруса индустриализации, по меткому выражению т. Сталина, бессильно заполощут, если будут оторваны от грузной барки сельского хозяйства. Наиболее проклятым для современного капитализма вопросом является именно вопрос о глубоком и неизлечимом в капиталистических условиях разрыве между городом и деревней. Современный тупик дикой реакции фашизма, воскрешающего худшие времена средневековья, — яркая иллюстрация безнадежности капиталистического крестьянского тупика.

Вековое горе приниженной и задавленной крепостнической и полукрепостнической русской деревни нашло яркое отражение и в лучших произведениях наших великих писателей и во всей истории российского революционного движения. Все наше народническое движение, преемственная связь революционных идей от декабристов к передовикам сороковых годов и до великого страдальца Чернышевского, а от него к героическому периоду «Земли и воли», развитие вековой борьбы с самодержавием—все это показывает, насколько фигура русского крестьянина являлась одной из централь-

ных фигур во всем невероятно трудном процессе революционных исканий путей победы.

Вспоминаю, что в одном из сибирских разговоров со мной В. И. как-то развивал оригинальную мысль, что даже в индивидуальном развитии отдельных людей можно наблюдать весьма часто революционные сдвиги в их интеллекте. Преисполненная внутренних противоречий общественная среда не может гарантировать индивидууму безмятежное движение к его духовному расцвету. Скорее наоборот, высокоодаренный и динамически крепкий интеллект быстрее трансформирует «количество в качество», нередко переживая при этом мучительные переломные моменты—скачки кризисов.

Владимир Ильич говорил о себе, что ему самому пришлось переживать такой критический период в самой ранней юности, на одном из предпоследних курсов гимназии. Этот кризис юных дней В. И. сопровождался резким разрывом с религией. Можно предположить, что и казнь любимого брата была для него новым моментом резкого перелома. В исключительно тяжкой обстановке, в удушливых условиях «безвременья» 80-х годов, приходилось искать юному В. И. своих путей в жизни. Но «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». В. И. вышел победителем и нашел свои, ведущие мир, пути.

Герои «Народной воли» не переставали оставаться героями и в глазах революционных марксистов 90-х годов, несмотря на то, что им ясны были ошибки этих героев в оценке методов и орудий революционной борьбы. Переход от народовольчества к революционному марксизму был неизбежно связан с переоценкой всех ценностей, идущих от революционного народничества. Такая переоценка была отнюдь не легкой задачей. Еще велись бесконечные споры о самой возможности развития капитализма в такой отсталой аграрной стране, какой была тогдашняя Россия. Недостаточное знакомство с великим наследством Маркса в те времена нередко приводило к опрометчивым выводам. Черновики письма К. Маркса к В. И. Засулич наглядно показывают, с какой осторожностью подходил великий ученый к разрешению вопроса о судьбах русской земельной общины. В тогдашней семье марксистов немало было и таких упрощенцев, относительно которых иронически предупреждал и сам К. Маркс, подчеркивая, с одной стороны, что анатомия классического капитализма Англии еще отнюдь не дает готового представления о конкретной социально-экономической эволюции любой из стран, а с другой—он отмежевывается от вульгаризаторов марксизма. С точки зрения этих упрощенцев основной массив крестьянской России тогдашних времен был лишь своего рода мертвым историческим грузом, часть которого могла перевариться в спасительном котле капитализма. Народнический лагерь после разгрома революционного народничества ясно скатывался к гнилому компромиссу с крепостнической верхушкой, тщательно прикрывая это свое грехопадение либерально-демократическими иллюзиями. За нашим рубежом все выше и выше поднимали голову ревизионистские течения в тогдашней социал-демократии. А разрозненные отряды российского рабочего класса еще находились на подступах к сознательным политическим боям, проходя школу стихийных и полустихийных забастовок.

Трудно переоценить значение борьбы В. И. с эпигонами народничества, с легальным марксизмом, со всем ревизионистским охвостьем, как трудно переоценить и все его зачинательство в строительстве крепкого фундамента монолитной российской коммунистической партии.

Первое, что бросилось нам в глаза при встрече с В. И. в 90-х годах в Петербурге,—это его исключительное умение во всеоружии цифр и фактов подходить к марксистскому разрешению сложнейших вопросов нашей действительности. Перед нами был не только выдающийся знаток Маркса и Энгельса, но и большой знаток нашей статистики, в особенности земской. И крестьянское море тогдашней России уже не было для него обезличенной

стихией. Уже будучи юношей, он ясно «видел, на какие действующие отряды разбивается этот многомиллионный массив. Он уже тогда знал специфику крестьянских нужд в различных районах крестьянской России, перековывая сырую руду многотомников статистики в несокрушимый металл марксистского анализа.

Открывая первый том сочинений Ленина, миллионы читателей наших дней сами могут видеть удивительную зрелость марксистской мысли этого гиганта-юноши. Но лишь немногие читатели отдают себе отчет в том труде, который должен был затратить В. И. для своих мастерских сжатых статистических итогов анализа, крестьянской жизни. Этот всесторонний анализ аграрного вопроса с мировым его охватом пронизывает и последующие творения В. И. В его лице мы имели величайшего знатока крестьянского движения, и если он проявил предельное искусство в руководстве пролетарским молотом, то неменьшее искусство он проявил в решении запутанного в веках аграрного вопроса, в победоносном учете исторических нужд крестьянского серпа. Это глубокое знание конкретной российской крестьянской действительности немедленно давало себя знать, когда В. И. выступал перед крестьянской аудиторией. Крестьянские ходоки были весьма частыми посетителями В. И., причем не было случая, чтобы такая делегация уходила от него, не унося с собою самых благодарных воспоминаний о нем как о своем мощном друге и защитнике. Вот это обстоятельство наряду с многочисленными документами его непосредственных выступлений перед воинскими частями перед отправкой их на фронт в военную полосу Октябрьской революции в достаточной степени уясняет нам, почему враждебная стихия петроградских фронтовиков знаменательного митинга в манеже не могла устоять перед ним.

Серп и молот — законная эмблема Страны советов —является поистине ленинской эмблемой.

Нынешний общественный актив СССР поставлен в исключительно благоприятные условия в смысле возможностей и темпов для своего культурного под'ема. Многосторонний показ нашей социалистической действительности, с одной стороны, и углубляющийся развал капиталистических стран быстро кончают со всеми тайнами стихийных отношений человека к человеку. Решающие слова уже сказаны, итога подведены и общественные отношения стали обнаженными и прозрачно ясными. «Боевой союз рабочих и крестьян»— это основное звено ленинского стратегического плана — представляется активу наших дней чем-то почти само собою разумеющимся. А между тем трудно себе представить формулу большей исторической сложности и насыщенности и положение более действенное для судеб практической социалистической стройки. Десятки и десятки работ В. И. посвящены расшифровке этой формулы в ее самых широких «опосредствованиях и связях». Отнюдь неслучайно, что как раз в этом ленинском стратегическом звене и был наиболее гибельный момент как для правого, так и для «левого» уклонов. Если теперь, когда наши совхозы и колхозы стали почти всеобщей формой организации сельскохозяйственного труда, нам становится совершенно ясной вся связь «неслыханного ускорения» нашей социалистической хозяйственной стройки с «10—20 годами» «правильных взаимоотношений с крестьянством», с основным массивом крестьянства, то еще немногие годы тому назад, как показывают судьбы нашей оппозиции, даже в рядах нашей партии как раз в этом направлении наблюдались опасные шатания. И то обстоятельство, что партия наша не сдала как раз в этом ответственном звене ленинского стратегического плана, чем мы в наибольшей степени обязаны лучшему ученику и продолжателю дела т. Ленина т. Сталину, быть может является наиболее ярким документом исторически действенного значения «опережающей» теории.

Правильное решение вопросов «серпа», и отсюда уже один шаг до правильного решения следующей и не менее тупиковой для всех эксплоататорских укладов проблемы—до решения национального вопроса.

Братство народов не может быть осуществлено вне победы рабочего интернационала. Подобно тому, как победа пролетарской революции имеет своим побочным продуктом действительную реализацию таких демократических лозунгов, которые остаются только благими пожеланиями при движении верхушечных классов, подобно этому действенное проведение в жизнь лозунга о самоопределении национальностей может быть обеспечено только пролетарской диктатурой.

Кровавый опыт мировой войны, как показывают нынешние военные подготовки капиталистических стран, еще не оказался последним и решающим для выявления всей безнадежности позиций радетелей капитализма в национальной проблеме. А шествие финансового, монополистического капитализма только окончательно заводит эту проблему в ряд кровавых тупиков.

Революционная работа Ленина неотрывно связана с его напряженной борьбой против разжигания национальной розни и против угнетающих национальностей. На разных этапах своей революционной работы он дал исключительные образчики политики революционного пролетариата в этом сложном и трудном вопросе. Он завершил свою деятельность в этом направлении громадным показом стройки межнациональных отношений в Стране советов, показом всемирно-исторического значения.

Можно смело утверждать, что судьбы отсталых национальностей в семье народов СССР являются одним из наиболее движущих начал для исторических сдвигов в мировой политике.

Не приходится подчеркивать, что эта отсталость является прямым отображением культивируемого империалистами отсталого аграрного типа экономики таких национальностей. Ленин неустанно подчеркивал, что в национальном вопросе во главу угла надо ставить «не абстрактные и не формальные принципы», а в первую очередь точный учет исторически конкретной и «прежде всего экономической обстановки». Для отсталых народностей переход экономики в политику на первых порах идет по линии отстаивания конкретных крестьянских нужд, находя свое конечное развернутое выражение в плановом хозяйственном социалистическом строительстве, в котором экономика и политика представляют неразрывное единство.

Итак, ключом к пониманию ленинской национальной политики является то обстоятельство, что он был величайшим знатоком и защитником ведущих интересов рабочих и крестьян. Вот почему, когда скорбная весть о кончине Ленина пронеслась по нашим городам и бескрайным крестьянским полям, она нашла здесь себе такой, поразивший весь мир, беспримерный отклик неподдельного горя миллионов. И этому горю знаменательно вторило эхо скорби колониальных и полуколониальных стран отдаленнейших уголков мира.

Еще при жизни Ленина в широчайших слоях трудящихся мира творилась о нем красочная и многоязычная легенда как о волшебно-всесильном защитнике всех угнетенных и всех униженных. Но еще никогда исторически действенное значение «творимой легенды» в такой степени не нуждалось в каком бы то ни было прихорашиваний своего об'екта.

От беспомощных размышлений на тему о «язве пролетариата», через долгие стадии борьбы рабочего класса для элементарной защиты его прав на бытие, через первые взлеты социалистических исканий у социалистов-утопистов до светоносных установок теории и практики революционной борьбы

пролетариата, данных Марксом и Лениным, какой длительный и трудный путь исторического под'ема! Этот под'ем еще далеко не завершен. Весь мир находится в полосе новых гражданских битв и военных потрясений. Теоретическое «преодоление» действительности еще не означает ее практического преобразования. Недаром Маркс бросил как-то знаменательное замечание, что человечество реализует только разрешимые задачи: дело здесь прежде слов.

Разрыв между теорией и практикой Ленин относил к числу самых проклятых разрывов, свойственных капитализму. Причины такого разрыва ясны. Основным агентом истории является человек, «преследующий свои цели». Но перекрест индивидуальных и групповых воль в перегородочном классовом обществе таков, что равнодействующая остается скрытой величиной. В этом смысле власть стихии вещей стоит над разумом и волей человека. Для ее преодоления необходим переход из царства необходимости в царство свободы, необходимо построение социализма. А на этих путях «каждый шаг действительного движения дороже дюжины программ».

Отсюда отнюдь не следует, что мы должны быть сторонниками ползучего эмпиризма. Ни на минуту нельзя упускать из виду, что борьба за социализм одновременно есть «последняя и решительная» борьба за уничтожение разрыва между теорией и практикой по всей линии такого разрыва. По меткому замечанию т. Сталина, практика без теории слепа, а теория без практики беспредметна.

Уже у Маркса и Энгельса мы находим прямые указания о необходимости на другой день после низвержения капитализма найти опору в хозяйственном плане. Однако для них вопрос о создании планового социалистического хозяйственного режима практически не стоял и не мог стоять ребром так, как он встал перед Лениным после Октябрьской революции. Изучение советского строительства показывает, что у нас вопрос о едином народнохозяйственном плане был поставлен на очередь не сразу. Лишь с завершением военной полосы нашей пролетарской революции, в 1920 г., партия и правительство впервые постановили приступить к выработке научного единого общегосударственного хозяйственного плана. В основу этого плана легла, как известно, «электрификация всей страны». Таков был прямой наказ Ленина, и легко показать его исключительную роль во всем великом и ответственнейшем деле созидания в нашей стране действительно планового, социалистического хозяйственного режима. Победы на этом пути не только увенчивают целые века исканий, но и с особой непосредственностью и полнотой подводят нас к нашим конечным целям. И быть может на этих путях нам с особой наглядностью видно, как глубоко было предвидение Маркса, утверждавшего, что с победой социализма неминуемо связана победа науки революционеров над «наукой» доктринеров.

Самозамыкание науки в себе, научное доктринерство, Дающее себя знать под ходкими лозунгами «чистой науки», «науки для науки», абсолютного «примата науки» и т. д.,—лишь особо яркий образчик всеобщего разрыва теории и практики при капитализме. По мере углубления пропасти между общественным характером производства и. частнохозяйственным присвоением этот разрыв принимает особо вопиющие формы. Покорному слуге капиталистических порядков наших дней ничего не остается, как или цинично прокламировать свое бессилие справиться с господствующей «стихией вещей», все более и более беззастенчиво апеллировать к религии или торжественно заявить, что общество животных и человеческое общество принципиально едины суть. Как известно, иронии истории угодно было увенчать перед глазами ныне живущих поколений стремительное вырождение желтого социа-

лизма (социал-демократии) в социал-фашизме в особую разновидность «зоологического» социализма (национал-социализма).

Какая разница с эллинской зарею культуры, когда ее пышный расцвет так перекрывал ограниченный примитив тогдашнего материального базиса!

Неслыханные завоевания новейшей техники, система разнообразнейших машин с их взаимной тончайшей автоматической увязкой, победа над самим пространством и... фашистская проповедь, рекомендующая человечеству ходить на четвереньках. Однако подземные силы клокочут. Фашизм — эта наиболее карикатурная смесь злобной демагогии и доктринерства — лишь поучительный документ агонии старого мира.

Квази-электрификацию и плановый бред фашистов Ленину уже не довелось видеть. Не пришлось ему познакомиться и с мечтаниями нынешней технократии и с потугами на общегосударственный хозяйственный план в условиях капитализма, которые ныне под ударами кризиса произрастают в разных странах, как грибы в дождливую осень. Однако ему уже отлично были известны и судьбы предложений К. Баллода (Атлантикуса) и многие из тех документов по «социалистическому» планированию, которыми так богата немецкая социал-демократия. Эти документы—яркий образчик доктринерски-безжизненного восприятия действительности, «науки», целью которой является увековечение капиталистической системы наемного рабства. А документы, идущие от Ленина,—это как раз то, что идет от мыслителя-борца и что намечает пути для ряда поколений, знаменуя с особой силой победу науки революционеров над наукой доктринеров.

Мы уже видели, каковы были пути Ленина к социалистическому плану. Надо было прежде всего организовать пролетарскую волю к победе и для этого затратить десятки лет на организацию революционного авангарда рабочего класса—партии коммунистов-большевиков. Счет на «миллионы» немедленно приводил к боевому союзу рабочих и крестьян. Надо было дать Этому союзу боевое крещение в несчетных битвах в условиях многонациональной страны и при бешеной атаке всех сил старого мира. И, лишь закрепив огнем и мечом величайшую в мире победу труда, Ленин сосредоточил свои усилия на новом поле борьбы — борьбы за социалистический хозяйственный план строительства нового общества.

Пути Ленина к социалистическому плану — пути победы пролетарской диктатуры. 17 апреля 1871 г. Маркс писал: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством, благодаря Парижской коммуне, вступила в новую фазу. Как бы события непосредственно ни протекали, завоеван новый исходный пункт всемирно-исторического значения».

В условиях тягчайшей голодной разрухи 1921 г., констатируя завершение в основном первой, военной, полосы Октябрьской революции и обосновывая новую экономическую политику, Ленин на IX с'езде советов говорил, что «в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю как смена двух эпох. Какие бы мучения нам ни пришлось еще выдержать, у нас этого никто назад взять не может. Из империалистической войны и из наших бедствий мы вышли только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю».

Двухмесячное бытие Парижской коммуны завершилось кровавой расправой «стаи псов и палачей». Но еще долгие и долгие годы мир будет изумляться гениальному творению Маркса, посвященному судьбам Парижской коммуны, пламенные строки которого так волнуют и так ведут вперед. Но еще более будет изумляться мир величию дел Ленина, давших миру такой развернутый показ пролетарских методов убеждения и принуждения, показ подлинного лица пролетарской диктатуры, перед исторически движущей силой которого меркнут все документы прошлого.

Сила этого показа немедленно встанет перед нами во всех своих мощных очертаниях, как только мы сосредоточим свое внимание хотя бы на основных моментах ленинской стратегии и тактики в хозяйственном строительстве. Она еще более документируется в годы «великого перелома» всем арсеналом живых цифр и непоколебимых фактов, относящихся к решающей для мира трудящихся эпохе, десятилетию после смерти Ленина. Но прежде чем перейти к этим разделам настоящей статьи, нам хотелось бы подчеркнуть еще один момент, резко отличающий шансы коммунаров XX века от шансов борцов Парижской коммуны. В своем письме от 17 апреля 1871 г. к Кугельману Маркс пишет: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (подчеркнуто нами.—*Г. К.)*.

Послеоктябрьские годы—это такая историческая полоса, когда, по ленинскому выражению, иной месяц идет за год, а в годе концентрируется сила событий, которых в иное время хватило бы на добрые 10—20 лет. Если можно сказать, что все историческое движение как бы напоминает движение по восходящей спирали, исключающей возвращение к ситуациям пройденного пути, то не надо забывать, что в послеоктябрьскую полосу эта «спираль истории» была охвачена неслыханным революционным вихрем. И трудно переоценить роль кормчего, который стоял у руля после смерти Ленина, в период такой бури, которая поистине погребает обломки старого мира.

Не подлежит сомнению, что наши пятилетки, наши полосы «великих социалистических работ и развернутого социалистического наступления» лишь этапы неминуемо смыкающейся с ними аналогичной борьбы и аналогичных дел мирового пролетариата. Мы первые, но мы не последние. В этом смысле все содеянное нами есть лишь начало еще более великого начала. С разворотом мирового наступательного движения социализма, с вовлечением в революционный вихрь все новых и новых стран и все новых и новых миллионов людей все более и более отходит на задний план, вернее—отпадает, самая возможность какой бы то ни было установки на «непогрешимо благоприятные шансы». Но тем самым возрастает в своем удельном историческом весе тот шанс, тот «случай», который мы имеем налицо «в характере людей, стоящих вначале во главе движения».

И то обстоятельство, что на наших глазах к великим именам Маркса и Ленина голосами миллионов приобщается имя Сталина, является крепчайшим залогом грядущих побед нашей пролетарской диктатуры, какие бы исторические испытания еще ни стояли на ее пути.

Продолжение следует.

Ликвидация многоукладности и ленинская теория построения социализма

Е. Хмельницкая

Тезисы ЦК к XVII партс'езду о втором пятилетнем плане ставят перед партией и страной грандиозную задачу построения бесклассового социалистического общества как реальную практическую задачу второй пятилетки. В тезисах указывается, что второй пятилетний план обеспечивает «ликвидацию многоукладности экономики Советского союза и установление социалистического способа производства, как единственного способа производства, с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества». Ликвидация многоукладности означает «одновременно ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще». Это—вторая сторона того же процесса, ибо за укладами стоят классы, а движение укладов неразрывно связано с ходом классовой борьбы.

Установление социалистического способа производства как единственного способа будет представлять собою крупнейшее событие в человеческой истории. Пролетарская диктатура перейдет решающий рубеж на своем историческом пути.

Можно с полным основанием утверждать, что в задаче ликвидации многоукладности как бы собран воедино, сосредоточен ряд коренных задач пролетарской диктатуры по переделке того наследства, которое пролетариат получил от ниспровергнутого капиталистического строя. А живая экономическая материя, из которой пролетарская диктатура должна выплавить в огне классовой борьбы монолитный, единый социалистический способ производства, не может не быть до крайности пестрой, многоликой, многоукладной. Иначе и быть не может. Пестрота и многоукладность экономики, унаследованной пролетариатом и переделываемой им, вытекает из природы капитализма, из всего исторического хода его развития и гибели.

Возникая в недрах феодального строя, капитал вначале овладевает процессом труда в его прежней, исторически унаследованной форме. В течение целого исторического этапа создается экономический фундамент, действительно адэкватный капиталистическим производственным отношениям. Создав тем самым «реальные условия господства капитала над трудом» (Маркс), капиталистический строй выдвигает ту «определенную отрасль производства, которая преобладает над другими и отношения которой поэтому определяют место и влияние всех остальных» (Маркс, «К критике политэкономии», стр. 38, изд. 1933 г.).

Капиталистический строй беспощадно ломает остатки прежних общественных укладов, приспособляя их к своим эксплоататорским нуждам. Остатки прежних отношений и укладов, подогнанные к капиталистическому способу эксплоатации, приобретают, по образному выражению Маркса, захиревший или даже шаржированный вид, как например общинная собственность. В этом искаженном, приспособленном к капитализму виде остатки

прежних укладов продолжают гнездиться даже в самых передовых, наиболее капиталистически развитых странах. Ломая и приспособляя к себе прежние уклады, капитал ее может их уничтожить.

Полупатриархальные, мелкотоварные уклады остаются в той социальной пирамиде, которую венчает господство капитала.

Мелкий производитель, находясь в самом низу этой пирамиды, придавленный всей ее тяжестью, унаваживает почву для капитализма, служит для него добавочным источником эксплоатации [1].

Сращиваясь на определенной ступени с остатками класса феодальных эксплоататоров, капитал отказывается от решительной чистки авгиевых конюшен крепостничества, кабальных пережитков, опутывающих мелких производителей.

Капитал в своем развитии создает тормозы и препятствия для переделки самого многочисленного, самого распространенного уклада мелкотоварного производства, мелкотоварного сельского хозяйства. Ибо отставание земледелия есть закон капитализма, ибо «капитал не только не устранил задавленности, эксплоатации, нищеты масс, а напротив, он создает эти бедствия в новом виде и восстановляет на «современной» базе их старые формы» (Ленин, т. XVII, стр. 639).

Более того, в эпоху империализма носители господства капитала прямо выступают в качестве защитников самых диких рабских и феодальных форм эксплоатации в колониях и угнетенных странах; углубление противоречия между городом и деревней воспроизводится в мировом масштабе.

Покончить с этим оплотом отсталости, дикости, патриархальщины, воспроизводимым и консервируемым даже в самом передовом капитализме на высшей стадии его развития, может только пролетарская диктатура. «Я все больше убеждаюсь, что преобразование сельского хозяйства и основанной на нем собственнической мерзости должно стать альфой и омегой будущего переворота»— писал Маркс еще в 1851 г.

Основной задачей социалистической революции является уничтожение капиталистического наемного рабства. С этой целью пролетариат после установления своей диктатуры осуществляет то «деспотическое вторжение» в установившиеся отношения собственности, о котором писал Маркс. Крупное капиталистическое производство переходит в руки победившего пролетариата; предприятия, принадлежащие пролетариату, организованному в государство, предприятия последовательно-социалистического типа становятся основной базой для дальнейшего наступления социализма. Однако это лишь одна сторона задачи, и притом, как подчеркивал неоднократно Ленин, более легкая ее сторона. Другая же, несравненно более трудная и сложная сторона задачи заключается в переводе на социалистические рельсы огромных масс распыленного мелкого производства. Между тем без этого немыслимо социалистическое преобразование общества. Ибо мелкое производство является той питательной почвой, на которой неизбежно появляются все новые капиталистические ростки. Чтобы победить капитализм окончательно и бесповоротно, необходимо в корне переделать мелкотоварный уклад, покончить с отсталостью, патриархальщиной.

Социалистический способ производства по самому своему существу требует охвата всего общества в ц е л о м. В этом выражается одно из его глу-

---

[1] «...Эксплоатация крестьянства отличается от эксплоатации фабричного пролетариата лишь своей формой. Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян с помощью и п о т е к и р о с т о в щ и ч е с т в а, класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством г о с у д а р с т в е н н ы х н а л о г о в» (М а р к с, Классовая борьба во Франции (1848—1850). Партиздат, изд. 1933 г., стр. 121).

боких отличий не только от капитализма, «о и от всех прежде существовавших способов общественного производства, основанных на эксплоатации человека человеком, на эксплоатации одного класса другим. Способы производства, базирующиеся на классовой эксплоатации, в реальной истории человечества встречаются в весьма пестрых сочетаниях и переплетениях.

Социалистический способ производства должен охватить общество в его целом. Реальные же предпосылки, которыми располагает пролетариат, приступая к социалистическому преобразованию общества, исключают немедленный переход к социалистическому способу производства как единственному способу производства. Необходим длительный переходный период, в течение которого диктатура пролетариата подготовляет все предпосылки, необходимые для того, чтобы социалистический способ производства смог стать этим единственным способом производства во всем обществе.

Это не противоречие доктрины, это—противоречие живой действительности, которое разрешается героической борьбой пролетариата, созидательной работой невиданного масштаба и размаха. Перед такой задачей будет стоять победившая пролетарская диктатура в любой стране. Даже в самых передовых странах капитализма пролетарская революция будет иметь дело не только с превращением крупного капиталистического производства в социалистические предприятия путем экспроприации экспроприаторов, но и с преобразованием на социалистических началах многочисленных остатков докапиталистических форм, сосуществующих с самым передовым капитализмом. Эта сторона задачи имеет неизмеримо большее значение, если брать мировой капитализм в целом; совершенно очевидно, что на колониальной периферии капиталистического мира элементы докапиталистических, а подчас и дотоварных отношений составляют огромную величину.

Перед пролетарской диктатурой в СССР задача ликвидации многоукладности встала в особо усложненном виде. Это вытекало из вековой отсталости России, переданной нам в наследство всей историей нашей страны:

«Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный. Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 359).

Отсталость царской России обусловила дополнительные трудности на пути социалистического строительства. Это однако нисколько не снимает международного характера задачи переделки многоукладности диктатурой пролетариата в процессе строительства социализма:

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы—и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого глазного» (Ленин, т. XXIV, стр. 508).

Борьба пролетариата за переделку многоукладной экономики во всеохватывающий одноукладный, социалистический способ производства есть центральная и основная задача всего переходного периода, всей исторической эпохи диктатуры пролетариата. Только революционное учение пролетариата—теория Маркса—Ленина—Сталина-—дает четкое понимание сущности этой задачи и путей ее разрешения.

Основоположники научного коммунизма ясно видели, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит целая историческая полоса революционного преобразования первого во второе и что государством этого периода может быть только диктатура пролетариата, что лишь пролетарская диктатура открывает путь к бесклассовому обществу. Ленин восстановил истинный характер учения Маркса и Энгельса о пролетарской диктатуре, разоблачив до конца опошлявших и извращавших это учение «героев» II интернационала. Ленин поднял на новую, высшую ступень учение Маркса о переходном периоде и диктатуре пролетариата, гениально разработав вопрос о советском типе государства как форме пролетарской диктатуры и о союзе рабочего класса с крестьянством под руководством пролетариата с целью построения бесклассового общества. Гениальный продолжатель дела Ленина т. Сталин разработал конкретный путь построения бесклассового социалистического общества. В борьбе с контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом т. Сталин дал дальнейшее развитие ленинского учения о построении социализма в одной стране. И это учение практически осуществлено под руководством Сталина в Советской стране.

Понимание сущности переходного периода и заполняющей его борьбы за победу социалистических элементов во всем хозяйстве служит водоразделом, отделяющим марксизм-ленинизм от всякого рода меньшевистских и оппортунистических теорий. Здесь происходит размежевание: с одной стороны, стан борющегося за социализм пролетариата, с другой—лагерь всех разновидностей защитников капитализма, от открытых предателей эксплоатируемых масс до оппортунистов, прикрывающихся самыми «левыми» фразами.

Социализм должен охватить все общество. Капитализм не создает и по самому существу своему никогда не может создать такого положения, когда достаточно было бы снять верхушку шести берлинских банков, чтобы получить готовенький социализм на блюде. На этом «достаточном» основании «социалисты» II интернационала заключают, что капитализм «не созрел» для социализма даже в самых передовых странах, и этим пытаются оправдать свой открытый переход на сторону буржуазии. Послевоенный социал-фашизм делает следующий шаг, «открывая», что переход от капитализма к социализму совершается мирным путем в рамках монополистического капитализма, что владычество трестовского капитала и банков знаменует собой то самое «мирно-спокойно-свободно-веселое врастание старого свинства в социалистическое общество», над которым так издевался еще Энгельс.

Социализм предполагает высокий уровень развитей производительных сил,—на этом «основании» меньшевизм во всех его разновидностях ополчился против победы социализма в отсталой стране. Ленин блестяще вскрыл все холопство перед буржуазией, все рабское доктринерство, заключающееся в этих откровениях врагов социалистической революции, выступающих под флагом школьно-педантского извращения марксизма. Ленин показал, что, победив сначала в одной стране, диктатура пролетариата располагает всем необходимым и достаточным для построения полного социалистического общества, что, имея самую передовую власть, прежняя отсталая страна семимильными шагами станет догонять в технико-экономическом отношении более развитые страны передового капитализма.

Троцкизм утверждал, что пролетарская революция, победив в одной отсталой стране с большинством крестьянского населения, обречена-де на неминуемую гибель, если не подоспеет государственная помощь пролетариата других стран, она не в силах разрешить внутренними силами своих основных противоречий, вытекающих из пестроты экономических укладов. Эта пораженческо-капитулянтская концепция троцкизма, являющаяся лишь перепевом «философии» II интернационала, меньшевизма, сухановщины, на определен-

ном этапе нашего развития стала знаменем, вокруг которого пытались об'единиться все враги социалистического строительства, все апостолы реставрации капитализма.

Перестройка многоукладной экономики на социалистический лад невозможна без ожесточенной классовой борьбы, без решительного подавления сопротивления гибнущих капиталистических элементов, без мобилизации энергии, творческой инициативы, энтузиазма масс. Правый оппортунизм, выступая агентом кулачества, проповедует увековечение укладов, реакционную утопию «врастания кулака в социализм», отказ от социалистического наступления, капитуляцию перед капиталистическими элементами; в итоге это означает реставрацию капитализма.

Величайшая заслуга т. Сталина заключается в том, что он отстоял учение Ленина, разгромив контрреволюционные установки троцкистов и правых, разработал ленинскую теорию построения социализма в одной стране и развернул ленинский стратегический план в конкретную программу действий Для всех решающих этапов социалистического преобразования многоукладной экономики.

Социализм долго оставался утопией, мечтой. Имена Маркса и Энгельса знаменуют развитие социализма от утопии к науке. Овладевая миллионными массами, эта наука, эта теория становится небывалой по своей мощи материальной силой. Действенная борьба за социализм ведет к его практическому осуществлению; Имя Ленина, имя Сталина знаменует претворение социализма в действительность.

II

Стратегический план построения социализма в одной стране Ленин строил, исходя из конкретного анализа существующих в стране хозяйственных укладов. При этом Ленин характеризовал ту совокупность укладов в нашей стране, которая имелась налицо в результате победы пролетарской революции. Весной 1918 г. Ленин писал:

> «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими.
>
> Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении, к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.
>
> Перечислим эти элементы:
>
> 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
>
> 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
>
> 3) частнохозяйственный капитализм;
>
> 4) государственный капитализм;
>
> 5) социализм.
>
> Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом»[1].

Как известно, эту же характеристику укладов Ленин приводил в своей брошюре о продналоге, обосновывая переход к новой экономической политике.

Ленин рассматривал уклады советской экономики в их живом сцеплении, во всей совокупности возникающих между ними связей и отношений. Он выявлял те классовые силы, которые скрываются за различными укладами, и

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 513.

характеризовал сдвиги в соотношении этих классовых сил в тот период революции. Ленин повторял не раз, что после завоевания власти пролетариатом классовая борьба не только не прекращается, а, наоборот, принимает наиболее острые формы. Путь к уничтожению классов лежит через ожесточенную классовую борьбу за социализм, которую ведет пролетариат, организованный в государственную власть. Диктатура пролетариата приносит особые формы классовой борьбы, меняя коренным образом соотношение между борющимися классами. Прежний господствующий класс, буржуазия, потеряв свое господство, удесятеряет свое сопротивление, пытаясь вернуть потерянное. «На другой день» после пролетарской революции капитализм неизбежно все еще сильнее социализма. В его активе долголетний опыт владычества над массами, управления хозяйством, на его стороне кадры организаторов, монополия знания, его поддерживает вся международная буржуазия, его силу составляют многочисленные пережитки старых навыков, представлений и традиций в толще народных масс.

В момент своего рождения новый, социалистический уклад еще относительно слаб по сравнению с только что поверженным в прах капиталистическим Голиафом. Но социалистическому укладу принадлежит будущее—за ним все могущество пролетарской диктатуры. В его активе, неисчерпаемый источник революционной энергии пришедшего к власти рабочего класса, при правильной политике его силы прибывают с каждым днем.

Основной плацдарм, на котором развертывается вся дальнейшая борьба между капитализмом и социализмом,— это широкое поле мелкотоварного производства с многочисленными остатками натурального строя, патриархальщины. Основная борьба между буржуазией и пролетариатом происходит за крестьянство. Отсюда и особые формы классовой борьбы в эпоху пролетарской диктатуры и основные задачи диктатуры пролетариата по отношению к различным укладам и классам. Эти основные формы и задачи сводятся к беспощадному подавлению свергнутых эксплоататоров, к руководству колеблющимися промежуточными элементами и классами, к борьбе за влияние на них, к переделке самого господствующего класса—пролетариата («воспитание новой дисциплины и т. д.»).

Диктатура пролетариата есть путь к бесклассовому социалистическому обществу. В этом отношении она не самоцель, а средство. Но, чтобы уничтожить классы, надо не только свергнуть помещиков и капиталистов, но и «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками*» (Ленин). Ленин подчеркивал, что это—«задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса». Эта задача решается иным методом, победивший пролетариат заключает союз с основными массами крестьянства, причем такой союз, в котором руководство принадлежит пролетариату и который направлен к построению социализма, к уничтожению классов. Для этого «пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника,—крестьянина работника от крестьянина торгаша,—крестьянина труженика от крестьянина спекулянта» («Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата»).

Пролетариат апеллирует от предрассудка крестьянина к его рассудку, от его прошлого — к будущему.

На всем протяжении борьбы за социализм все силы старого мира основную ставку делают на разрыв этого союза или на такое изменение его характера, которое означало бы *отказ* от строительства социализма.

Начиная с деникинского Освага, неуклюже пытавшегося сыграть на собственнических чувствах мужичка, и кончая буржуазными политиками, пророчествовавшими «провал коллективизации», красной нитью проходит этот «стратегический маневр» буржуазии. С предельным цинизмом эту ставку на

антисоциалистические предрассудки крестьянства выразил меньшевик Далин в своей книжке «После войн и революций», претендующей служить чем-то вроде «философии эпохи». Ниже мы увидим, как выглядит меньшевистская «философия эпохи» сейчас, когда эта основная ставка оказалась битой. Далин пишет:

«Вся социалистическая литература превосходно и очень убедительно доказывает, что крестьянство ничего не потеряет от социалистического переворота; наоборот, оно может много выиграть от него. Что дает крестьянству крупная городская или аграрная собственность? Велики ли его шансы выйти в «богатые»? Они почти равны нулю. Кто сделает больше для народного образования, поднятия культуры, в частности сельскохозяйственной культуры, чем социалистическое общество? Кто обеспечит от голодной смерти безработного сына многосемейного мужичка? Кто позаботится о пропитании его на старости? Преимущества социализма совершенно бесспорны. И тем не менее—никакого серьезного сдвига в крестьянстве в пользу социализма! Попрежнему побеждает его «антиколлективистический череп». Но что это за странный череп, которому достаточно перебраться в город и заняться наемным трудом, чтобы через пару месяцев, развесив уши, слушать с восторгом остроты Адольфа Гофмана и петь «Sto went die Fahne purpurroht» («После войн и революций», стр. 208).

И он продолжает: «Когда крестьянство в течение 70 лет душит социализм везде, где он готов вступить в жизнь,—душит тот самый социализм, который обещает и ему лучшее будущее,—-можно ли назвать это простой ошибкой, недоразумением?»

И меньшевистский бард утверждает, что тут не ошибка, не недоразумение, а что здесь имеет место лишний признак незрелости капитализма для социалистического переворота.

Эта ставка врагов оказалась беспощадно битой. Труднейшая задача пролетарской диктатуры после завоевания власти—задача переделки мелкотоварного уклада—в основном блестяще разрешена.

В чем источник этой величайшей победы? Источник этой победы заключается в том, что партия под руководством Ленина и Сталина на всех этапах борьбы неуклонно следовала ленинскому учению о характере союза рабочего класса и крестьянства. Под лозунгом союза рабочего класса и крестьянства подпишется любой меньшевик или эсер, говорил Ленин; нам нужен такой союз, в котором руководящая роль принадлежит пролетариату и который направлен на построение социализма, на уничтожение корней всякой эксплоатации.

Против ленинского понимания союза рабочего класса и крестьянства ополчился троцкизм, отрицавший возможность социалистической переделки мелкотоварного производства, отрицавший руководящую роль пролетариата по отношению к колеблющимся промежуточным массам. Ленинскую сущность союза рабочего класса с крестьянством пытался извратить правый оппортунизм своей проповедью «затухания» классовой борьбы, своей программой приспособления социалистического строительства к «железным законам» и пропорциям мелкотоварной стихии. На каждом этапе социалистической переделки многоукладности«правые и троцкисты, их идейные отпрыски и эклектические симбиозы с разных концов пытались поколебать ленинскую основу союза рабочего класса и крестьянства. Партия шла ленинским путем и на этом пути добилась величайших побед, дальнейшего укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

«Героической борьбой рабочего класса уже за годы первой пятилетки построен фундамент социалистической экономики, разгромлен последний капиталистический класс—кулачество, а основные массы крестьянства—колхозники стали прочной опорой советской власти в деревне. СССР окончательно укрепился на социалистическом пути» (тезисы к XVII партс'езду).

Завоеванное и записанное кажется простым, потому что оно вошло в быт и сознание, в повседневную жизнь миллионных масс. Но какая гигантская

борьба была проведена партией Ленина и Сталина для достижения нынешних побед! И на каждом этапе этой борьбы снова и снова подтверждалась правильность гениального учения Ленина и Сталина о построении социализма в одной стране.

III

Борьба за переделку многоукладной экономики в единый социалистический способ производства заполняет собой весь переходный период от капитализма к социализму.

Путь этой переделки намечен ленинским учением о построении социализма в нашей стране, об индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Дальнейшая разработка этого учения и практическое осуществление его на протяжении десятилетия после смерти Ленина являются исторической заслугой т. Сталина.

Ленин подробно разработал вопрос о тех «посредствующих путях, приемах, средствах, пособиях», которые нужны для перехода от докапиталистических отношений к социализму. Он определил задачи пролетарской диктатуры по отношению к каждому из укладов.

Задачи пролетарской диктатуры по отношению к отдельным укладам различны. По отношению к капиталистическому укладу задача ясна. Он должен быть уничтожен, искоренен.

Превращение частной собственности на средства производства в общественную собственность в области промышленности является первым шагом той экспроприации экспроприаторов, о которой говорил еще Маркс. Несравненно сложнее однако обстоит дело с уничтожением капиталистических форм в сельском хозяйстве и в области товарооборота, в области связей между городом и деревней. Известно, что на определенном этапе нашего хозяйственного развития, после перехода от военного коммунизма к нэпу, была допущена в известных пределах деятельность частнокапиталистических элементов в области торговли, ограничиваемая и контролируемая пролетарским государством. Идеологи капиталистической реставрации в то время пытались истолковать это мероприятие как «поворот» советской страны назад, к капитализму. Убожество подобных «пророчеств» не замедлило обнаружиться. А ведь им предавались в свое время даже отнюдь не самые глупые из вожаков капитализма, достаточно вспомнить хотя бы Ллойд-Джорджа. Соревнование социализма с капитализмом в области торговли, в области установления экономических связей между городом и деревней окончилось блестящей победой социализма. Опираясь на растущую мощь восстановленной крупной социалистической промышленности, пролетарская диктатура из года в год все более успешно «училась торговать», забирая в свои руки товарооборот, вытесняя из этой области частника.

Главная сила мелкого капитализма в земледелии (кулацкое хозяйство) заключалась в распыленности и раздробленности мелкого крестьянского хозяйства. Именно здесь находятся наиболее глубокие корни капиталистической эксплоатации, которые не могут быть вырваны одним ударом «на другой день» после пролетарской революции. Их уничтожение—дело долгой и упорной борьбы, ставящей перед пролетарской диктатурой сложнейшие стратегические и тактические задачи. Накапливая силы для постановки во всем масштабе грандиозной задачи переделки мелкокрестьянского хозяйства на социалистических началах, партия на значительном отрезке времени осуществляла лишь политику ограничения и вытеснения кулачества. Только когда совершился подготовленный всей предыдущей политикой партии как в области индустриализации, так и в отношении к крестьянству «великий перелом» в деревне и основные массы бедняцко-середняцкого крестьянства повернулись в сторону коллективизации, гениальное руководство Сталина выдви-

нуло задачу ликвидации кулачества как класса. Троцкистские «революционеры на час» в панике перед кулаком и «кулацкой опасностью» пытались увлечь партию на авантюристический путь «царапанья с кулаком». Правые развернули программу капитуляции перед кулаком. Партия отмела эти установки. Осуществляемая партией на базе сплошной коллективизации ликвидация кулачества как класса означает уничтожение последнего бастиона капитализма в нашей стране.

Что касается госкапиталистического уклада, то в 1921 г., когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, «Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования» (Сталин). Однако в дальнейшем «госкапитализм, не привился в той степени, в какой это было желательно» (Сталин) в условиях того исторического периода, а социалистическая промышленность оправилась от долголетней разрухи в исключительно быстрый срок, уже этим продемонстрировав перед всем миром колоссальные преимущества социалистической системы, опирающейся на энергию, инициативу и самоотверженность миллионных масс.

Когда Ленин говорил о госкапитализме, он имел в виду использование этого уклада, исторически более высокого, чем распыленное мелкое производство и кулацкий капитализм, в качестве одного из «посредствующих путей» для овладения частнособственнической стихией. Однако основная база социализма — крупная социалистическая промышленность — обнаружила в своем развитии такой неиссякаемый родник жизненных сил, что немногочисленные элементы госкапитализма все быстрее теряли свое значение и вскоре почти сошли на-нет. Троцкизм пытался, извратив ленинские указания о госкапитализме, очернить основную базу пролетарской диктатуры— социалистическую промышленность.

Основная и труднейшая задача в перестройке многоукладной экономики— это, естественно, переделка мелкого крестьянского хозяйства на социалистический лад. Эта задача охватывает первые два из перечисленных Лениным укладов—«патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство и мелкое товарное производство». В реальной действительности мелкое товарное производство тесно переплетено с натуральным укладом; бедняцкое и середняцкое хозяйство, которое всегда до известной степени сохраняет свой «самоедский» характер, именно представляет собой это переплетение. *Ключом* социалистической переплавки этого уклада является ленинская политика социалистической индустриализации; *пути* этой переделки даны ленинским кооперативным планом. После смерти Ленина партия под руководством Сталина добилась решающих успехов в деле индустриализации нашей страны. С огромной революционной страстью Ленин говорил о тех условиях, при которых можно будет поставить во всем об'еме задачу социалистической переделки деревни. Немало «реалистов» из буржуазного лагеря снисходительно рассказывали о «кремлевском мечтателе». Железная энергия ленинской партии, гениальное руководство Сталина обеспечили блестящее осуществление ленинского стратегического плана, плана грандиознейшего революционного размаха. Была восстановлена, реконструирована и колоссально развита тяжелая индустрия, созданы десятки новых производств, создана собственная база для реконструкции всех отраслей хозяйства, создан железный фундамент социалистической экономики, построены заводы, посылающие десятки тысяч стальных коней на необозримые поля нашего Союза, созданы предприятия, снабжающие эти заводы сырьем, материалами, топливом.

В ярких образах Ленин рисовал стоящие перед пролетариатом задачи искоренения отсталости, дикости, косности на необ'ятных пространствах нашей страны:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» [1].

Совершенно иной стала картина Советского союза в настоящее время. Ленинская политика, большевистская энергия, самоотверженность рабочего класса в корне изменили хозяйственную географию нашей страны. К северу от Вологды, среди ледяных пустынь, вырос Хибиногорск—крупнейший комбинат химического сырья неисчерпаемого богатства и разнообразия; построен Беломорско-Балтийский канал, меняющий весь облик огромного края, в котором еще иедавно безраздельно царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»; возник Соликамский калийный комбинат, который ставит на службу социалистическому сельскому хозяйству богатейшие в мире калийные залежи. Построен гигантский химический комбинат в Березниках. В Сибири вырос сталинский гигант металлургии и химии, который совместно со своим магнитогорским собратом составляет железный костяк второй угольно-металлургической базы на востоке. К югу от Оренбурга и от Омска, в Караганде заложены основы для третьей угольной базы; в корне изменилось лицо старых промышленных районов страны. Проделана гигантская работа над искоренением «патриархальщины, обломовщины, полудикости». СССР превратился в могущественную 'индустриальную страну.

Партия неуклонно руководствовалась ленинским кооперативным планом в деле преобразования мелкого крестьянского хозяйства. Глубочайшая преобразовательная работа была начата с мероприятий простых, доступных каждому крестьянину, хозяйствующему на своем клочке земли. В результате ленинской политики прочного союза с середняком, опоры на бедноту и непримиримой борьбы с кулачеством позиции пролетарской диктатуры неуклонно укреплялись. Вытеснение капиталистических элементов, рост социалистической промышленности, укрепление смычки с крестьянством обеспечили сдвиги в соотношении классовых сил в пользу рабочего класса.

Мелкое крестьянское хозяйство очень много выиграло от Октябрьской революции, радикально освободившей его от многочисленных пут прошлого. Оно не могло однако в своем развитии перейти за тот предел, который дан самой его природой. С непревзойденной ясностью и четкостью т. Сталин указал пути дальнейшего развития крестьянской экономики:

«Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства. Но как его укрупнить? Для этого существуют два пути. Существует путь капиталистический, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами, как путь, несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь социалистический, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь, ведущий к об'единению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и на-

[1] Ленин, т XXVI, стр. 338.

укой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь»[1].

После тщательной подготовки партия перешла в развернутое социалистическое наступление по всему фронту, принялась за непосредственную переделку мелкотоварного уклада и ликвидацию последнего оплота капиталистического уклада — кулачества. Этот величайший переворот, который до самого дна всколыхнул миллионные массы крестьянства, который взорвал целые пласты вековых традиций, который привел массы трудящегося крестьянства на новый, еще неизведанный путь, естественно, не мог не вызвать самого бешеного сопротивления всех капиталистических элементов страны, очутившихся на краю могилы. Агентура кулачества внутри партии пыталась внести разложение в ряды наступающих борцов, активно преодолевающих величайшие трудности. Сокрушительный отпор получили капитулянты от т. Сталина:

«Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!» Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег». Нужно ли еще доказывать, что установка и поведение группы т. Бухарина как две капли воды похожи на установку и поведение второй группы рыбаков, в панике отступающих перед трудностями?» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 389—390).

Столь же сокрушительный отпор получила «левая» агентура кулачества, которая своим головотяпством в самый решительный и ответственный момент ставила под угрозу союз рабочего класса с крестьянством.

Коллективизация обусловила решение самой спорной и трудной из всех задач, встающих перед пролетариатом после низвержения господства буржуазии. Победа, одержанная партией под руководством Сталина на путях коллективизации, по своему историческому масштабу равна Октябрьской победе, одержанной под руководством Ленина.

Колхозы, как и советы, открыли новую эпоху в истории не только нашей страны, ко и всего человечества.

Слово «колхоз», как и слова «советы» и «пятилетка», стало интернациональным словом.

Победа колхозного строя в СССР вызвала новое глубокое размежевание борющихся классовых сил во всем мире. Отчетливо увидев свою грядущую судьбу, свою завтрашнюю гибель, помещик и кулак, хищнический эксплоататор капиталистической деревни, с налитыми кровью глазами жаждут подавления сил революции, жаждут контрреволюционной войны против СССР.

Весть о Колхозах, открывающих путь к зажиточной жизни, освобождающих трудящиеся массы от гнета, нищеты, пауперизма, рабского труда, как и весть б советах, облетела весь мир. Она доходит до низов китайской деревни, подымая их на революционную, освободительную войну, на беззаветную героическую защиту советской власти. Вести из Советского Китая являют изумительный пример возникновения по инициативе самих крестьянских масс опытов простого сложения крестьянского инвентаря, организации «буйволиных станций» и т. п. — ростков некапиталистического развития отсталых стран, колониальных стран под руководством революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Победа колхозного строя в СССР практически показывает всеми миру путь к решению труднейшей задачи социалистического преобразования об-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 444—445.

щества, того, что Маркс называл «альфой и Омегой грядущего социалистического переворота».

Успешное осуществление коллективизации и ликвидации кулачества как класса дало возможность практически поставить грандиозную задачу ликвидации многоукладности экономики СССР и установления социалистического способа производства как единственного способа производства в результате второй пятилетки.

IV

Тезисы к XVII с'езду партии дают практическую программу действий, результатом которой должны явиться ликвидация многоукладности и установление социалистического способа производства как единственного способа производства. Эта программа в исключительно четкой, конкретной, осязательной форме воплощает основной принцип расширенного воспроизводства социализма — единство воспроизводства социалистических отношений и передовой материально-технической базы нашего хозяйства. Во всех документах научного социализма неизменно подчеркивается, что единственной основой социализма может служить лишь крупное машинное производство, соединяющее в себе «последнее слово науки и капиталистической техники с массовым об'единением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство».

Уже первая пятилетка в корне изменила облик нашей материально-производственной базы, превратив СССР в страну самого крупного земледелия в мире, включив в нашу крупную социалистическую промышленность ряд гигантов самой передовой техники. Вторая пятилетка ставит своей задачей полное техническое перевооружение всех отраслей нашего хозяйства. «Орудия производства, направляемые в народное хозяйство только за годы второго пятилетия, должны составить в конце второго пятилетия 50—60 проц. действующих орудий производства во всем народном хозяйстве» (тезисы к XVII с'езду партии). Это значит, что в итоге преобразовательной работы двух пятилетий социализм в нашей стране получит свою собственную производственную базу, по сути дела заново созданную пролетарской диктатурой.

План второй пятилетки дает задания по тем основным звеньям промышленности, на которые падает главная тяжесть гигантской работы над созданием соответствующей материальной базы для единого социалистического способа производства. Машиностроение, металлургия, энергетика, химия — становой хребет тяжелой индустрии — отвечают этим запросам удвоенными и утроенными масштабами производства.

Как известно, коньком буржуазных ученых, стремящихся увековечить техническую отсталость земледелия, свойственную капитализму, являются ссылки на «органический», «биологический» характер сельскохозяйственного производства.

Ссылками на «особую природу» земледелия они пытаются Замаскировать то неизбежное при капитализме отставание сельского хозяйства, которое «вытекает не из природы земли, а из того, что оно требует других общественных отношений, чтобы оно действительно эксплоатировалось соответственно своей природе» (Маркс).

Начавшись с простого сложения крестьянского инвентаря, коллективная форма хозяйства в земледелии уже в результате первой пятилетки позволим Внедрить в традиционные «мануфактурные» (Ленин) способы сельскохозяйственного производства элементы новой техники в крупнейших масштабах.

Контрреволюционный троцкизм, меньшевистски извращая взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями,

провозглашал неизбежный провал коллективизации на том «основании», что «из крестьянских сох и крестьянских кляч, хотя бы и об'единенных, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из суммы рыбачьих лодок нельзя сделать парохода».

Как жалко, как ничтожно выглядят эти бессильные потуги контрреволюционера на остроумие сейчас, когда победивший колхозный строй уже на наших глазах осуществляет впервые в истории подлинный переворот в технике и методах сельскохозяйственного производства! К коллективизации мы пришли на основе ведущей роли промышленности, которая обеспечила необходимый минимум материальных предпосылок для об'единения крестьянских хозяйств. Победа колхозного строя создала необходимые предпосылки для сближения земледелия и промышленности, так как в земледелии господствующими стали социалистические производственные отношения. Именно организованное рабочим классом «простое сложение крестьянского инвентаря», сложение, произведенное в социалистической форме, обеспечило возможность соединения социалистических производственных отношений с самой передовой индустриальной техникой в земледелии. В этом заключается подлинное диалектическое единство расширенного воспроизводства социалистических общественных отношений и наиболее передовой техники в нашем хозяйстве.

Это единство двух сторон процесса расширенного воспроизводства социализма находит свое дальнейшее яркое выражение и в программе великих реконструктивных работ второй пятилетки. Отсюда неразрывное единство и теснейшая взаимообусловленность всех частей, из совокупности которых складывается завершение коллективизации и осуществление технической реконструкции всего сельского хозяйства во второй' пятилетке: полный охват всех колхозов машинно-тракторными станциями, увеличение парка тракторов, комбайнов и автомобилей, завершение в основном механизации, внедрение системы агротехнических мероприятий, орошения и химии.

Программа реконструкции всего сельского хозяйства (охват всех колхозов МТС, завершение в основном механизации, «внедрение химии и агротехнических усовершенствований) коренным образом меняет самые *основы производственного процесса* в сельском хозяйстве. Место ручного труда занимает машина со свойственным ей распорядком труда. На первый план в производственном процессе выдвигаются кадры трактористов, комбайнеров, руководителей механизированных цехов крупного производства, т. е. по сути дела квалифицированных работников индустриального типа. Отмирают вековые различия между процессом производства на полях и на фабрике, «сельскохозяйственный труд превращается в разновидность труда индустриального» (тезисы к XVII с'езду партии).

Эта реконструкция материальной базы сельскохозяйственного производства неразрывно связана с расширенным воспроизводством социалистической общественной формы, с завершением коллективизации. «По своей общественной форме сельское хозяйство становится однотипным с промышленностью» (тезисы к XVII с'езду).

В результате этого единого процесса расширенного воспроизводства материальной базы и общественной формы исчезнут различия между укладами. *И материальная база и общественная форма производства во всех отраслях народного хозяйства в результате второй пятилетки станут едиными, однотипными.* Социалистический способ производства станет единственным и всеохватывающим способом производства для всего хозяйства пролетарской диктатуры. А так как за экономическими укладами стоят классы, то ликвидация различий между укладами представляет лишь другую сторону, другое выражение ликвидации классов и причин, порождающих классовые различия,—т. е. основной политической задачи второй пятилетки.

Было бы оппортунистическим упрощенчеством изображать дело так, будто с превращением нашего хозяйства в результате второй пятилетки в единое социалистическое целое исчезнут всякие различия в этом единстве.

Однотипность общественной формы производства во всем хозяйстве отнюдь не отрицает конкретных различий в отдельных областях и на отдельных участках его.

Однотипность общественного строя, которую обеспечивает великая программа второй пятилетки, вытекает из того, что в результате завершения коллективизации социалистический, колхозный строй охватит все сельское хозяйство.

Колхозы как высшая форма кооперации, простой рост которой Ленин, как известно, считал при наших условиях «тождественным с ростом социализма», вместе с предприятиями последовательно-социалистического типа в городе и деревне войдут составными частями в социалистическое целое нашего народного хозяйства.

Еще основоположники научного социализма Маркс и Энгельс, гениальными мазками набрасывая контуры будущего социалистического строя, предвидели историческую роль социалистической кооперативной формы производства, ее место в преобразовании общества на социалистических началах и задачи пролетариата по отношению к ней. «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, в этом Маркс и я никогда не сомневались» — писал Энгельс вскоре после смерти Маркса Бебелю[1].

Энгельс гениально предвосхитил особые задачи, встающие в связи с этим перед пролетарской диктатурой, задачи, которые в значительной мере сохранят свою силу и после окончательного охвата всего сельского хозяйства кооперативным, социалистическим строем. «Дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом». Эти слова Энгельса звучат как непревзойденное по своей прозорливости предвидение тех различий, которые отличают социалистические, кооперативные формы от однотипной, но более высокой формы социалистического предприятия, находящегося в руках пролетариата, организованного в государство.

Единство и однотипность общественной формы производства отнюдь не исключают таким образом того, что в пределах однотипной формы отдельные части ее отличаются друг от друга по степени развития их социалистического качества, большему или меньшему наличию пережитков прошлого, по уровню и силе социалистической сознательности работников. Нельзя забывать, что наши теперешние колхозы, социалистические по своей природе, не являются предприятиями последовательно-социалистического типа, как характеризовал Ленин предприятия пролетарского государства.

В важнейших документах научного социализма — в «Критике Готской программы» Маркса, в ленинском «Государстве и революции» — со всей силой подчеркнуто различие между завершенным Коммунистическим строем и социализмом, только что вышедшим из недр капитализма, еще носящим на себе множество «родимых пятен» старого строя. Лишь проделав долгий путь очищения от этих «родимых пятен» в горниле пролетарской диктатуры, в огне ожесточенной классовой борьбы, общество окончательно завершает переход на высшую ступень коммунистического строя.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 329.

На необ'ятных просторах нашей страны, только еще разбуженных социалистическим строительством от вековой спячки и прозябания под двойным грузом пережитков феодализма, средневековья и империалистического угнетения, на Дальнем Севере, на отсталых национальных окраинах Средней Азии, Закавказья, переход к бесклассовому социалистическому строю не может не быть более длительным, формы этого перехода не могут не быть более простыми, доступными, приспособленными к специфическим местным условиям.

Эти различия внутри социалистического единства, эти неизбежные «родимые пятна» и наслоения прошлого, особенно заметные на отдельных его участках, отнюдь не меняют социалистического качества этого единства, отнюдь не умаляют величия побед, которые обеспечит вторая пятилетка. Они только еще раз подчеркивают гигантский об'ем задач, стоящих перед пролетариатом на пути к коммунизму.

Решать эти задачи пролетариат может лишь в непримиримой классовой борьбе. Такова диалектика построения бесклассового общества. И эта диалектика, это живое противоречие действительности обуславливает неизбежность обострения классовой борьбы, «новых попыток подрыва колхозов со стороны кулачества, попыток вредительского саботажа наших промышленных предприятий со стороны антисоветских сил» (тезисы к XVII с'езду партии).

Последние остатки капиталистических элементов, стоя перед окончательной гибелью, сделают еще немало попыток подорвать социализм, навредить, напакостить, где возможно.

Значение и задачи классовой борьбы во второй, пятилетке, на пути к бесклассовому социалистическому обществу возрастают также и в отношении тех форм классовой борьбы, в которых пролетариат очищает самого себя от старой скверны. Борьбу за коммунистическую дисциплину труда Ленин называл одной из форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Значение борьбы за коммунистическую дисциплину труда неизмеримо возрастает в эпоху второй пятилетки, когда перед пролетариатом стоят поистине гигантские задачи овладения передовой техникой, поднятия производительности труда, поднятия качества хозяйствования и руководства во всех областях строительства.

На новую ступень поднимается и третья форма классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, указанная Лениным,—борьба за социалистическую переделку союзника пролетариата в лице всей непролетарской трудящейся массы. Эти массы, под его руководством прочно вставшие на социалистический путь, пролетариат должен перевоспитать в активных строителей бесклассового социалистического общества, освободить от груза предрассудков и навыков, принесенных из недавнего прошлого.

На новую ступень поднимаются тем самым высший принцип и основа пролетарской диктатуры — союз рабочего класса с крестьянством в целях построения бесклассового социалистического общества.

Страна советов идет навстречу этим гигантским задачам с неизмеримо выросшими материальными и социальными силами. В активе рабочего класса имеется опыт первой пятилетки, опыт невиданного в истории сознательного самоотверженного строительства, накопленный на стройках Сталинградского, Харьковского, Челябинского тракторного, Магнитогорска и Кузнецка, Березников и Бобриков, Днепрогэса и «Шарикоподшипника», нового Донбасса и Беломорского канала и многих других гигантов техники; в руках пролетариата уже имеются высокие образцы овладения этой техникой.

Поп, урядник, кабатчик, церковый староста — вот символические фигуры «актива» царизма в деревне, враждебные и чуждые массе, угнетавшие ее.

Диктатура пролетариата за годы социалистической переплавки деревни создала тысячные отряды руководителей сельсоветов, председателей колхозов, колхозных бригад, трактористов и комбайнеров, вожаков и активистов колхозного строя, выдвинутых массой, неотрывно спаянных с нею.

Партия под руководством т. Сталина с четкостью гигантского, монолитного, слаженного до мельчайших звеньев механизма перебросила в деревню мощный отряд крепких большевиков-политотдельцев, не только не оголив ни одного участка работы, но еще более усилив свои ряды.

С таким балансом сия партия и рабочий класс под руководством т. Сталина развертывают борьбу за дальнейшее «укрепление экономических и политических позиций пролетарской диктатуры на основе союза рабочего класса с крестьянством для окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще» (тезисы к XVII с'езду партии).

V

Осуществление второго пятилетнего плана еще больше усилит значение Советского союза как опорной базы мировой пролетарской революции. Уже выполнение первой пятилетки доказало практически перед лицом всего мира возможность построения социализма в одной стране. Практика нашей стройки наголову разбила все клеветнические хитросплетения социал-фашистов, меньшевиков, троцкистов.

Установление социализма как единственного способа производства на одной шестой части мира будет означать гигантскую победу мирового коммунизма, гигантский рост и укрепление коммунистических сил в мировом масштабе.

При переходе от гражданской войны к хозяйственному строительству Ленин указывал, что основное воздействие на ход мировой революции Советская страна оказывает своей хозяйственной политикой. Намечая стратегию и тактику партии в условиях передышки, Ленин исходил из следующей оценки той международной обстановки, в которой нам пришлось приступить к строительству социализма:

«Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся,, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму,—так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития».

Империалистам не удалось свергнуть пролетарскую диктатуру, но они создали ей огромные дополнительные трудности. Отсюда возникла необходимость гигантской предварительной работы для того, чтобы доказать на деле громадные преимущества социалистической системы.

Ленин наметил ту тактику, которой должна придерживаться партия для того, чтобы «помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас». Осуществление этой тактики на протяжении десятилетия превратило нашу страну из отсталой страны с разрушенной промышленностью и разоренным сельским хозяйством в могучий, полнокровный хозяйственный организм, семимильными шагами догоняющий ушедшие вперед капиталистические страны, в период второй пятилетки выходящий в техническом отношении на первое место среди стран старой Европы. На

протяжении этого пути партия под руководством т. Сталина четко видела как «опасность потери социалистической перспективы строительства нашей страны», так и «опасность потери международной революционной перспективы и связанный с этим национализм» (Сталин). Герои троцкистской контрреволюции пытались оправдать свое предательство дела социалистического строительства в СССР громкими фразами насчет мировой революции, позорно капитулируя перед силами реакции во всех тех пунктах, где развертывается борьба международного пролетариата. Правые оппортунисты при разрешении вопросов хозяйственного строительства упорно «забывали» о наших обязательствах по отношению к международному пролетариату. Ленинская политика укрепления Советского союза как опорной базы международной пролетарской революции была продолжена и блестяще осуществлена т. Сталиным.

Еще на грани реконструктивного периода, в 1927 г., беседуя с первой американской рабочей делегацией, т. Сталин дал непревзойденную по ясности и четкости перспективу развития международной роли пролетарской революции в СССР:

«Нельзя представлять дело так, что рабочий класс одной страны или нескольких стран будет итти к социализму и тем более к коммунизму, а капиталисты других стран будут смотреть на это равнодушно и сидеть сложа руки. Тем более нельзя представлять, что рабочий класс в капиталистических странах согласится быть простым зрителем победоносного развития социализма в той или иной стране. На самом деле капиталисты будут делать все зависящее от них для того, чтобы задушить такие страны. На самом деле каждый серьезный шаг к социализму и тем более к коммунизму в той или иной стране неизбежно будет сопровождаться неудержимым порывом рабочего класса капиталистических стран к завоеванию диктатуры и социализма в этих странах. Таким образом, в ходе дальнейшего развития международной революции будут складываться два центра мирового масштаба: центр социалистический, стягивающий к себе страны, тяготеющие к социализму, и центр капиталистический, стягивающий к себе страны, тяготеющие к капитализму»[1].

Дальнейший ход развития как Советского союза, так и капиталистических стран блестяще подтвердил слова т. Сталина. По мере роста и укрепления Советского союза, по мере побед социализма растет и ширится значение нашей страны как мирового центра, как опорной базы мировой пролетарской революции.

Борьба двух миров двух систем все больше выдвигается на первый план современной действительностью. Годы первой пятилетки, которым в капиталистическом мире соответствовали годы глубочайшего экономического кризиса, продемонстрировали всему миру гигантские преимущества социалистической системы. *Капиталистическая система не выдержала очной ставки с социализмом.*

Соотношение сил капитализма и социализма на международной арене коренным образом изменилось. Из испытания на практике бесспорным победителем вышел социализм. Социализм доказал свои гигантские преимущества перед капитализмом, доказал, что он способен преодолевать трудности, для капитализма неразрешимые.

Выполнение первой пятилетки в огромной степени укрепило хозяйственную независимость и обороноспособность нашей страны, превратив ее в мощную силу, не боящуюся никаких происков врагов. Вторая пятилетка, ликвидируя многоукладность и завершая техническую реконструкцию всего народного хозяйства, дает пролетарской диктатуре такое политическое и техническое оснащение, которое гигантски повысит роль и значение СССР как оплота мировой революции. «...Наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии» (Ленин, т. XXVI, стр. 48).

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 287.

Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юговостоку от Ростова н/Д и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Енисейска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст ~~дорог~~ проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве везде в этих местах не преобладает тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо-ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется.

Страница рукописи Ленина „О продовольственном налоге"

Из материалов Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)

Учение Ленина—Сталина о войнах империалистической эпохи и тактика большевизма

А. Угаров

Империализм, будучи высшей и последней стадией капитализма, доводит до крайности, до предельной остроты и напряженности присущие капитализму противоречия, ставит в порядок дня революционный штурм капитализма. В обстановке империализма «пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики», «старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма» (Сталин, «Об основах ленинизма»). XIII пленум ИККИ поставил перед компартиями задачу быстрой подготовки к решающим революционным боям.

Но эпоха империализма не только сделала пролетарскую революцию вопросом непосредственной практики, она коренным образом изменила самый подход к революции, к оценке «зрелости» революционной ситуации.

В эпоху империализма нельзя больше по-старому производить оценку зрелости материальных предпосылок пролетарской революции, анализировать конкретный ход ее развития с точки зрения экономического состояния той или иной капиталистической страны, рассматривать эти предпосылки лишь как результат внутреннего развития данной страны. «Теперь (в период империализма.—*А. У.)* нужно говорить о наличии об'ективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, е с л и система в целом, или, вернее, т а к к а к система в целом уже созрела к революции» (Сталин, «Об основах ленинизма»).

Ленинская теория империализма и пролетарской революции в условиях империализма открыла новый, всемирно-исторический по своему значению этап в развитии учения Маркса и Энгельса.

В учении Ленина и Сталина об империализме и международной пролетарской революции вопросы войны и тактики пролетарской партии в войнах империалистической эпохи занимают громадное место, являясь нераздельной составной частью теории краха капитализма и революционного перехода от капитализма к коммунизму.

Войны империалистические, гражданские войны пролетариата против буржуазии, национально-колониальные восстания и войны, войны пролетарского государства против реакционного империализма, переплетение всех этих войн—вот что образует главнейшее содержание современной эпохи.

«Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн,—войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха—«эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений кризисов, она началась, мы ее

ясно видим,—это только начало» (Ленин, «Доклад о пересмотре программы и названия партии на VII с'езде РКП(б)»).

В силу этого учение Ленина и Сталина о войне, в котором воплощены взгляды основоположников научного коммунизма—Маркса и Энгельса, обогащенные анализом империалистической эпохи, имеют для нашей партии, для Коммунистического интернационала, для всего международного рабочего класса, для борьбы угнетенных народов колонии и полуколоний не только величайшее теоретическое, но и гигантское практическое, боевое значение.

Коммунистический интернационал в своей программе, в решениях VI мирового конгресса (1928 г.), XII пленума ИККИ исчерпывающе сформулировал отношение, коммунистов к войнам империалистической эпохи согласно принципам научного коммунизма Маркса—Энгельса и учению Ленина—Сталина.

Ленин указывал:

«Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов, мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности» (Ленин, «Социализм и война»).

Всякая война есть продолжение политики тех или иных классов насильственными средствами.

Эта мысль, которая в свое время была высказана известным военным писателем Клаузевицем, и которую многократно приводил в своих работах Владимир Ильич, служит для коммунистов руководящим принципом при определении классового характера и содержания каждой данной войны, позволяя избежать всякого рода внешних и потому случайных признаков в оценке войны.

Для определения линии и тактики пролетарских партий в войне необходим глубокий анализ общих условий данной эпохи и вытекающих из нее задач рабочего класса. Без этой предпосылки остается широкое поле для всякого рода софизмов, опошления и фальсификации принципов научного коммунизма (бесчисленные примеры такого опошления дает война 1914—1918 гг. и поведение в ней социалистов типа Каутского, Плеханова и др.).

Анализ эпохи позволяет установить, «какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.» (Ленин, «Под чужим флагом»).

В развитии современного буржуазного общества следует различать четыре исторических эпохи, грани между которыми, разумеется, крайне подвижны и условны.

Владимир Ильич в своей статье «Под чужим флагом», направленной против Потресова, выделяет три эпохи: первая—1789—1871 гг.; вторая—1871—1914 гг.; третья—с 1914 года. Конца третьей эпохи в ту пору (1915 г.) Владимир Ильич определить конечно еще не мог. Мы знаем теперь, что новая, четвертая, всемирно-историческая эпоха началась с победы Октябрьской революции в 1917 г.

«Основным об'ективным содержанием исторических явлений во время войны не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 г. (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества» (Ленин, т. XVIII, стр. 109).

О самостоятельных действиях рабочего класса и пролетарской борьбе за социализм в войнах той эпохи не могло быть и речи. Народное движение в странах, охваченных войной, было тогда общедемократическим, буржуазно-демократическим по своему классовому содержанию.

«Совершенно естественно, что элементы современной демократии, и Маркс, как представитель их,—руководствуясь бесспорным принципом поддержки прогрессивной буржуазии (способной на борьбу буржуазии) против феодализма, решали тогда вопрос о том, «успех какой стороны», т. е. какой буржуазии, желательнее» (Ленин, т. XVIII, стр. 109).

Именно в эту эпоху складывались национальные рамки буржуазных государств, служившие опорой развитию производительных сил, и «защита отечества» была боевым паролем, боевым лозунгом массовых демократических движений против феодализма.

Войны в Европе в эпоху 1789—1871 гг. «большей частью были связаны, несомненно, с важнейшим «народным интересом», именно: с могучими, затрагивающими миллионы, буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета... На этой почве и только на ней выросло понятие «защиты отечества», защита освобождающейся буржуазной нации против средневековья. Только в этом смысле признавали социалисты «защиту отечества» (Ленин, т. XVIII, «Оппортунизм и крах II интернационала»).

Однако позиция Маркса никогда не сливалась с позицией национал-либералов, как у Лассаля. Проводя последовательно демократическую тактику, Маркс при всех военных столкновениях, сопровождавших борьбу буржуазии за власть, заботился больше всего «о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов» (Ленин, «Под чужим флагом»).

Первая эпоха заканчивается франко-прусской войной 1870—1871 гг. Полоса национальных войн для Европы отходит в прошлое. В рамках сложившихся буржуазных наций рабочий класс вступает в ожесточенную борьбу с буржуазией.

Парижская коммуна, этот первый исторический опыт пролетарской диктатуры, знаменовала собой начало новой исторической эпохи.

Маркс в следующих словах характеризовал наступивший исторический перелом:

«После самой ужасной войны новейшего времени победившая и побежденная армии соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательное поражение, как думал Бисмарк,—нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Величайший героический подвиг, на который старый мир еще был способен, это — национальная война; но и она теперь оказывается только чистейшей мошеннической проделкой правительства; эта проделка не имеет никакой другой цели кроме отсрочки классовой борьбы, и она сразу же летит к черту, как только классовая борьба вспыхивает пожаром гражданской войны. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едино суть» (Маркс, «Гражданская война во Франции». Разрядка моя.—А. У.).

Коренной чертой второй эпохи, продолжавшейся с 1871 по 1914 г., является то, что буржуазия, все еще продолжая оставаться в «центре эпохи», становится реакционной, обнаруживает признаки упадка, разложения.

Это эпоха «полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией» (Ленин, т. XVIII, стр. 108).

В этот период капитализм, победивший в передовых странах Европы, развивается сравнительно «мирно» и спокойно, захватывая и включая в эксплоатацию новые земли. Однако это «мирное» развитие означало тягчайший гнет и мучения для десятков миллионов трудящихся.

По мере роста империалистического периода буржуазия всех крупных капиталистических стран, извлекая огромные сверхприбыли из своих колониальных владений, подкупала и развращала определенные слои рабочего класса, чиновников рабочего движения, создавая «рабочую аристократию». Эта социальная группа наряду с мелкобуржуазными элементами послужила питательной почвой для оппортунизма в международном социалистическом движении.

В то же время почти во всех европейских странах внутри социалистического движения выделяются революционные элементы, выражающие коренные интересы пролетариата. «Левые» не мирятся с оппортунистической практикой II интернационала, раболепствующего перед легальностью и реформой как якобы единственным оружием в борьбе пролетариата.

Всемирно-исторической заслугой большевизма является то, что он с первых своих шагов в революции 1905—1906 гг. выдвинул такую стратегию и тактику борьбы, которая соответствовала условиям новой эпохи, воспитывал рабочий класс в сознании стоящих перед ним исторических задач.

Третья эпоха, начавшаяся всемирной войной 1914—1918 гг., несравненно более широко и полно выражает особенности империализма. Резко усиливается и обостряется неравномерность и конфликтный характер капиталистического развития.

В эту эпоху буржуазия глубоко реакционна, она занимает такое же положение, в каком находились в течение первой эпохи феодалы, она тормозит историческое развитие.

«Это—эпоха империализма и империалистских, а также вытекающих из империализма, потрясений» (Ленин, «Под чужим флагом»).

В порядок дня в качестве непосредственной практической задачи становится пролетарская революция, революционный штурм капитализма в связи с империалистической войной, создающей революционную ситуацию. Безусловно необходимым становится отделение «рабочих революционно-социал-демократических партий от мелко-буржуазно-оппортунистических» (Ленин, т. XVIII, «Крах II интернационала»). Довоенный оппортунизм перерос в социал-шовинизм, призывающий к защите отечества в империалистической войне, организующий союз социалистов с правительством и генеральными Штабами.

Социалистические партии II интернационала, разведенные оппортунизмом, развращенные «легальностью» предшествующей эпохи, терпят крах, переходя в империалистической войне на сторону своей империалистической буржуазии.

«Война 1914—1915 гг. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму не *может* остаться старым,.. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя — можно и должно безбоязненно итти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умеющим не ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии» (Ленин, «Крах II интернационала»).

Таково главное содержание третьей эпохи с точки зрения пролетарской партии, ведущей борьбу за коммунизм.

В «центре эпохи»—рабочий класс, единственный прогрессивный класс. Он один представляет интересы дальнейшего развития человечества, он один может обеспечить дальнейший могучий под'ем производительных сил, скован-

ных частнокапиталистической собственностью и сдавленных узкими рамками буржуазных национальных государств.

Завоевание власти, установление диктатуры — вот боевой политический лозунг международного пролетариата.

Четвертую историческую эпоху открыла победоносная Октябрьская революция в России. Она положила конец единому всеохватывающему капитализму: «единого и всеохватывающего капитализма нет уже больше в мире», «мир раскололся на два лагеря—на лагерь капитализма во главе с англо-американским капиталам, и лагерь социализма во главе с Советским союзом»... «международное положение все больше и больше будет определяться соотношением сил между двумя лагерями» (Сталин, «К итогам работы XIV конференции»).

Важнейшее содержание нынешней эпохи—это ожесточенные классовые битвы пролетариата, переходящие в гражданские войны внутри капиталистических стран, буржуазно-демократические, в том числе могучие национально-революционные движения в колониях и полуколониях, войны между империалистическими державами, интервенции «великих» держав в колониальные и зависимые страны, вооруженная интервенция капиталистов в пределы Советского союза, революционные войны пролетарского государства против контрреволюционных империалистических стран и коалиций.

Неустанное разоблачение социал-фашизма как главной социальной опоры буржуазии, выразителя и носителя интересов рабочей аристократии, «обуржуазившихся рабочих», составляет одну из крупнейших политических задач Коммунистического интернационала в борьбе против опасности новой империалистической войны, в борьбе за пролетарскую революцию.

О тактике большевизма в империалистических войнах

Тактика большевиков в империалистических войнах получила наиболее развернутое выражение и величайшее международное значение во время мировой войны 1914—1918 гг. Это отнюдь не значит, будто принципиальная позиция большевизма и вытекающие из нее задачи практической антивоенной борьбы были впервые сформулированы в эти годы.

Уже в период «боксерского» восстания и об'единенной империалистической интервенции (с участием России, Англии, Франции, Германии и Японии) в Китай в 1900 г., русско-японской войны 1904—1905 гг. Ленин дает глубокий анализ грабительского, империалистического характера этих войн и в соответствии с общими условиями начавшейся новой эпохи определяет линию поведения рабочего класса России и его авангарда — большевистской партии.

В статье, посвященной падению Порт-Артура, Ленин формулирует позицию большевиков в войне Японии против России, исходя из интересов классовой борьбы русских рабочих против самодержавия, исходя из интересов международного пролетарского социализма. Он устанавливает гигантское прогрессивное значение военного краха самодержавия.

«Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка» (Ленин, т. VII, «Падение Порт-Артура»).

Лозунг поражения царского правительства, который меньшевики (выдвинувшие лозунг «мира 'вообще») об'явили «спекуляцией на победу японского империализма», вытекал у большевиков из общей оценки роли и значения империалистической войны для революционной борьбы пролетариата, а также из особых задач русских рабочих в их борьбе с самодержавием.

Империалистическая война требует колоссального напряжения хозяйственных ресурсов и вынуждает господствующие классы мобилизовать мил-

лионные массы трудящихся, она неминуемо создает об'ективные условия экономического и политического кризиса внутри страны. Революционная пролетарская партия, не изменяя своему делу, не может отказаться от продолжения классовой борьбы в условиях войны, от использования порождаемого войной кризиса для разрешения своей исторической задачи.

Рассматривая военное поражение царизма в предпринятой им колониальной авантюре как начало «глубокого политического кризиса», как «пролог капитуляции царизма», Ленин призывает русский пролетариат к поддержке и расширению «серьезного революционного натиска» на самодержавие.

«Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необ'ятное брожение и возмущение в русском народе, (приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу» (Ленин, т. VII, «Падение Порт-Артура»). И эта война началась событиями 9 января 1905 г. «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны» (Ленин).

Ленин выдвигает перед пролетариатом боевую задачу «учиться военным урокам правительства». «И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это—единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война, из всех войн, какие знает история» (Ленин, т. VII, стр. 86).

После восстания броненосца «Потемкин» большевики ставят в качестве непосредственной задачи—овладеть искусством и техникой военного дела, искусством организации военных сил революции.

Ленин расценивает восстание «Потемкина» как попытку «образования ядра революционной армии», которая необходима «для военной борьбы и для военного руководства массами народа», ибо «только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация» (Ленин, т. VII, ««Революционная армия и революционное правительство»).

Мы знаем, что по стратегическому плану Владимира Ильича «великая народная война» против самодержавия должна была послужить лишь первым этапом революции (осуществление под руководством пролетариата буржуазно-демократических задач), за которым непосредственно начиналась еще более великая по своему значению борьба русского рабочего класса за социализм.

Таким образом, уже в первые годы зарождения и самостоятельного существования большевизма Ленин и большевики, развивая принципы революционного марксизма по отношению к империалистическим войнам, показали, во-первых, что источник этих войн лежит в природе капитализма, во-вторых, что нельзя вести серьезной борьбы против империалистических войн, не связывая ее с общей борьбой пролетариата за социалистическую революцию, в-третьих, что империалистические войны порождают экономический и политический кризис, который пролетарская партия должна использовать в своих революционных целях, и, наконец, что партия, всерьез ставящая задачу борьбы против империалистической войны, должна научиться искусству гражданской войны, должна уметь вести работу в армии и во флоте.

На Штутгартском конгрессе (в 1907 г.), борясь на два фронта—против оппортунизма Фольмара и анархического фразерства Г. Эрве, Ленин отстаивает позиции большевизма в войнах новой эпохи, единственно правильную тактику международного социализма в империалистической войне.

Излагая отношение революционного крыла международной социал-демократии к вопросам милитаризма и борьбы с опасностью империалистических войн, Ленин писал в 1908 г. в статье «Воинствующий милитаризм»: «...Интересы классовой борьбы пролетариата, или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата, представляют собой ту единственно возможную точку зрения, с которой может быть рассматриваем и решен вопрос

об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях» (т. XII, стр. 318).

На Штутгартском конгрессе по настоянию Ленина и большевиков, при поддержке Розы Люксембург в резолюцию Бебеля была внесена поправка, указывающая основное направление борьбы революционной социал-демократии против опасности войны и устанавливающая поведение революционной с.-д. в (начавшейся войне. Резолюция Штутгартского конгресса требовала от всех социалистических партий энергичных и согласованных действий против растущего милитаризма и опасности войны, вскрывала грабительский характер войн, организуемых капиталистическими государствами, призывала рабочий класс всемерно помешать войне сообразно политическому положению и состоянию классовой борьбы в той или иной стране. Если же война все-таки разразится, необходимо «приложить все усилия для скорейшего ее прекращения и всемерного использования вызванного войной экономического и политического кризиса для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубокие общественные слои и ускорить падение власти капитала». Базельский конгресс 1912 г., собравшийся уже после того, как вспыхнула война на Балканах, подтвердил основные принципы борьбы пролетариата против войны, принятые в Штутгарте и Копенгагене, и обязал социалистические партии усилить борьбу против милитаризма и опасности мировой войны. Конгресс вновь призвал социалистов всех стран ответить на грядущую империалистическую войну энергичной революционной работой, подготовкой социалистической революции, напоминая буржуазным правительствам уроки Парижской коммуны и русской революции 1905—1906 гг.

Мировая война 1914—1918 гг., на протяжении которой Ленин и большевики дают развернутое учение о войнах империалистической эпохи, явилась вместе с тем величайшей, всемирно-исторической проверкой тактики большевиков в империалистической войне. Эта проверка доказала, что только большевики оказались на высоте новых исторических задач, которые поставила перед международным социализмом война 1914—1918 гг. И это отнюдь не было случайным. К этому большевизм был подготовлен всем своим развитием. «...Тактика Р. С.-Д. Р. П.,— писал Ленин в брошюре «Социализм и война» в 1915 г.,— представляет из себя неизбежный результат тридцатилетнего развития социал-демократии в России».

Борьба против войны (неотделима от общеклассовой борьбы пролетариата. Последовательное воспитание рабочего класса в духе непримиримости к буржуазии и беззаветной преданности социализму, в духе подлинного интернационализма, действенное сочетание в практической работе всех форм легальной и нелегальной деятельности являются вместе с тем лучшей подготовкой рабочих масс к борьбе с империалистическими войнами.

«Коммунисты не отделяют борьбы против войны от классовой борьбы, рассматривая ее как часть общеклассовой борьбы пролетариата, направленной к свержению буржуазии» (VI конгресс Коминтерна).

История большевизма—этого единственного до конца последовательного представителя интересов международного пролетарского социализма внутри II интернационала—является наглядным доказательством того, что лишь та партия способна всерьез бороться против империалистической войны, которая и до и во время войны проводит непримиримую революционную классовую политику.

VI конгресс Коммунистического интернационала, опиралиcь на учение Ленина и Сталина об империализме и пролетарской революции, обобщая гигантский опыт борьбы международного рабочего класса со времени Парижской коммуны, в своих решениях исчерпывающе излагает ленинскую концепцию войн империалистской эпохи и тактику коммунистов в войнах различного типа. Главнейший тип войн современной эпохи—это контрреволюционные войны империализма против социалистического государства и войны между

империалистическими государствами, за передел мира. VI конгресс Коминтерна дал развернутую программу борьбы коммунистических партий с опасностью империалистической войны.

Борьба против опасности империалистической войны требует прежде всего широчайшей агитационно-пропагандистской деятельности, разоблачения того, как подготовляется и рождается война. Владимир Ильич видел «самую большую трудность в преодолении того предрассудка, который имеется у некоторых, что это «вопрос простой, ясный и сравнительно легкий».

«Надо об'яснить людям,—писал он в 1922 г. о задачах нашей делегации в Гааге,—реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо об'яснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии».

Только при такой постановке вол-роса можно до конца разоблачить радикальных шарлатанов от социализма с их «революционными» обещаниями ответить на войну «стачкой или революцией». Только так можно воспитать в пролетарских партиях способных действительно бороться против опасности империалистической войны.

Важнейшая линия в разоблачении механизма подготовки войны — это всесторонняя, глубокая и систематическая борьба против пацифизма всех видов.

Коммунистический интернационал различает три оттенка пацифизма:

а) официальный (империалистический) пацифизм капиталистических правительств, готовящих новую войну под маской пацифизма, мирных конференций, «разоружительных конференций» и т. д.;

б) мелкобуржуазный, «социалистический» (отросток официального) пацифизм II интернационала, представляющий собою его прямое дополнение, разбавляющий идеологию империалистического пацифизма социалистической фразой, усыпляющий революционную бдительность пролетариата;

в) «радикальный» пацифизм некоторых «левых» (Независимая рабочая партия Англии, социал-демократия скандинавских государств), пытающихся «убить», уничтожить реакционную империалистическую войну революционной фразой («больше никогда не должно быть войны», «бойкот войне», «всеобщая забастовка в ответ на войну» и т. д.);

г) наконец полурелигиозный пацифизм, базой которого служит церковное движение.

Беспощадно борясь с пацифизмом, насаждаемым империалистической буржуазией и ее агентурой из II интернационала, коммунисты терпеливо раз'ясняют народным массам весь вред доверия к пацифистским лозунгам буржуазии. В народных массах живет глубокое, стихийное, инстинктивное стремление к миру, которое командующие классы усиленно и бессовестно эксплоатируют для подготовки к войне, обманывая трудящихся, будто война приходит, несмотря на их «мирную политику», как неотвратимое, стихийное народное бедствие, вопреки воле и желанию правящих классов и что во время войны прямой долг всех граждан—сражаться до последней капли крови за честь и достоинство своей нации, своего государства.

Лихорадочная подготовка империалистических войн и разгул самого безудержного пацифизма всегда идут рука об руку, ибо иначе невозможно подчинить широкие народные массы (и прежде всего пролетариат) руководству империалистической буржуазии.

Лицемерие буржуазных государственных деятелей не есть их личный по-

рок—это линия буржуазно-империалистической политики, рассчитанная на включение в русло буржуазной политики широких народных масс, без которых и в настоящую эпоху (при самом совершенном техническом вооружении армии и сокращении до минимума личного состава армий) вести войну нельзя.

Тов. Сталин в своем докладе на активе ленинградской организации об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) (1928 г.) блестящим и вполне исчерпывающим образом определяет роль пацифизма как орудия подготовки империалистических войн:

«...Опасность новых империалистических войн и интервенций является основным вопросом современности.

Самой распространенной формой убаюкивания рабочего класса и отвлечения его от борьбы с опасностью войны является нынешний пацифизм с его Лигой наций, проповедью «мира», «запрещением» войны, болтовней о «разоружении» и т. д.

Многие думают, что империалистический пацифизм есть инструмент мира. Это в корне неверно. Империалистический пацифизм есть инструмент подготовки войны и прикрытия этой подготовки фарисейскими фразами о мире. Без такого пацифизма и его инструмента, Лиги наций, подготовка войн в нынешних условиях невозможна.

Есть дурачки, которые думают, что ежели есть империалистический пацифизм, то значит не будет войны. Это совершенно неверно. Наоборот, кто хочет добиться правды, тот должен перевернуть это положение и сказать: так как процветает империалистический пацифизм с его Лигой наций, то наверняка будут новые империалистические войны и интервенции.

И самое важное во всем этом состоит в том, что социал-демократия является главным проводником империалистического пацифизма в рабочем классе—стало быть, она является основной опорой капитализма в рабочем классе в деле подготовки новых войн и интервенций».

Вся агитпропагандистская работа против опасности войны должна быть теснейшим образом связана с повседневной революционной работой в народных массах. Особого внимания требует работа в решающих, с точки зрения подготовки и ведения войны, отраслях промышленности (металлообрабатывающая, химическая, транспорт). Исключительное значение для успешной борьбы с опасностью войны имеет революционная работа партии в деревне, пробуждение классового сознания сельскохозяйственного пролетариата, воспитание в трудящихся крестьянских массах веры в рабочий класс, в его борьбу, в общность интересов пролетариата и трудового крестьянства в борьбе против крупного капитала, против господства империалистической буржуазии, против империалистической войны. Вопросом решающего значения является работа среди молодежи, в первую очередь среди рабочей молодежи. Чрезвычайно важную роль играет также деятельность пролетарской партии среди работниц.

Для коммунистов антимилитаристская работа, которую необходимо вести широко и систематически,— революционная деятельность в армии, флоте, среди (Призываемых, запасных и т. д., «должна составлять органическое целое со всей революционной массовой работой партии и должна охватывать всех рабочих» (VI конгресс Коминтерна).

Величайший исторический урок первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. заключается в том, что серьезную борьбу против войны нельзя вести без хорошо поставленной нелегальной организации; за исключением большевистской партии (которая в течение многих лет накопила богатейший опыт нелегальной работы и революционного использования даже малейших временных легальных возможностей в условиях царизма), все «левые» элементы международного социализма, сохранившие верность его принципам, оказались на долгий срок обезоруженными воинствующим империализмом с его колоссальным аппаратом насилия и обмана, пущенным в ход против народных масс. Вся послевоенная история убедительно показала, что к нарушениям «легальности» в современную эпоху буржуазия прибегает систематически, ибо иначе невозможно стало управлять массами после войны в условиях всеобщего кризиса капитализма.

Без нелегальной организации и нелегального аппарата нельзя успешно организовать борьбу против опасности империалистической войны и уже совершенно невозможно организовать превращение вспыхнувшей империалистической войны в гражданскую.

«...Нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальной организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы» (Ленин, «Социализм и война»).

Единственно возможный способ «борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров,—все это должно быть выдвигаемо на первый план» (Ленин, «О задачах нашей делегации в Гааге»).

Вот почему «только заранее подготовленная и испытанная революционная партия, с хорошим нелегальным аппаратом может успешно провести борьбу против войны...» (Ленин, «К вопросу о борьбе с войной», 1922 г.).

Создание нелегальной организации (на промышленных предприятиях, в армии, во флоте и т. д.) и нелегальною аппарата для борьбы с опасностью империалистической, войны до возникновения этой войны—представляет собой крупнейшую задачу всех секций Коминтерна.

Необходимость успешного решения этой задачи обусловлена как общими условиями эпохи краха капитализма и начавшейся международной пролетарской революции, так и в особенности обстановкой современного ее отрезка, когда совершается «переход ко второму туру революций и войн» (XII пленум ИККИ), когда империализм вступил в полосу непосредственной подготовки новой войны и когда интервенционистская война империалистов против Китая стала уже фактом, хотя и без объявления войны.

Готовя войну, империализм применяет против рабочего класса и его авангарда— коммунистических партий — повсюду взрывая «легальность», свирепый террор, преследования революционных рабочих. «...Для того, чтобы подготовить новые войны, недостаточно одного лишь пацифизма, если даже он, этот пацифизм, поддерживается такой серьезной силой, как социал-демократия. Для этого нужны еще некоторые средства подавления масс в центрах империализма. Нельзя воевать для империализма, не укрепляя империалистический тыл. Нельзя укрепить тыл, не подавляя рабочих. Для этого и существует фашизм.

Отсюда обострение внутренних противоречий в странах капитализма, противоречий между трудом и капиталом» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 337, изд. 9-е),

Проводя последовательную революционную политику в классовой борьбе пролетариата, всемерно содействуя развитию национально-революционного движения угнетенных народов против империализма, соединяя «легальные» и нелегальные формы революционной деятельности, Коммунистический интернационал борется против опасности империалистической войны, не отказываясь ни от каких средств для ее предотвращения и в то же время не убаюкивая рабочий класс пустыми революционными фразами о том, что на об'явление войны во всех случаях надо ответить стачкой, восстанием, без учета конкретной обстановки в каждой отдельной стране.

В начавшейся империалистической войне, которая может быть либо войной между империалистическими державами за передел мира по примеру войны 1914—1918 гг., либо империалистической войной (вооруженной интервенцией) в колонии или полуколонии, либо контрреволюционной войной против СССР — страны победившего пролетариата, в этой войне центральным лозунгом, об'единяющим всю работу коммунистических партий в капиталистических странах, становится лозунг превращения империалистической войны о войну гражданскую и конкретное

воплощение его—«пораженческая» позиция рабочего класса капиталистических стран по отношению к собственному правительству.

Разумеется, коммунисты не исходят из того бессмысленного взгляда, который непрочь нам навязать наши политические противники, будто революцию можно вызвать в любой момент, по желанию и по усмотрению революционной партии, Коммунисты исходят из того, насколько в данную историческую эпоху в международном масштабе созрели об'ективные предпосылки для перехода от капитализма к коммунизму, и из того, что империалистическая война неминуемо создает экономический и политический кризис, порождая тем самым революционную ситуацию.

Само собой понятно, что коммунисты никоим образом не представляют себе дело так, что революционная ситуация возможна только и единственно в связи с империалистической войной и что «поэтому» надо добиваться приближения войны для ускорения пролетарской революции. Революционный характер нашей эпохи обнаруживается как раз в том, что «горючего» материала повсеместно накопилось великое множество, что социалистические революции могут вспыхнуть в связи со стачкой, избирательной борьбой и т, д. Империалистическая же война играет роль колоссального ускорителя всего исторического развития.

Долг пролетарской партии во вспыхнувшей империалистической войне использовать революционную ситуацию для превращения империалистической войны в гражданскую. Содержание гражданской войны, требования, с которыми выступает пролетариат, соответствуют тем историческим задачам, которые стоят в данный момент перед отдельными отрядами международного рабочего класса.

«Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель),—за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.»—писал Владимир Ильич Ленин в 1915 г. (т. XVIII. «Конференция заграничных секций РСДРП».).

Лозунг гражданской войны служит обобщению и направлению революционных настроений и движений масс против войны, предохраняет массы от одурачивания их бессильной мелкобуржуазной и поповской проповедью мира.

Буржуазный лозунг «мира» переживает своеобразную судьбу. Накануне войны он служил маскировкой подготовки, дипломатическим средством создания наиболее выигрышной позиции для начала этой войны, средством усыпления и успокоения классовой бдительности трудящихся в ходе империалистической войны, он служил рычагам мобилизации народных масс на войну «до победного конца».

Только лозунг гражданской войны и поражения собственного правительства в империалистической войне является боевым знаменем пролетарской партии всякой капиталистической страны.

Бессильным является и лозунг «разоружения», родившийся у социалистов маленьких европейских страде, которые остались в стороне от империалистической «свалки» и «каши» (Швеция, Норвегия, Голландия, Швейцария). Подпочва этого лозунга—отрицание всякой войны. Его прямой результат—отречение от социалистической революции, ибо разоружение требует отказа от применения вооруженного насилия и со стороны рабочего класса.

«Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных па-

цифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса» (Ленин, т. XIX, «О лозунге разоружения»).

Рассматривая практически шаги к превращению империалистической войны в гражданскую, Владимир Ильич постоянно подчеркивает, что успех может быть подготовлен лишь на почве длительной и систематической революционной работы, что речь идет отнюдь не о том, что революцию можно «сразу» начать в ответ на об'явление войны.

Война в ходе своего развития несет революционную ситуацию, революционный кризис, резко усиливая и обостряя все противоречия капитализма, доводя до неслыханных размеров бедствия и мучения масс.

В 1915 г. Владимир Ильич следующим образом характеризует революционную ситуацию:

«Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы, наверное, не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1. Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2. Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3. Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению».

Революционная ситуация, как об этом говорилось в Базельском манифесте, действительно наступила в большинстве передовых стран и великих держав Европы после взрыва мировой империалистической войны, вызвавшей серьезный экономический и политический кризис. «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции?.. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата» («Крах II интернационала»).

Сила позиции большевиков, у которых слово не расходится с делом, заключалась не только в установлении правильного принципиального отношения к империалистической войне. Большевистская партия воплотила свои принципиальные взгляды в широкой боевой программе практических действий.

В резолюции Бернской конференции заграничных секций РСДРП в качестве практических шагов для превращения империалистической войны в гражданскую указывалось следующее:

«1. Безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2. полный разрыв с политикой «национального мира»; 3. создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4, поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5, поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще».

Эти указания сохраняют свое значение в полном об'еме и для наших дней.

Показывая пример пролетарской революционной борьбы во время войны, Ленин и большевики с первых же ее дней боролись за сплочение всех революционных элементов в международном социалистическом движении, против

оппортунизма, создавая в Циммервальде и Кинтале ядро Коммунистического интернационала.

Большевистская партия с первых же дней войны 1914—1918 гг. развернула массовую революционную борьбу против империалистической войны. Депутаты-большевики в Государственной думе бросили мужественный вызов царскому правительству, они показали образец поведения социалистических депутатов, которые, не ограничиваясь парламентской трибуной, спускаются в народные массы и ведут нелегально революционную работу. Большевистские организации в обстановке военного режима и разгула шовинизма сохраняют и руководят систематически всеми проявлениями классовой борьбы во время войны, подготовляя рабочий класс к революции.

Октябрьская революция 1917 г., превратившая империалистическую войну в победоносную гражданскую войну, «открыла новую эпоху всемирной истории» в вопросе об империалистических войнах, который с 1914 г. «стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара» (Ленин, т. XXVII, стр. 27, «К четырехлетию Октябрьской революции»).

Превращение империалистической войны в гражданскую предполагает глубокую, всестороннюю подготовку и решительное осуществление вооруженного восстания рабочего класса.

Учение Ленина о восстании как искусстве, являющееся продолжением и развитием взглядов Маркса и Энгельса, должно быть прочно усвоено всеми коммунистическими партиями, ибо без соблюдения выдвинутых им условий организации и проведения вооруженного восстания оно превращается в опасную игру, чреватую тягчайшими последствиями для пролетариата.

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции*. Это в-третьих» (Ленин, «Марксизм и восстание 1917 года»).

Тактика большевиков от Февраля до Октября в исключительно своеобразных условиях (переход от буржуазно-демократической к социалистической революции, двоевластие—советы и временное буржуазное правительство с участием мелкобуржуазных социалистических министров, широкая волна «добросовестно революционного оборончества» в массах) дает блестящий образец революционной агитации, пропаганды и организации, обеспечивших пролетарский выход из империалистической войны путем социалистического переворота.

«Русская революция февраля—марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала *первый* шаг к прекращению войны. Только *второй* шаг может *обеспечить* прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта»—фронта интересов капитала, и, только прорвав *этот* фронт, пролетариат *может* избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира» (Ленин, т. XX, «Задачи пролетариата в нашей революции»).

Мы до сих пор рассматривали тактику коммунистов в войнах, происходящих между империалистическими государствами. Эта тактика требует существенного дополнения в том случае, если какое-либо империалистическое государство (или военный блок ряда держав) начнет контрреволюционную войну против Советского союза.

Коммунистические партии империалистических стран, не ограничиваясь работой над превращением империалистической войны в гражданскую путем свержения власти собственной буржуазии, должны приложить все

усилия к тому, чтобы поднять войну национальных меньшинств в Европе и в колониальных и полуколониальных странах и организовать национально-освободительные войны против империалистических врагов советской власти (VI конгресс Коминтерна). Их пролетарский долг — не только способствовать поражению собственного правительства, но и активно добиваться победы советской власти и организовать прямую помощь и поддержку Красной армии, не давая себя запугать обвинениями и «в государственной измене».

Примерно тот же круг задач встает перед международным пролетариатом и в его борьбе против империалистической интервенции в колониях и полуколониях, направленной к подавлению национально-революционных восстаний и войн.

Национально-революционные войны эпохи империализма

Эпоха империализма коренным образом изменила постановку национального вопроса и борьбы угнетенных национальностей за свое освобождение.

Одна из главнейших особенностей империализма — вывоз капитала в колонии и полуколонии (что не исключает конечно вывоза капитала и в высоко развитые индустриальные страны). Результатом является развитие капитализма, создание местной промышленности в этих колониях и полуколониях.

Одно из основных свойств империализма заключается в том, что он «ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения» (Ленин, т. XIX, «Военная программа пролетарской революции»).

Колонии от этого, разумеется, не перестают быть колониями. Капиталистическое развитие колоний и полуколоний означает самую беспощадную эксплоатацию их, хищническое выжимание сверхприбыли; однако обратная сторона этого развития заключается **в** появлении рабочего класса, местной интеллигенции, в пробуждении национального сознания, т. е. в зарождении тех сил, которые ведут к разрушению империализма.

«Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения — таковы неизбежные результаты этой «политики». Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и зависимых странах свидетельствует об этом с очевидностью. Это обстоятельство важно для пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции» (Сталин).

Ленинизм не рассматривает национального вопроса и борьбы угнетенных наций за освобождение изолированно от общей борьбы международного пролетариата, как отдельный, самостоятельный вопрос.

Исходя из общего анализа эпохи империализма, большевики подчеркивают, что национальный вопрос может быть «разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» (Сталин, «Об основах ленинизма»).

Преодолев историческую ограниченность II интернационала, для которого круг угнетенных наций замыкается «культурными» европейскими национальностями (германцы, венгры, поляки, финны, сербы), ленинизм превратил национальный вопрос в «мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма» (Сталин).

Освобождение колониальных и зависимых народов, так же как освобождение угнетенных национальностей в Европе, «-самоопределение их» (т. е.

политическая независимость и самостоятельное государственное существование) могут быть завоеваны ими в эпоху империализма только путем восстаний и национальных войн против империализма.

Ставя обсуждение национального вопроса на конкретно-историческую почву, Владимир Ильич в 1916 г. в тезисах о социалистической революции и праве наций на самоопределение различает три типа стран по отношению к самоопределению — передовые капиталистические страны Западной Европы и Соединенные штаты, в которых буржуазно-прогрессивные национальные движения лежат далеко позади и каждая из которых угнетает чужие нации в колониях и внутри страны.

Во-вторых, восток Европы: Австрия, Балканы, особенно Россия. Двадцатый век принес в них обострение буржуазно-демократических национальных движений и национальной борьбы. Особенно важная задача для них — «слияния классовой борьбы рабочих угнетающих и рабочих угнетенных наций».

В-третьих, полуколониальные страны (Китай, Персия, Турция) и все колонии, где буржуазно-демократические движения «частью едва начинаются, частью далеко не закончены».

Коммунисты отстаивают право угнетенных наций на самоопределение вплоть до отделения, ибо самоопределение «есть то же самое, что борьба за полное национальное освобождение, за полную независимость, против аннексий, и от т а к о й борьбы во всякой ее форме вплоть до восстания или до войны—социалисты не могут отказаться, не переставая быть социалистами» (Ленин, т. XIX, «О карикатуре на марксизм»).

Империализм несет с собой неслыханное усиление национального гнета, неизбежно порождая мощные национально-освободительные движения. Подобно тому, как классовая борьба пролетариата против буржуазии в определенные моменты переходит в открытую гражданскую войну, национально-освободительные движения ведут к национальному восстанию и национальным войнам угнетенных народов против империализма.

В период войны 1914—1918 гг. Ленин с исчерпывающей полнотой сформулировал отношение большевиков к самоопределению наций, национальным восстаниям и войнам в эпоху империализма.

II интернационал разрешал все эти вопросы в пользу империализма. Но надо сказать, что в этих вопросах было немало путаницы и среди левых элементов международного социализма (Р. Люксембург, К. Радек), тяготевших к большевизму, а также среди групп большевиков (Бухарин, Пятаков и др.).

Роза Люксембург отрицала самую возможность н а ц и о н а л ь н о й в о й н ы в эпоху империализма, что приводило к отрицанию лозунга защиты отечества не только в империалистической войне, но и в борьбе угнетенных наций против империализма. В тезисах группы «Интернационал» (куда входили Р. Люксембург, Меринг и др.) эта позиция была сформулирована следующим образом:

«В эпоху разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу— империализму».

Эта глубоко ошибочная позиция об'ективно означала разрыв с пролетарским социализмом в одном из коренных вопросов программы и тактики. Она давала пищу оппортунистическому лозунгу «разоружения», обрекая социалистическую партию на равнодушие к борьбе угнетенных наций, подрывая гегемонию международного рабочего класса в великих битвах всех трудящихся против капитала, превращая международную пролетарскую революцию в дело одного европейского социализма.

Ленин и большевики, беспощадно разоблачая эту тягчайшую по своим последствиям уступку оппортунизму, сделали учение о национальных войнах в эпоху империализма одной из главнейших частей всей теории международной пролетарской революции.

В статье «О брошюре Юниуса» (Р. Люксембург), в 1916 г., отмечая, что для Европы превращение империалистической войны в национальную мало вероятно (хотя и не исключено), В. И. писал:

«Не только вероятны, но и неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1.000 миллионов человек, т. е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-оавободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма... даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными» (Ленин, «О брошюре Юниуса», 1916 г.).

В такой войне лозунг «защиты отечества» со стороны угнетенных национальностей есть исторически-прогрессивный лозунг, способствующий организации сил международной коммунистической революции. Полной изменой социализму со стороны пролетарской партии было бы отрицание за угнетенными народами орава на восстание и национальную войну, отказ всемерно поддержать национальное восстание и войны против империализма.

Не ограничиваясь признанием неизбежности и прогрессивности национальных войн в эпоху империализма, Ленин указывает и те условия, которые необходимы для успеха национальных войн в эпоху империализма, выделяя три группы условий (разумеется, они могут переплетаться). Для успеха национальных войн «требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов во взятом нами примере Индии и Китая), либо особо благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр. парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо одновременное восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата» (Ленин, «О брошюре Юниуса»).

Отношение к войнам угнетенных наций, колоний и зависимых стран— один из самых лучших и надежных способов проверки интернационализма на деле. Из этой принципиальной позиции большевизма вытекает и его тактика в национальных войнах.

Коммунисты империалистических стран, ведущих войну против колоний, должны организовать превращение империалистической войны в гражданскую, добиваясь поражения собственного правительства в войне и оказывая широкую помощь восставшим народам колоний или полуколоний.

Долг коммунистов в колониях и полуколониях организовать и возглавить движение широких масс трудящихся против империализма, учитывая конкретно-исторические особенности в положении и соотношении классовых сил внутри данной страны.

Отношение пролетариата к национально-революционным движениям и национальным войнам определяется об'ективно-историческим содержанием и значением этих войн, их местом в борьбе пролетариата против империализма. Они для него не имеют «самодовлеющего» характера; во всех случаях пролетариат подчиняет свое поведение интересам международной пролетарской революции, высшему для него критерию в политической борьбе. Он не выступает во всех случаях и при всяких обстоятельствах за поддержку национальных движений и в то же время не забывает, что революционное значение тех или иных национальных выступлений не всегда связано с наличием в нем пролетарских элементов.

Исторические примеры такого рода движения: борьба афганского эмира против английского империализма, борьба египетских купцов и интеллигенции за независимость Египта.

Гигантское значение для международного социализма имеют национально-революционные движения на Востоке. Продолжая и развивая учение Ленина, т. Сталин разработал основы тактики Коммунистического интернационала в национально-освободительной борьбе народов Востока (речь на собрании студентов КУТВ в 1925 г. «О политических задачах университета народов Востока»).

Своеобразие положения колоний и зависимых стран Востока в настоящий момент состоит в том, что единого всеохватывающего колониального Востока больше не существует. В нем выделяются три группы стран, находящиеся на различном уровне экономического развития и проходящие различные стадии капиталистического развития: совершенно неразвитые в промышленном отношении и не имеющие своего рабочего класса (например Марокко), малоразвитые в (промышленном отношении страны (например Китай, Египет), более или менее капиталистически развитые страны (например Индия).

Это различие и должно быть положено в основу тактики коммунистических партий, которая не может быть во всех случаях одинаковой.

В первой группе стран, где национальная буржуазия еще не испытывает страха перед своим могильщиком, «задача коммунистических элементов состоит в том, чтобы принять все меры к созданию единого национального фронта против империализма. Выделение коммунистических элементов в единую партию может происходить в таких странах лишь в ходе борьбы с империализмом, особенно после победоносной революционной войны против империализма».

«В странах, вроде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, ...коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии» (Сталин), создавая в этом блоке необходимые условия для гегемонии рабочего класса.

В еще большей степени это верно для такой страны, как Индия, где к тому времени (1925 г.) соглашательская часть буржуазии в основном уже сговорилась с империализмом (чего в 1925 г. еще не было в Китае).

Обстановка жизни и условия развития угнетенных народов колоний и зависимых стран показывают, что двойной гнет (гнет империализма и туземной буржуазии), к которому нередко прибавляется гнет феодализма, неизбежно вызывает могучие массовые народные движения и восстания против империализма, за свободу и независимость.

Ленинизм учит, что «1) добиться освобождения колониальных и зависимых стран от империализма невозможно без победоносной революции; даром независимость не получишь.

2) Двигать вперед революцию и завоевать полную независимость капиталистически-развитых колоний и зависимых стран невозможно без изоляции соглашательской национальной буржуазии, без высвобождения мелкобуржуазных революционных масс из-под влияния этой буржуазии, без проведения гегемонии пролетариата, без организации передовых элементов рабочего класса в самостоятельную коммунистическую партию.

3) Добиться прочной победы в колониях и зависимых странах невозможно без реальной смычки между освободительным движением этих стран и пролетарским движением передовых стран Запада».

Все послевоенное развитие целиком и полностью подтвердило теоретические соображения Ленина и Сталина о национальных войнах в эпоху

империализма и тактике, которую должны вести коммунисты империалистических стран и коммунистические элементы угнетенных наций в колониях и зависимых странах.

Первой и крупнейшей исторической проверкой была Октябрьская революция 1917 г. Величайший источник ее сил заключался в соединении гражданской войны рабочего класса против буржуазии с восстаниями ранее угнетенных народностей против национального гнета. Национальное движение приобрело могучую опору в диктатуре пролетариата; для последней оно составляло могучий резерв в борьбе с контрреволюцией и международным империализмом.

Октябрьская революция, будучи воплощением подлинного интернационализма, разбила цепи национально-колониального гнета.

«Именно потому, что национально-колониальная революция произошла у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы-парии, народы-рабы впервые в истории человечества поднялись до положения народов действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира.

Это значит, что Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху колониальных революций, проводимых в угнетенных странах мира в союзе с пролетариатом, под. руководством пролетариата» (Сталин, «Вопросы ленинизма»).

Восстание риффов против империалистического гнета в испанском Марокко (1921—1926 гг.) показало, какую громадную силу таит в себе в современную эпоху национальное восстание против империализма даже в маленькой стране. Война между Афганистаном и Великобританией в 1919 г. доказала, что нельзя успешно бороться за политическую независимость без организации революционной войны против империализма.

Борьба за национальную независимость разделенной и разграбленной Антантой по Севрскому договору Турции показала, какое огромное, поистине решающее значение для национально-освободительного движения имеет существование в географической близости первой страны пролетарской диктатуры, раскол в лагере империализма, обнаруживая вместе с тем, что при отсутствии рабочего класса к мощного аграрного движения плоды победы национального восстания внутри страны целиком и полностью достаются буржуазии.

«Кемалистская революция возможна лишь в таких странах, как Турция, Персия, Афганистан, где нет или почти нет промышленного пролетариата и где не имеется могучей аграрно-крестьянской революции. Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своем дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самих возможностей аграрной революции» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 573).

Наиболее поучительным является ход и развитие национально-революционной борьбы в Китае.

В течение 1919—1925 гг. в Китае происходит пробуждение массового национального движения, во главе которого стоит буржуазия. Пролетариат проявляет себя стачками (гонконгская и др.). 1925—1927 гг. ознаменованы мощным под'емом национально-революционного движения. Шанхайские события 1925 г. уже показали, что рабочий класс вырос в огромную политическую силу. В 1926 г. развернулся Северный поход против китайских милитаристов, поднявший к активной политической жизни широкие массы крестьянства. Во время Северного похода на китайскую компартию ложится исключительно ответственная задача.

Тов. Сталин в 1927 г., оценивая перспективы китайской революции, после анализа классовых сил и борющихся тенденций внутри национального движения, писал:

«Отсюда два пути развития китайских событий. Либо национальная буржуазия разобьет пролетариат, вступит в сделку с империализмом и вместе с ним пойдет в поход против революции для того, чтобы кончить ее установлением господства капитализма. Либо пролетариат ототрет в сторону национальную буржуазию, упрочит свою гегемонию и поведет за собой миллионные массы трудящихся в городе и в деревне для того, чтобы преодолеть сопротивление национальной буржуазии, добиться полной победы буржуазно-демократической революции и перевести ее потом на рельсы социалистической революции со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Руководство китайской компартии оказалось не на высоте исторических задач. Китайская революция потерпела временное поражение.

Но уже кантонское восстание, создавшее советскую форму движения, ознаменовало начало нового этапа.

Начиная с 1928 г., могучее национально-революционное движение в Китае развивается под руководством рабочего класса, смело взявшего на себя задачу уничтожения империалистического гнета и проведения аграрной революции. Советское движение в Китае в силу этого стало непобедимым.

Установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства при руководящей роли коммунистической партии, создание красной армии, организация народной войны против империализма привели к разгрому всех предпринимавшихся до сих пор попыток раздавить советское движение в Китае.

В советском Китае воплотилось предвидение т. Сталина, еще в 1926 г. сказавшего:

«Я думаю, что будущая революционная власть в Китае будет напоминать по своему характеру такую власть, о которой у нас говорилось в 1905 году, т. е. диктатуру пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу. Это будет власть переходная к некапиталистическому или, точнее, социалистическому развитию Китая» («Об оппозиции», стр. 429, изд. 1928 г.).

О войнах пролетарского государства

Учение Ленина и Сталина о войнах пролетарского государства теснейшим образом связано с их теорией международной социалистической революции, с законом неравномерности капиталистического развития, неизбежно ведущего к победе социализма сначала в немногих или даже в одной отдельно взятой стране. При этом «победоносная диктатура пролетариата на некоторый период оказывается в капиталистическом окружении».

Еще в 1915 г. Владимир Ильич в статье «О лозунге соединенных штатов Европы» писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататореккх классов и их государств» (т. XVIII, стр. 232—233).

Установление диктатуры пролетариата в результате победоносной гражданской войны рабочего класса неминуемо сопровождается удесятерением сопротивления свергнутой буржуазии, которая организует заговоры, восстания, террористические вылазки против победившего социализма. А в силу того, что пролетарская революция прорывает фронт интересов мирового капитала (ибо империализм представляет собой мировую систему господства капитала), победа пролетариата в одной стране неизбежно вызывает «прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетарского социалистического государства» (Ленин, «Военная программа пролетарской революций»).

Завоевание власти рабочим классом ставит в порядок дня прежде всего беспощадное подавление сопротивления гибнущих капиталистических классов вплоть до вооруженного разгрома всех контрреволюционных попыток буржуазии и, во-вторых, организацию вооруженных сил революции для того, чтобы противостоять контрреволюционным попыткам империализма задушить неокрепшую, молодую социалистическую власть.

Гражданская война, которую ведет пролетариат до завоевания власти, так же как и войны победившего пролетарского государства, глубоко революционна. Это вытекает из всемирно-исторической освободительной роли рабочего класса, которую он как руководитель всех трудящихся непосредственно осуществляет в эпоху краха капиталистической системы.

Пролетариат — единственный класс, который в современную эпоху выражает интересы движения человечества вперед. Войны пролетариата по существу своему революционны. Не изменяя себе, своим классовым задачам, своему историческому призванию, пролетариат может вести только революционно-освободительные войны. Войны рабочего класса против империалистической буржуазии, не преследуя никаких захватнических целей, являются самыми справедливыми из всех войн, какие знает история.

Гражданская война пролетариата против буржуазии до захвата власти вырастает как неизбежный продукт жесточайшего обострения классовых противоречий в эпоху империализма (в особенности в кризисные, переломные моменты исторического развития, как например мировая война 1914—1918 гг.). Главные условия победоносной гражданской войны гениально выражены Владимиром Ильичом в его учении о революционной ситуации и об искусстве пролетарского восстания.

Утверждение диктатуры пролетариата коренным образом изменяет положение рабочего класса, он становится отныне господствующим классом с тем принципиальным отличием от всех прежних классов, стоявших у власти, что он не стремится увековечить свое господство, что конечной целью его является уничтожение классов.

Завоевавший власть рабочий класс приобретает свое социалистическое отечество, которое является вместе с тем и отечеством трудящихся всего мира.

С этого момента рабочий класс и его руководитель—коммунистическая партия—становятся «оборонцами», самыми пламенными поборниками защиты отечества, неутомимыми организаторами вооруженных сил пролетарской революции для разгрома сопротивления свергнутой буржуазии, для отражения атак со стороны контрреволюционного мирового империализма. При определенных исторических условиях пролетариат не отказывается и от революционной 'наступательной войны.

Революционные войны пролетарского государства глубоко прогрессивны, ибо они ведут к избавлению человечества от капиталистического рабства. «Мы, марксисты,— писал Владимир Ильич в 1915 г.,— всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас — сначала хотя бы дипломатически—своих Бисмарков, мы будем за наступательную, революционную войну с ними» (Ленин, «Крах II интернационала»).

Но «пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить международный империализм, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, не принимать боя..., выжидать, пока схватка империалистов между собою еще более ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» (Ленин, т. XXII, стр. 506).

Разумеется, Советский союз не может уже считаться отсталой страной. В результате первой пятилетки мы построили фундамент социализма, создали собственную базу для реконструкции всего хозяйства страны. СССР обладает мощной индустрией, которая Б случае необходимости снабдит нашу Красную армию (всеми современными средствами обороны. Обороноспособность Страны советов выросла колоссально, и любая атака империалистов будет отбита трудящимися нашей страны.

Но политика СССР—это политика мира. Пусть социал-фашистские шавки по заказу своих хозяев поднимают лай о «красном империализме», им не удастся обмануть трудящихся.

Советский союз доказал на деле свою твердо проводимую политику мира. Он доказал это прежде всего организацией братского сотрудничества всех народов, живущих на территории б. Российской империи и находившихся ранее в непрерывной и острой национальной вражде, разжигавшейся царизмом. Он доказал это своей международной политикой, в которой добился огромных побед. В беседе с корреспондентом «Нью-Йорк таймс», г-ном Дюранти, т. Сталин дал основные положения советской внешней политики:

«Если речь идет об отношениях между САСШ и СССР,—сказал т. Сталин,—то, конечно, я доволен возобновлением отношений, как актом громадного значения: политически—потому что это подымает шансы сохранения мира; экономически—'потому что это отсекает привходящие элементы и дает возможность нашим странам обсудить интересующие их вопросы на деловой почве; наконец, это открывает дорогу для взаимной кооперации».

И далее:

«Мы хотели бы иметь хорошие отношения с Японией, но, к сожалению, это зависит не только от нас. Если в Японии возьмет верх благоразумная политика, обе наши страны могут жить в дружбе. Но мы опасаемся, что воинствующие элементы могут оттеснить на задний план благоразумную политику. В этом действительная опасность, и мы вынуждены готовиться к ней. Ни один народ не может уважать свое правительство, если оно видит опасность нападения и не готовится к самозащите. Мне кажется, что со стороны Японии будет неразумным, если она нападет на СССР. Ее экономическое положение не особенно хорошо, у нее есть слабые места—Корея, Манчжурия, Китай, и затем едва ли можно рассчитывать, что она получит поддержку в этой авантюре от других государств. К сожалению, хорошие военные специалисты не всегда хорошие экономисты, и не всегда они различают между силой оружия и силой законов экономики».

Наконец о Лиге наций:

«Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций—или, может быть, именно поэтому,— говорит т. Сталин,— Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира,—то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки».

Победившая пролетарская диктатура с величайшей энергией организует вооруженную оборону революции, коммунистическая партия становится, по выражению Ленина, «самой военной партией». Однако было бы совершенно неправильным вне времени и пространства при всяких обстоятельствах автоматически и механически считать революционную войну против империализма единственным принципом тактики пролетариата, завоевавшего власть в одной стране.

При всей кажущейся «революционности» этот принцип в известной исторической обстановке неминуемо ведет к поражению победившего социализма, а с ним и к тягчайшему поражению мирового коммунизма.

Практическое применение этого принципа означало бы троцкистское отрицание ленинской теории пролетарской революции и возможности победы социализма в одной стране. Верно, что диктатура пролетариата на другой же день после своей победы вступает в непримиримое противоречие с империа-

лизмом, верно, что социализм не может избежать вооруженной схватки с империализмом, но неправильно и вредно думать, будто победившая пролетарская революция должна либо немедленно посредством революционной войны покончить с господством буржуазии во всем мире, либо она обречена на поражение.

Исторический опыт победоносной Октябрьской революции блестяще подтвердил, с одной стороны, основные принципы ленинского учения о революционных войнах пролетарского государства; с другой стороны, он показал историческую роль революционной войны в процессе борьбы пролетарского государства за новое, социалистическое общество, соотношение между революционными войнами и политикой мира, между революционными войнами и строительством социализма и т. д.

Победившая в октябре 1917 г. пролетарская революция после короткого «триумфального шествия» столкнулась с вооруженным до зубов германским империализмом, и с исключительной остротой встал практически вопрос о революционной войне. Эта практическая его постановка показала глубочайшие принципиальные различия в самом понимании ближайших задач и перспектив русской революции между «левыми коммунистами» (Бухарин, Осинский и др.) и Троцким, с одной стороны, и партией во главе с Лениным— с другой.

По сути дела «левые коммунисты» не понимали ни хода развития международной социалистической революции, ни природы революционной войны, ни наконец нового положения рабочего класса, ставшего у власти, ибо «левые» были против победы социализма в одной стране.

В боях с «левыми коммунистами» партия развила и конкретизировала постановку вопроса о революционных войнах пролетарского государства.

В статье «Тяжелый, но необходимый урок», посвященной анализу недели (с 18/5 по 24/11 февраля 1918 г.), которая «войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской и международной революции», Владимир Ильич писал:

«Три вывода сделает сознательный, думающий рабочий из этого исторического урока: о нашем отношении к защите отечества, к обороноспособности страны, к революционной, социалистической, войне; об условиях нашего столкновения с мировым империализмом; о правильной постановке вопроса о наших отношениях к международному социалистическому движению.

Мы — оборонцы, теперь с 7 ноября (25 октября) 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали на деле наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые империалистские договоры-заговоры. Мы свергли свою буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся нами народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России».

Но как раз в силу этих обстоятельств Ленин требовал серьезного подхода к боевой подготовке страны.

Именно с точки зрения защиты социалистического отечества, которая является подлинно интернационалистским принципом, ибо нет более высокой обязанности для интернационалиста, чем защита всеми средствами победившей пролетарской революции, диктатуры пролетариата — этой в боях завоеванной крепости международного коммунизма.

Владимир Ильич настаивал на заключении Брестского мира, исходя из сохранения во что бы то ни стало советской власти, так как «большего несчастья для дела социализма теперь, чем крушение советской власти в России, нет и быть не может». В этой позиции сказалась гениальная прозорливость Владимира Ильича, его изумительное понимание современной эпохи и законов ее развития. Рекомендуя партии тактику отступления, лавирования и выжидания, Ленин с колоссальной настойчивостью выдвинул перед ней и рабочим классом задачу подготовки сил для революционной войны.

«Россия,—писал он,—идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти» (Ленин, т. XXII, стр. 303, «Странное и чудовищное»).

VII с'езд партии формулировал следующим образом программу подготовки революционной войны:

«Исторически неизбежны в настоящий период качавшейся эры 'социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как Запада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных отношений, может в каждый, самый близкий момент даже в несколько дней привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Республики в особенности.

Поэтому С'езд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти С'езд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для раз'яснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и в особенно критические моменты жизни народа, наконец, для всестороннего систематического всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям».

Гражданская война победоносной пролетарской диктатуры была подлинно народной войной, которую вели сами трудящиеся массы под руководством большевистской партии. Бои Красной армии переплетались с могучим партизанским движением в тылу у белых и империалистических армий, с восстаниями угнетенных народностей против буржуазно-помещичьей контрреволюции, с классовой борьбой пролетариата в областях, захваченных контрреволюцией. Рабочий класс вышел победителем из вооруженных столкновений с объединенными силами империалистической реакции, несмотря на огромное военное и техническое превосходство последней.

Ни колоссальные богатства, ни совершенство военной техники, ни военное искусство империалистических полководцев не могли сломить железной воли трудящихся, их стремления к выходу из капиталистического рабства. Что дало победу рабочим и крестьянам в этих героических битвах против свергнутой буржуазии и мирового империализма?

Во-первых, и это самое решающее и главное, победу обеспечило твердое руководство и выдержанная пролетарская политика большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным, разбившей наголову мелкобуржуазные соглашательские партии эсеров, меньшевиков и героев революционной фразы—анархистов, победу обеспечило ленинское стратегическое руководство вооруженной борьбой.

Война не только продолжает иными средствами политику тех или иных классов. Политика пролетарской партии — могучий рычаг организации победоносной революционной войны, и опыт гражданской войны в России блестяще подтверждает это.

Во-вторых, победу обеспечило создание Красной армад, беззаветный героизм миллионных масс трудящихся, готовность их вынести во имя революции тягчайшие жертвы и лишения. Рабочие и трудящиеся крестьяне вели эту войну за свои интересы, за свои фабрики, заводы, за землю, свободу, за рабоче-крестьянскую власть; Страна советов имела такой прочный тыл, какого не может иметь ни одно капиталистическое государство.

Организатором и руководителем всех трудящихся был рабочий класс, Прошедший суровую школу трех революций, вырвавший страну из грабительской, империалистской войны.

В-третьих, победе способствовала широкая могучая поддержка советской власти международным пролетариатом, сочувствие нашей борьбе угнетенных всех стран. В интервенционистских армиях немцев, англичан, французов происходили такие нарушения военной империалистической дисциплины, что посылать эти армии против революции становилось по меньшей мере крайне рискованным.

Четвертой предпосылкой было умелое использование советской властью в течение всего периода гражданской войны противоречий внутри империалистического лагеря. Освободительная революционная война рабочего класса закончилась в конце 1920 г. очищением территории Советского союза от белогвардейских и империалистических полчищ.

Позиция Владимира Ильича и нашей партии во время Бреста дает ответ и на вопрос о соотношении между революционной войной и миром.

Владимир Ильич внимательнейшим образом анализирует ряд исторических примеров (войны Пруссии против Наполеона, Тильзитский мир, войны Великой французской революции), вскрывает особенности положения пролетарской революции и ее коренное отличие от революции буржуазной.

Владимир Ильич рассматривал Брестский мир как передышку, необходимую не только для непосредственной организации вооруженных сил («эпоха войн учит нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собирания сил для новых битв»), но и для укрепления пролетарской диктатуры в целом, для налаживания новых организационных, социалистических отношений.

Владимир Ильич подчеркивал глубокое принципиальное различие между буржуазной и пролетарской революцией.

«Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача—смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые неслыханной трудности задачи—организационные» (т. XXII, стр. 315).

Пролетарская революция опирается на беззаветную поддержку советской власти народными массами. Трудящиеся должны вести революционную войну как свое близкое, кровное дело, Чем глубже трудящиеся массы овладевают завоеваниями революции, чем полнее, если так можно выразиться, «осваивают» их, тем выше обороноспособность пролетарской диктатуры. «Левые» коммунисты частенько ссылались на пример революционных войн буржуазной Франции, забывая, что «чудо», порожденное французской революцией, было обусловлено тем, что «могучая революционная армия явилась надстройкой над экономической основой нового, высшего способа производства».

«Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран—вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области» (Ленин, «О революционной фразе», т. XXII, стр. 263).

Ничего подобного в Советской России во время Брестского мира не было. Новый, социалистический порядок едва лишь начал складываться на предприятиях, крестьянин, измученный войной, избавленный революцией от помещичьей кабалы, не начал еще жить по-новому, работая на себя.

Надо было «ловить» каждый час, каждый день передышки, ибо она умножала силы и ресурсы пролетарской власти, способствовала скорейшему созиданию железного, революционного порядка внутри страны, подготовляла пе-

реход народных масс (и в особенности крестьянства) к новой, освободительной революционной войне.

Ленинская теория передышки, его учение о соотношении между революционной войной и мирным социалистическим строительством имеют громадное значение для понимания всей политики нашей партии. Революционная война и мирное строительство социализма не являются противоположностью. Это различные формы классовой политики и классовой борьбы пролетариата за социализм. Успешная революционная война расширяет и укрепляет плацдарм социалистического строительства. Успешное строительство социализма подготовляет в экономическом, политическом и военном отношении победу рабочего класса в революционной войне.

Политика мира пролетарского государства и революционная война точно так же не образуют противоположности. Это различные формы классовой политики победившего пролетариата. Политика мира Советского союза столь же революционна и необходима, как и вооруженная оборона советской власти против империализма. Только соединение того и другого, только правильный учет внутренней и международной обстановки дают правильную тактическую линию коммунистических партий по отношению к войне.

Весь героический путь вооруженной борьбы Октябрьской революции против царских генералов, чехо-словаков, белогвардейской Польши, блока 14 империалистических держав, успехи политики мира и победоносное строительство социализма в СССР явились огромной исторической проверкой учения Ленина и Сталина о революционных войнах пролетарского государства, учения о соотношении между революционной войной, политикой мира и строительством социализма.

Десятилетний путь, пройденный партией и рабочим классом без Ленина, показал, что наша партия высоко держит знамя ленинизма; она воплотила великое учение Ленина—Сталина в гигантских завоеваниях социализма, в колоссальном укреплении международной мощи Советского союза.

Теснейшая связь между строительством социализма и укреплением обороноспособности страны (т. е. подготовкой успешной революционной войны пролетарского государства против империализма) с исключительной яркостью обнаружилась за последние годы, когда наша партия, руководимая т. Сталиным, гениальным продолжателем дела Ленина и самым выдающимся теоретиком революционного марксизма нашей эпохи, осуществила всемирно-историческую задачу построения фундамента социалистической экономики, создала из старой, отсталой, полуколониальной России могучую индустриальную страну, подняла на небывалую высоту обороноспособность пролетарского государства, обеспечила решающую роль Советского союза во всей мировой политике.

Собственная тяжелая индустрия, рост материального благосостояния рабочего класса, разгром кулачества, победа колхозного строя в деревне, борьба за большевистские колхозы и превращение всех колхозников в зажиточные, мощный под'ем социалистической активности и рост культуры миллионных масс рабочих и колхозников, растущая активность всех слоев советской интеллигенции, наша могучая Красная армия, оснащенная передовой техникой,—вот несокрушимый источник обороноспособности и непобедимости Советского союза. В этом заложен колоссальный запас хозяйственных, политических и военных возможностей для победоносной революционной войны.

В случае империалистической интервенции в пределы Советского союза эти возможности будут превращены в действительность. Тому порукой ленинский ЦК нашей партии во главе с т. Сталиным, в совершенстве владеющий искусством руководства не только мирным строительством социализма, но и революционной войной против империализма.

Успехи партии на фронте индустриализации и технической реконструкции СССР

М. Рубинштейн

Социалистическая революция победила впервые в технически и экономически отсталой аграрной стране. Это не было случайностью, не было своеобразным историческим парадоксом. Наряду с другими историческими условиями из всей ленинской теории империализма, из закона неравномерности капиталистического развития неизбежно вытекал тот вывод, что в грозных потрясениях «эпохи войн и революций» наиболее слабым звеном империалистической цепи окажется как раз отсталая царская Россия, и именно на этом слабейшем звене порвалась в 1917 г. империалистическая цепь.

И вот, оглядываясь на истекшее со дня смерти Ленина десятилетие, в первую очередь на его наиболее яркий участок—период первой пятилетки, мы сидим, что самым основным, самым решающим за это время был небывалый в истории человечества по размаху и по темпам процесс индустриализации Советского союза и технической реконструкции производства.

Со всей остротой встала после революции задача индустриализации, задача догнать и перегнать передовую технику капитализма. Ленин еще до Октябрьской революции четко сформулировал эту задачу. Он писал:

> «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.
>
> Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономическ и...
>
> Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей».

После революции Ленин неоднократно возвращался к этому вопросу, со всей силой подчеркивая значение индустриализации и перестройки народного хозяйства на основе наиболее передовой современной техники.

В 1918 г. Ленин подчеркивает, что «под'ем производительности труда требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности». Он пишет, неоднократно возвращаясь, о том, что советская республика обладает гигантскими запасами руды, топлива, леса, водных сил, сырья для химической промышленности и «разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»[1].

Он ставит задачу—«ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной индустрии», так как единственно возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист. Эта крупная машинная индустрия должна быть построена на наиболее передовой современной технике. Как подчеркивает Ленин, мы должны соединить «последнее слово науки и капиталистической техники с массовым об'единением сознательных

[1] Ленин, т. XXII, стр. 453.

работников, творящих крупное социалистическое производство», Этим последним словом науки и техники является электричество, электрификация всей страны. Отсюда вытекает сложившаяся еще задолго до революции ленинская теория электрификации, отсюда его лозунг «Коммунизм—есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Первым ярким воплощением ленинского плана индустриализации и технической реконструкции Советского союза на основе наиболее передовой техники—электрификации—был план Гоэлро.

Ленин назвал план электрификации «второй программой партии большевиков». И вопреки всем трудностям Советский союз полностью выполнил этот план в кратчайший из намеченных сроков. План первой пятилетки был непосредственным продолжением и развитием плана Гоэлро. Тов. Сталин после смерти Ильича твердо и уверенно ведет партию и рабочий класс по ленинскому пути, по пути индустриализации и перестройки на новой технической основе промышленности, а затем и других отраслей народного хозяйства.

В политическом отчете ЦК XIV с'езду партии (в 1925 г.) т. Сталин подчеркивал, что «основное в промышленности состоит в том, что она уже подошла к пределу довоенных норм, что дальнейшие шага в промышленности означают развертывание ее на новой технической базе, т. е. новое переоборудование, новое строительство заводов. Это дело очень трудное. Перешагнуть через этот порог, перейти от политики максимального использования всего того, что было у нас в промышленности, к политике построения новой промышленности на новой технической базе, на базе нового строительства заводов, переход через этот порог требует больших капиталов».

Резолюция XIV с'езда четко ставит задачу—«обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства...». XV с'езд воплотил эту линию в директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. XVI партконференция утвердила уже конкретный пятилетний план.

Основная задача первой пятилетки состояла в том, чтобы «перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой—на рельсы новой, современной техники», в том, «чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство—на базе социализма», чтобы «создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне» (Сталин, Итоги первой пятилетки). Основным звеном для осуществления этих задач была индустриализация страны, в первую очередь восстановление и развитие тяжелой индустрии на новой технической основе.

«Пересесть с обнищалой мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии,—вот какую цель преследовала партия, вырабатывая пятилетний план и добиваясь его осуществления» (Сталин, Итоги первой пятилетки).

Несмотря на ряд неблагоприятных условий и трудностей, к концу 1932 г., т. е. за 4 1/4 года, пятилетний план, принятый V с'ездом советов в его оптимальном варианте, был полностью выполнен. Советский союз из отсталой аграрной страны превратился в мощное индустриальное государство. Процент промышленной продукции вырос с 48 в начале пятилетки (1928 г.) до 70 к концу 1932 г. Удельный вес СССР в мировой промышленности вырос за тот же период с 4,7 до 14,9. В то время как промышленная продукция капиталистического мира снизилась по сравнению с 1928 г. на 33 проц. (а Сое-

диненных штатов на 43 проц.), продукция промышленности СССР выросла более чем вдвое, а по сравнению с 1913 г. более чем втрое (334 проц.).

По структуре своего народного хозяйства (удельному весу промышленности и производства средств производства) СССР вплотную приблизился к передовым индустриальным странам.

На основе коллективизации из страны мелкокрестьянского хозяйства Советский союз превратился в страну самого крупного сельского хозяйства в мире, вооруженного мощным парком тракторов и с.-х. машин.

«Из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне».

Разработка и выполнение первого пятилетнего плана, основной задачей которого была индустриализация страны, развитие производства, средств производства, также проходили в острейшей борьбе на два фронта: против троцкистов, отрицавших возможность построения социализма в одной стране и вовлечения основных масс крестьянства в социалистическое строительство, стремившихся превратить СССР в колониальный придаток мирового хозяйства; в борьбе против правых, не признававших, что индустриализация является ключом социалистического преобразования всего народного хозяйства, пытавшихся заменить пятилетку двухлеткой, отчаянно боровшихся за снижение темпов строительства, отодвигание индустриализации, против социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Первая пятилетка была заполнена небывалым в истории человечества по размаху и темпам строительством, была началом подлинной «эпохи великих работ».

Основной капитал промышленности, составлявший к началу 1925 г. 31/2 млрд. руб., а к началу 1928 г.—51/2 млрд. руб., к концу 1932 г. достиг 14 1/2 млрд. руб. Обновление основных фондов к началу 1932 г. по всей промышленности равнялось 57,5 проц. (из них гр. А—68,5 проц., гр. Б—29,9 проц.). По электростанциям обновление составило 82 проц., по нефтяной промышленности 82,6 проц., основной химии 81 проц., с.-х. машиностроению 79 проц., угольной промышленности 76 проц., электротехнической 65,2 проц. Ряд отраслей производства—автотракторная, авиационная промышленность, станкостроение, производство синтетического каучука и др. —создан в СССР впервые за годы первой пятилетки. Так как новый основной капитал создавался на основе наиболее передовой современной техники, то уже эти цифры показывают всю глубину технической реконструкции производства, свидетельствуют о процессе подлинной технической революции. Ярким показателем является также громадная степень концентрации промышленности, значительно превзошедшая передовые капиталистические страны. Предприятия, имеющие более 1 тыс. рабочих, составляют 10 проц. всех предприятий, и на них занято 2/3 всех промышленных рабочих. В Соединенных штатах (до кризиса) подобные предприятия составляли около 4 проц. и занимали лишь около 1/3 рабочих; в Германии соответственно 2 проц. таких предприятий, и занято «а них менее 1/3 промышленных рабочих.

Тот факт, что Советский союз стал страной самой концентрированной промышленности в мире, означает, как это отмечал т. Сталин, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей, самой передовой техники. Это обеспечивает громадный рост производительности труда, обеспечивает невиданный темп накопления. То же самое и в еще большей степени относится к сельскому хозяйству.

Электрификация промышленности с 50 проц. в 1928 г. достигла 71,2 проц. в 1932 г., энерговооруженность труда выросла за пятилетку на 113 проц., что составляет 2,8 л. с. на одного рабочего (в Англии—2,5 л. с, в Германии—2,8 л. с). Значительное развитие получили специализация, кооперирование и комбинирование предприятий.

Достижения технической реконструкции разных отраслей производства особенно показательны в основных, важнейших направлениях технического развития—в машинизации народного хозяйства, т. е. развитии машиностроительной базы; в электрификации, химизации, механизации наиболее трудоемких отраслей.

Машиностроение

Как подчеркнул на январском пленуме т. Сталин, «основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной—машиностроением».

Крупнейшей победой индустриализации в первой пятилетке является создание в СССР мощной, технически передовой машиностроительной промышленности как базы для завершения реконструкции всего народного хозяйства.

О периоде индустриальной революции капитализма Маркс писал, что «все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока ее характерное средство производства—сама машина была обязана своим существованием индивидуальной силе, индивидуальному искусству...»[1]. «...Крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самою машиной, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адэкватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги»[2].

Для эпохи социалистической индустриализации это положение Маркса приобретает новый смысл и значение. Только овладев производством наиболее совершенных средств производства, можно подвести прочную базу под развитие индустриализации всех отраслей народного хозяйства. Это положение неустанно развивалось и подчеркивалось Лениным, а затем т. Сталиным. Тов. Сталин еще в 1926 г. подчеркивал, что «индустриализация должна пониматься прежде всего как развитие у нас тяжелой промышленности и особенно как развитие нашего собственного машиностроения, этого основного нерва индустрии вообще. Без этого нечего и говорить об обеспечении экономической самостоятельности нашей страны».

Десять лет работы партии после смерти Ленина, и особенно период первой пятилетки, коренным образом изменили все лицо нашей машиностроительной промышленности, создали ряд новых производств. Построены сотни новых и целиком реконструированных предприятий, оборудованных по последнему слову американской и европейской техники, а в отдельных случаях превосходящих по техническому уровню соответственные капиталистические предприятия. Пятилетний план продукции по машиностроению был выполнен в 3 года, и в 1932 г. задание пятилетки было уже перевыполнено на 57 проц. Продукция машиностроения по сравнению с довоенной выросла в 10 раз, а за 4 года пятилетки еще в 4 раза. Резко выросла доля СССР в мировом машиностроении (с 4 проц. в 1928 г. до 21,4 проц. к началу 1932 г.), причем СССР занял в этом отношении второе место после САСШ. Станочный парк машиностроительной промышленности после революции обновлен на две трети, причем главным образом наиболее современными и совершенными станками. В начале пятилетки это обновление шло главным образом путем импорта, но уже в 1931 г. удельный вес станков советского производства со-

---

[1] «Капитал», т. I, стр. 289, изд. 8-е

[2] Там же, стр. 291.

ставил 60 проц., а во всем машиноснабжении импорт снизился до 15 проц. Характерным показателем развития советского машиностроения является громадная концентрация предприятий, далеко превосходящая все капиталистические страны.

Все большее значение в нашем машиностроении приобретают предприятия массового и крупносерийного производства, давшие в 1932 г. около 75 проц. всей продукции (предприятия с законченным массово-поточным производством—35 проц.).

Уже эти общие показатели дают представление о тех громадных качественных сдвигах, которые позволили в первой пятилетке создать производство тысяч новых типов машин.

Как отметил т. Каганович, «наше преимущество заключается в том, что те заводы (за границей.—*М. Р.)* построены значительно раньше, чем у нас; у них есть машины, которые морально износились, их надо заменять новыми, но они не заменяют, а мы берем последние достижения техники... Опыт у них гораздо больший, чем у нас, но в техническом отношении такие заводы, как Харьковский тракторный завод, Сталинградский тракторный завод, Автомобильный завод им. Сталина, Нижегородский, Магнитострой, Днепрострой, «Шарикоподшипник» и т. д., построенные по последнему слову техники, стоят значительно выше аналогичных заводов в Европе и Америке»[1].

За первую пятилетку в СССР создано тяжелое машиностроение, обслуживающее металлургию, горнорудную и др. отрасли производства. Яркое представление о его развитии дают заканчиваемые в первом году второй пятилетки гиганты—Уралмаш и Краматорский. Каждый из них по мощности равен знаменитым заводам Круппа, а по оборудованию механических и кузнечных цехов стоит даже выше. Эти «заводы заводов» смогут выпускать ежегодно полный комплект сложнейшего оборудования для 10 домен, 40 мартенов, 24 прокатных станов, соответствующего производства кокса, добычи руды и т. д., т. е. создавать 2 металлургических завода, равных Кузнецкому.

Автотракторная промышленность, являющаяся ярким воплощением массового производства со всеми его особенностями оборудования и организации, полностью создана в первой пятилетке, когда были выстроены и пущены Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, полностью реконструирован Автозавод им. Сталина в Москве, выстроены автозавод в Горьком, завод тяжелых грузовиков в Ярославле, величайший в мире завод шарикоподшипников в Москве и широко развернуто законченное уже в 1933 г. строительство завода мощных гусеничных тракторов в Челябинске. Производство тракторов, составлявшее в 1927 г. лишь 870 шт., в 1932 г. достигло 50 тыс., и в этой области СССР вышел на первое место в мире.

Громадное развитие получило в первой пятилетке сельскохозяйственное машиностроение, продукция которого выросла в 51/2 раз. Это развитие сопровождалось громадной концентрацией производства на мощных новых или полностью реконструированных старых предприятиях. 48 заводов с.-х. машиностроения давали в 1932 г. в 16 раз больше продукции, чем 722 предприятия дореволюционной России. Только 4 новых завода: величайшее в мире предприятие с.-х. машиностроения—Ростсельмаш, Саратовский и Запорожский заводы комбайнов и Гомельский завод по своей производственной мощности впятеро превышают все 700 предприятий 1913 г. Ряд заводов, как например «Красная звезда» в Зиновьевске, «Серп и молот» в Харькове и др., настолько реконструированы и расширены, что являются

[1] Л. Каганович, Доклад на III московской областной конференции ВКП(б).

по существу совершенно новыми мощными предприятиями. Характерным показателем глубокого изменения всего характера сельхозмашиностроения является изменение типа сельхозмашин. В 1928 г. подавляющая часть машин была приспособлена для обслуживания мелких индивидуальных хозяйств. Тракторный инвентарь составлял лишь 5,7 проц. В 1932 г. он составил уже более 80 проц. Только за 2 последних года было освоено производство 130 новых марок машин, в числе которых имеются сложнейшие сельскохозяйственные машины для механизации технических культур и др.

Производственная мощность заводов, выпускающих такие сложные сельскохозяйственные машины, как комбайны, эти «корабли пшеничных равнин», достигла 40 тыс. шт. в год, что превышает максимальный выпуск Соединенных штатов в 1929 г. (37 тыс.). Тракторостроение и сельхозмашиностроение СССР стали мощным орудием подлинной технической резолюции сельского хозяйства, на основе коллективизации преображая укоренившиеся столетиями методы производства.

Ведущим звеном самого машиностроения СССР, обеспечивающим его развитие на собственной основе, является производство металлообрабатывающих станков.

Производственная база станкостроения создана почти целиком в период первой пятилетки. Выстроены Московский завод револьверных станков, Горьковский завод фрезерных станков, начато строительство завода сверлильных станков, коренным образом реконструированы «Красный пролетарий» в Москве и завод им. Свердлова в Ленинграде. На этих и ряде других предприятий освоено производство 40 типо-размеров металлообрабатывающих станков. Впервые создана мощная инструментальная промышленность (заводы «Калибр» и «Фрезер» принадлежат к числу крупнейших и наилучше оборудованных соответствующих предприятий во всем мире). Абразивный завод в Челябинске дает основу для снабжения шлифовальных станков соответствующими материалами. Станколит обеспечивает станкостроение литьем. Общая продукция станков за первую пятилетку составила около 50 тыс., увеличиваясь неуклонно с каждым годом. Отстающее звено в станкостроении—это конструкторская работа. Во втором пятилетии станкостроение СССР ставит грандиозную задачу—освоить более 200 новых типов и размеров станков, в том числе сложнейших автоматов и полуавтоматов для автотракторной промышленности и других отраслей производства.

Транспортное машиностроение освоило производство мощных советских паровозов (товарных серии «ФД» и пассажирских серии «ИС»), саморазгружающихся вагонов, магистральных и промышленных электровозов. Испытания советских электровозов на Сурамском перевале показали, что они не уступают электровозам «Дженераль электрик». В 1933 г. закончена постройка громадного паровозостроительного завода в Луганске, рассчитанного на выпуск 1.080 мощных паровозов «ФД» в год. Начата постройка мощного вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле на 64 тыс. большегрузных вагонов, постройка паровозных заводов в Кузнецке, Орске и Новочеркасске, электровозного завода в Кашире.

Значительное (хотя еще далеко недостаточное) развитие получило в первой пятилетке судостроение. За 4 года выстроено 86 коммерческих судов общей емкостью около 200 тыс. т., тогда как до революции за 12 лет было выстроено 9 морских судов общей емкостью в 19 тыс. т.

Мы не останавливаемся на ряде других отраслей машиностроения, созданных за период первой пятилетки, например на производстве машин для угольной и торфяной промышленности, производстве под'емно-транспортного оборудования, имеющего громадное значение для механизации, на развитии химического машиностроения и крайне важного производства насосов и компрессоров, на производстве машин для текстильной, бумажной, полиграфи-

ческой, пищевой и ряда других отраслей промышленности. Таким образом в исключительно короткий срок, в основном за годы первой пятилетки, Советский союз создал мощную машиностроительную промышленность, являющуюся базой для завершения реконструкции всего народного хозяйства на основе передовой современной техники. За короткий срок мы научились строить крупнейшие машиностроительные заводы-гиганты, не уступающие лучшим предприятиям мира, а иногда и превосходящие их. Нет такой сложной машины, которую мы в настоящее время не могли бы сконструировать и производить собственными силами и из собственных материалов. Осваивая лучшие образцы заграничных машин, мы разрешаем на важнейшем стратегическом участке задачу догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны. В то же время мы строим новую технику социализма, основанную на полной электрификации производственных процессов, максимальной автоматизации и широком внедрении химических методов.

Так партия осуществляет лозунг Ленина о подведении базы крупной машинной индустрии под все отрасли народного хозяйства.

Электрификация

Уже в первой пятилетке электрификация стала согласно учению Ленина важнейшим элементом технической реконструкции Советского союза. Еще во время гражданской войны Ленин говорил о народном хозяйстве, что мы его не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически было бы дико,—нужно найти новое основание. Таким новым основанием шляется план электрификации. В результате первой пятилетки это новое основание создано. Глубина технических сдвигов в этой области позволяет говорить о полном перевороте, о создании совершенно новой, не только количественно, но и качественно, электроэнергетической базы. Вместо мелких, распыленных установок созданы крупные районные электростанции, оборудованные по последнему слову американской и европейской техники. Мощность электрических станций и производство электрической энергии развивались темпами, значительно опережающими все основные отрасли хозяйства. До войны (в 1913 г.) мощность электрических станций составляла 1 млн. квт., в 1928 г.—1,6 млн. квт., а в 1932 г.—4,6 млн. квт., т. е. выросла в 41/2 раза по сравнению с довоенной. Выработка электрической энергии составляла в 1913 г. 2 млрд. квтч., в 1928 г.—5 млрд. квтч., а в 1932 г.—13,5 млрд. квтч., т.е. выросла в 7 раз. Если же взять районные станции, воплощающие наиболее передовые тенденции технического развития в области электрификации, то они показывают рост мощности в 17 раз и рост выработки в 19 раз. СССР передвинулся в мировой выработке электроэнергии с 11-го места, которое он занимал в 1922 г., на 4-е место в 1932 г. и на 3-е место в 1933 г.

Этот количественный рост сопровождался крупнейшими качественными техническими сдвигами. Средняя мощность районной электростанции, составлявшая в 1928 г. 32 тыс. квт., в 1932 г. достигла 67 тыс. квт., причем за первую пятилетку введен в действие ряд мощных станций (на 150—200 тыс. квт. и выше), в том числе величайшая в мире гидроэлектростанция—Днепрогэс. Характерным показателем преимуществ планового хозяйства является среднегодовое число часов использования электростанций. Оно составляет (точнее составляло до кризиса) в Англии 1.800 час., в Германии 2.470 час., в Соединенных штатах 3.100 час, а в СССР в 1931 г. 3.920 час, в 1932 г. 3.500 час. Таким образом каждый киловатт мощности дает на электростанциях СССР в 11/2—2 раза больше энергии, чем в передовых капиталистических странах.

Концентрацией электростанций и установкой технически совершенного оборудования СССР добился в первой пятилетке значительного сокращения удельного расхода топлива на 1 квтч. В этом отношении мы догнали лучшие показатели капиталистических стран (в Англии—0,92 кг., в Соединенных штатах — 0,72, в СССР — 0,72 кг. усл. топлива).

Резко изменился топливный баланс наших электрических станций. В 1913 г. он строился целиком на дальнепривозном топливе (60 проц. нефти и 40 проц. угля). В 1932 г. нефть составляла лишь 17 проц., дальнепривозный уголь—13 проц., а 70 проц. топлива давали местные энергетические ресурсы (31 проц.—местный уголь и отходы, 22 проц.—торф и 9 проц.—водная энергия).

Значительное развитие получила у нас теплофикация, т. е. комбинированное получение электричества и тепла в виде пара или горячей воды для промышленного и бытового потребления. Общая мощность районных теплоэлектроцентралей, не считая ряда фабрично-заводских, выросла с нуля в 1928 г. до 128 тыс. квт. в 1932 г. и 219 тыс. квт. в 1933 г. Теплофикация помимо ряда других преимуществ позволяет в 2—3 раза повысить к. п. д. станций и резко уменьшить громадные затраты топлива и транспорта на отопление жилищ. За границей в условиях капиталистической конкуренции теплофикация не может получить сколько-нибудь широкого развития, ибо ее рост тормозится невозможностью планового снабжения потребителей электричеством и теплом, рационального размещения предприятий и другими барьерами частной собственности. В лучшем случае теплофикация сводится там к созданию центральных отопительных станций. Так, в центре Нью-Йорка на берегу Ист-Ривер расположены 2 крупнейших в мире станции — электрическая компания Эдиссона и центральная отопительная Кипс-Бэй, снабжающая паром и горячей водой небоскребы нижнего города. Из-за монополистических ограничений станция Эдиссона не имеет права продавать пар и поэтому спускает в реку почти половину тепла, получаемого в ее котельных. В свою очередь станция Кипс-Бэй не имеет права продавать электрический ток, и поэтому летом, когда потребление пара резко сокращается, эта станция почти бездействует. Совершенейшее оборудование обеих станций используется в крайне незначительном размере, не соответствующем возможностям современной техники в области использования пара высоких давлений. В противоположность этому СССР имеет возможность планомерно развивать теплофикацию, исходя из энергетического баланса целых районов, соответственно размещать наиболее теплоемкие предприятия, полностью использовать все технические и экономические преимущества комбинированного получения электричества и тепла. Немудрено, что СССР в настоящее время занял в области теплофикации первое место в мире, а во второй пятилетке эта отрасль получит еще больший размах.

Громадное развитие электрификации потребовало еще большего роста электрического машиностроения, которое в довоенной России существовало лишь в виде жалких зародышей, главным образом в виде сборочных мастерских иностранных электротехнических фирм. Причем надо сказать, что эти фирмы большей частью сознательно тормозили развитие соответствующих производств. Выросший в течение первой пятилетки ряд мощных предприятий (Электрозавод и завод им. Лепсе в Москве, «Электросила», завод им. Сталина, «Электроаппарат», «Электрик» и др. в Ленинграде, ХЭМЗ и турбогенераторный завод в Харькове) по числу рабочих, оборудованию и методам производства не уступает мировым гигантам электротехнической промышленности. Производство электрических машин увеличилось более чем в 15 раз. Приведем несколько примеров изменения типов выпускаемой продукции. В 1927 г. «Электросила» выпустила первый советский гидрогенератор для Волховской станции мощностью в 8.750 квт.

В 1932 г. тот же завод выпустил величайший в мире гидрогенератор для Днепрогэса в 62 тыс. квт., причем в его конструкцию внесены отдельные усовершенствования (например бесшумный ход), выгодно отличающие его от генераторов «Дженераль электрик».

В 1924 г. был выпущен первый советский турбогенератор в 500 квт.; в 1928 г.—турбогенератор в 10 тыс. квт. В 1932 г. выпущено их 8 по 50 тыс. квт. и десятки менее мощных (общая мощность в 1 млн. квт.). В настоящее время заканчиваются чертежи турбогенераторов в 100 тыс. квт. Широкое использование сварных конструкций дало значительную экономию в весе. Ряд научно-исследовательских работ обеспечивает возможность увеличения числа оборотов, использования алюминиевой обмотки, оксидной изоляции и многих других усовершенствований.

Выпуск трансформаторов начался в Советском союзе (на Электрозаводе) лишь с 1928 г. В 1932 г. общая его мощность достигла 3 млн. квт., причем завод производит мощные трансформаторы в 115 квт. Советская электропромышленность освоила в первой пятилетке (правда, в еще недостаточном количестве) производство ртутных выпрямителей, масляных выключателей и других видов высоковольтной аппаратуры. В электрофизическом институте инж. Ситниковым разработана конструкция ионного преобразователя, имеющая громадные перспективы в высоковольтной технике.

В области оборудования для использования электрического тока первая пятилетка дала громадный рост производства нормальных электромоторов. Начато производство специальных электромоторов, положено начало осуществлению сложнейшего комплекса электрооборудования для прокатных станов (особенно для блюмингов), производству электропечей (в частности новых типов высокочастотных печей, разработанных нашими научно-исследовательскими институтами), производству контактной пусковой аппаратуры, реле и т. д. По производству электросварочных машин Советский союз вышел на первое место в мире в результате сооружения мощного завода «Электрик» с производственной способностью в 10 тыс. свар. постов в год.

Электрификация производственных процессов в промышленности, составлявшая в 1913 г. менее 40 проц., а в 1928 г. 50 проц., в 1932 г. составила 71,2 проц., превзойдя таким образом уровень европейских стран и почти достигнув уровня Соединенных штатов (73 проц.). Электровооруженность труда (квтч. на раб. час) выросла с 0,75 в 1928 г. до 1,86 квтч. в 1932 г., т. е. более чем вдвое, а с 1926 г.— втрое.

В ряде отраслей промышленности (нефтяная, автотракторная, электротехническая и др.) двигательный привод электрифицирован почти полностью и на этой основе осуществлена коренная реконструкция производственных процессов. Значительное распространение получил одиночный, индивидуальный и многомоторный электропривод, что создает основу для наиболее совершенной конструкции машин и станков, внедрения автоматизации производства, правильной организации непрерывного потока и улучшения условий труда. Советская промышленность освоила такие сложнейшие виды электрооборудования, как электропривод для блюмингов, доменных и шахтных под'емников, врубовых машин, специальных электродвигателей текстильной промышленности (в частности электроцентрофуг для производства искусственного волокна) и т. д. В то же время значительно отстает производство аппаратуры (полуавтоматической и автоматической) для пуска электродвигателей и управления ими. Отстает еще организация совместной конструкторской работы электропромышленности и машиностроения, необходимой для широкого внедрения наиболее совершенных видов электропривода и соответствующей реконструкции рабочих машин.

Громадное развитие получило в СССР использование электричества для термических процессов. Мощность электротермических установок выросла

после резолюции более чем в 10 раз. Электропечей, насчитывавшихся до революции единицами, в 1933 г. стало более 300, причем помимо электрометаллургии (производства электростали и ферросплавов) электропечи получили применение в производстве карбидкальция, абразивных материалов, алюминия, фосфора, термической обработки металлоизделий и мн. др. Созданы советские типы наиболее совершенных печей высокой частоты,

За последние годы значительно развилось производство советских типов сверхтвердых сплавов (победит, сталинит, смена, сергонит и др.), обеспечивающих глубокие сдвиги и громадное ускорение производственных процессов в обработке металлов, бурении, горном деле и ряде других технологических процессов. За последние годы началось широкое развитие электрохимии. Освоено производство хлора и ряда его производных, алюминия, в опытном масштабе — магния и его сплавов. Развиваются промышленная гальванотехника, электрохимическая борьба с коррозией металлов, производство электрических элементов и аккумуляторов.

Громадные успехи достигнуты в области внедрения электросварки, совершенно преображающей ряд производственных процессов обработки металлов. По числу наличных сварочных машин (около 38 тыс.) Советский союз к концу 1933 г, обогнал Соединенные штаты (около 25 тыс. машин).

Сварка внедрилась почти во все отрасли промышленности, находит широкое применение в ремонте (на транспорте и в сельском хозяйстве), при прокладке трубопроводов, в строительстве и т. д,

В 1933 г. проделана большая работа в области электрификации транспорта. Наряду с электрификацией пригородных линий вступили в эксплоатацию первые участки магистральных ж. д. — Сурамский участок в Закавказьи и Кизеловская ветка на Урале. Началась опытная разработка советских изобретений в области электрического сверхскоростного транспорта совершенно новых типов — электрошаропоезд Ярмольчука и аэропоезд Вальднера. На ж.д. транспорте внедряются автоблокировка, новые методы электросвязи и диспетчерского управления. В Москве развернуто строительство метрополитена; пущены первые советские троллейбусы.

Наконец впервые в 1933 в. производятся, главным образом на Украине, в районе Днепрогэса, значительные работы в области электрификации сельского хозяйства (особенно внедрение электромолотьбы, развитие опытной электропахоты, электрифицированных парников, использование электричества в животноводческих хозяйствах, электрическое освещение в деревне и т. д.).

Так партия выполняет завет Ленина о широком использовании электрической энергии в производственных, процессах, чтобы возродить народное хозяйство «на современной, по последнему слову науки построенной основе».

Химизация

Развитие химической промышленности, а также внедрение химических методов и процессов во все без исключения отрасли хозяйства является в настоящее время одним из важнейших направлений технической реконструкции.

Современная крупная химическая промышленность полностью создана в это десятилетие, главным образом за годы первой пятилетки и в 1933 г.

Отметим лишь несколько наиболее важных отраслей, в первую очередь химические удобрения для сельского хозяйства—азот, фосфор и калий, В дореволюционной России азотной промышленности не существовало. Мы начали строить азотную промышленность в 1927 г. буквально на пустом месте. К началу второй пятилетки были закончены Чернореченский и Березниковский заводы синтеза аммиака, а в 1933 г. пущены Бобриковский и Горловский заводы, по своей мощности и оборудованию находящиеся в первых рядах мировой азотной промышленности. К концу 1933 г. первые очереди

этих предприятий полностью освоили, а частью даже перекрыли проектную мощность. На предприятиях и в научно-исследовательских институтах накоплен громадный опыт различных методов связывания атмосферного азота, получения водорода из коксовых газов и из полуводяного газа путем использования углей, бурых углей, сланцев, торфа, естественных газов; проделана большая работа в смысле проектирования комбинатов, подготовки кадров, научных исследований и т. д.

По производству фосфорных удобрений мы по существу также не получили почти никакого наследства. Достаточно отметить, что производство суперфосфата в 1913 г. составляло 62 тыс. т., а в 1932 г.— 612 тыс.т., т. е. выросло в 10 раз.

Выстроен ряд новых заводов, производящих суперфосфат и преципитат, (Невский, Воскресенский, Чернореченский, Пермский, Константиновский, Одесский и Винницкий), строится амофосный завод. Разведанный фонд фосфорного сырья (пр. А) вырос в 20 раз. И в этой области СССР выдвинулся на одно из первых мест в мире.

Разработаны и испытаны новые методы электротермической возгонки фосфора, методы производства концентрированных и сложных удобрений.

Исследование и разработка неисчерпаемых минеральных богатств Хибиногорского района и колоссальных ресурсов ценного фосфорного сырья обеспечивают громадный сложный комплекс разнообразнейшие химических производств,

Калиевое удобрение совершенно ново для СССР, 10 лет назад были известны и разрабатывались залежи калийных солей только в Германии и Эльзасе. Европейский калийный синдикат обладал полной мировой монополией, широко используя ее для невероятного взвинчивания цен, сознательно сокращая продукцию и разрушая производственный аппарат.

В первой пятилетке мы начали разрабатывать открытые незадолго перед тем в районе Соликамска колоссальные залежи калийных солей, во много раз превосходящие все известные мировые запасы. После исключительно трудной проходки шахт новыми методами (замораживания, глинизации и др.) к концу пятилетки первый советский калий начал поступать на колхозные и совхозные поля. Помимо удобрений для технических культур калийные залежи дают возможность получать ряд ценнейших химических продуктов (бертолетова соль, поташ, бром, магний и др.).

Важнейшим химическим продуктом, необходимым для производства удобрений, а также для ряда других отраслей химической, нефтяной и пр. промышленности, является серная кислота. До войны продукция серной кислоты в России была в 10 раз меньше германской. За годы пятилетки она выросла более чем вдвое, а по сравнению с 1913 г.—на 450 проц. Технически производство серной кислоты резко обновлено, и дореволюционный основной капитал составляет лишь 15—20 проц.

Разработаны советские методы интенсификации башенных и камерных систем, позволившие в отдельных случаях (например на Щелковском заводе) достичь показателей, которых не знают за границей.

Произведена громадная работа над изучением возможностей использования новых сырьевых ресурсов и комбинированного производства серной кислоты с цветной металлургией.

В результате резко изменился баланс сырья для производства серной кислоты: рядовой колчедан, составлявший еще в начале первой пятилетки почти 100 проц., в 1933 г. снизился до 60 проц., флотационные хвосты, т. е. остатки обогащения медных и полиметаллических руд, выросли до 30 проц., 7 проц. заняли углистые колчеданы, раньше поступавшие в отвал, и началось использование обжиговых газов цветной металлургии, прежде (а в Америке и до

сих пор) полностью выпускавшихся в воздух и отравлявших всю растительность вокруг завода.

Значительно развилось в первой пятилетке химическое использование угля и других видов твердого топлива. Коксовая промышленность реконструирована почти полностью, и более 80 проц. кокса получается теперь из новых печей, выстроенных после революции, значительно более мощных и быстроходных, чем старые. Самое главное, новые печи, как правило, приспособлены к использованию побочных продуктов, и таким образом коксовая промышленность помимо обслуживания металлургии дает исходные полупродукты для производства красок, фармацевтических препаратов, пластических масс, растворителей и ряда др. продуктов.

Анилиновые краски до революции производились несколькими кустарными фабриками, носившими громкие названия германских фирм, но производившими лишь смешение и упаковку импортных продуктов. Производство полупродуктов и научно-исследовательскую работу эти фирмы сознательно глушили. В настоящее время анилокрасочная промышленность обладает рядом крупных предприятий с широким ассортиментом продукции, что позволило полностью отказаться от импорта анилиновой продукции. Однако качество наших красителей еще недостаточно удовлетворительное, и основной задачей ближайших лет помимо освоения производства сложных видов красителей (особенно индантреновых) является достижение качества, которое нисколько не уступало бы заграничному.

Большие научно-исследовательские и экспериментальные работы проведены в первой пятилетке в области изучения полукоксования и гидрогенизации топлива. Эти работы создали возможность приступить к постройке в Кеммерово и Черемхово двух опытных заводов для получения жидкого топлива из сибирских сапропелитов и др. видов углей. Исследовательские институты разработали также методы химического использования сланцев, торфа, нефти и естественных газов с получением ряда разнообразнейших продуктов.

В производстве пластических масс большая исследовательская работа позволила освоить на 4 предприятиях производство ряда продуктов и начать проектирование мощного комбината пластических масс во Владимире. Громадная экономия цветных и черных металлов, которую дает использование пластических масс в промышленности, открывает этому молодому производству большое будущее.

Значительное развитие получило в первой пятилетке химическое использование целлюлозы. Оно позволит использовать громадные отходы древесины (из которых в настоящее время 60—80 проц. остается в лесу или на лесопильных заводах), хлопкового линтера, соломы и др. сельскохозяйственных отходов.

Еще несколько лет назад виднейшие специалисты утверждали, что мы не сможем освоить производство искусственного волокна. Однако в настоящее время мы имеем 4 крупных фабрики (в Мытищах, Ленинграде, Могилеве и Клину), производящие вискозный шолк. Начато строительство громадного Пермского завода, разработаны новые методы, ускоряющие и совершенствующие производство.

Большим достижением первой пятилетки является постановка производства синтетического каучука. В 1931 г. т. Сталин сказал: «У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год—два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении'». Покойный Эдиссон крайне скептически относился к производившимся у нас опытам. Единственный прецедент — германский опыт производства синтетического каучука во время войны — оказался неудачным и очень скоро был оставлен. Благодаря энергии группы советских исследовательских работников под руководством академика Лебедева проблема получения каучука из спирта была разрешена

В настоящее время уже работают заводы в Ярославле, Воронеже и Ефремове, строится завод в Казани, разработан ряд новых методов получения каучука из нефти, ацетилена и других исходных продуктов, исследуются возможности использования громадного количества побочных продуктов, остающихся при производстве синтетического каучука. В то же время найден ряд растительных каучуконосов (хондрилла, тау-сагыз, крым-сагыз и др.), которые уже разводятся в совхозах многих районов страны.

Произведены интереснейшие исследования по получению сахара и спирта из древесных отходов. Заканчивается строительство опытных заводов в Архангельске, Череповце и Ленинграде.

Это производство также дает ряд ценных отходов и возможностей комбинирования.

Электрохимические производства — молодая, но многообещающая и крайне интересная отрасль техники,—до резолюции в России совершенно отсутствовали. В период первой пятилетки было создано производство алюминия, представлявшее громадные трудности вследствие низкого качества имеющегося у нас сырья (бокситов) и необходимости установить специальные, сложные методы его переработки. Наши научно-исследовательские институты разработали методы получения окиси алюминия из разных видов сырья (тихвинские бокситы, нефелины, каолины, зола и пр.), причем большинство этих методов основано на комплексной переработке сырья, комбинировании с рядом др. производств. В первой пятилетке пущей алюминиевый завод на Волхове, в 1933 г.—электролизный завод Днепрокомбината, начинается строительство мощного алюминиевого завода на Урале.

Из других электрохимических производств отметим производство кальция-карбида, опытный завод по получению магния и его сплавов, производство хлора, ряд работ в области борьбы с коррозией металлов путем электрического покрытия металлических поверхностей, производство аккумуляторов. Отметим также ряд научно-исследовательских работ, открывающих пути к получению многих химических продуктов более простыми и автоматическими методами.

Громадного развития достигла химическая наука в период первой пятилетки. До резолюции в России был ряд крупных химиков, но их открытия использовались большей частью за границей, ибо отсутствие химических институтов и химической промышленности не давало возможности практически применить эти открытия в России. В настоящее время СССР имеет громадную сеть химических институтов—теоретических и прикладных, а в некоторых областях химии (особенно физической химии) мы вышли на одно из первых мест в мире. Осенью 1932 г. в Харькове происходил Менделеевский с'езд, собравший несколько тысяч химиков; с'езд дал картину грандиозной работы, проводящейся в лабораториях, институтах и на предприятиях Советского союза. Из бесчисленных работ укажем успешные опыты по использованию кислорода для интенсификации разнообразнейших химических и термических процессов (производство чугуна, стали, серной кислоты, соды и пр.), опыты подземной газификации угля (согласно предложению Менделеева и Рамзея), открывающие путь к сокращению подземных работ, и т. д.

Химизация не ограничивается химической промышленностью. Мы планомерно внедряем химические методы во все отрасли хозяйства. Химическая наука преображает старые, застывшие отрасли производства—пищевую, кожевенную, текстильную, стройматериалов и др., постепенно ликвидирует самое понятие «отходов» и «отбросов», обеспечивает полное комплексное использование природных ресурсов, новые возможности рационального комбинирования производств и таким образом громадное повышение производительности общественного труда.

Механизация трудоемких работ

Одним из важнейших направлений технической реконструкции в период первой пятилетки стала механизация наиболее трудоемких работ. Вступление СССР в период социализма и ликвидация безработицы по-новому поставили эту проблему. Царская Россия, несмотря на наличие отдельных островков передовой для того времени техники, была страной, где всюду преобладал физический, мускульный труд в самых примитивных его формах, страной бурлаков и «Дубинушки», на мужицких костях строившей питерские дворцы, железные дороги, заводы и шахты. Остатки крепостничества в деревне и вызванное ими аграрное перенаселение создавали такие безграничные резервы дешевой рабочей силы, что русский капитализм не думал даже о простейшей механизации трудоемких работ, особенно вне промышленности.

Ленин уделял вопросам механизации громадное внимание. Например на IX всероссийском с'езде советов Ленин особенно подчеркнул вопросы механизации торфа — единственную в то время (1921 г.) область, где мы перешагнули довоенную норму. Он отметил, что «в области торфа у нас богатства необ'ятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас в том отношении, что эта работа, вообще тяжелая, страшно тяжела была именно в России». Он сообщил о первых успехах аппаратов для гидравлического добывания торфа, избавляющих «рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа»,

В другом месте Ленин указывает на значение механизации дорожного строительства: «Два инженера говорили мне, что в Америке делают дороги машиной, которая превращает проселок в шоссе только силой своего давления. Как бы это важно было для нашей бездорожной полудикой страны». И он негодует, что «научно-технический отдел ВСНХ и его многочисленные заграничные бездельники» не обеспечили своевременного ознакомления с достижениями американской техники и ввоза соответствующих образцов новейших машин. Следуя учению Ленина, т. Сталин со всей силой подчеркивает необходимость механизации тяжелых процессов труда как той новой для нас и решающей силы, «без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства».

С полной ликвидацией безработицы упор на механизацию трудоемких работ стал одной из важнейших экономических задач, так как иначе невозможно было бы обеспечить громадные темпы строительства, добычи топлива, руды и т. д. В начале 1931 г. ЦИК принял ряд решений о максимальной механизации добычи угля, торфа, руды, лесоразработок, строительных, погрузочно-разгрузочных работ и т. д. За последние годы механизация развертывается быстрыми темпами, причем в отличие от условий современного капитализма она не выбрасывает из производства миллионы безработных, а освобождает работника от тяжелого и непроизводительного физического труда, дает мощный толчок росту производительных сил, улучшает положение трудящихся, служит сильнейшим фактором культурного развития в самых глухих уголках страны. Остановимся на итогах первой пятилетки в наиболее трудоемкой и тяжелой отрасли — добыче топлива.

Добыча угля требует значительного количества рабочих и характеризуется тяжелыми условиями труда под землей. До революции угольная промышленность обладала исключительно отсталой, по существу полумануфактурной техникой. Основными орудиями труда были обушок и лопата. После революции добыча угля значительно выросла (1913 г.—29 млн. т., 1928 г.— 32 млн. т., 1932 г.— 64 млн, т., 1933 г. — 76 млн. т.). Наряду с развитием Донбасса вступили в строй новые бассейны на востоке страны— Кузбасс и Караганда. Коренным образом изменилась техническая база угольной промышленности. Исчезли мелкие шахты, справедливо называвшиеся мышеловками. Исчезли абсолютное господство ручного труда и каторжные

его условия, сезонный труд обнищавших крестьян. До революция в Донбассе было 42 врубовых машины, причем их введение носило характер барско-купеческой забавы отдельных предпринимателей.

В 1928—29 г. около 550 тяжелых врубовых машин и 95 легких работали в наших шахтах, В 1933 г. число тяжелых врубовых машин достигло 1.470. Число отбойных молотков выросло с 71 в 1928 г. до 7.370 в 1933 г.; конвейеров стало 95 в 1928 г. и 1.250 в 1931 г. Угольная промышленность получила сотни электровозов (в Донбассе—183), погрузочных машин и других механизмов. Этому техническому перевооружению соответствовал стремительный рост механизации добычи. В Донбассе механизация зарубки выросла с 2 проц. в 1925 г. и 19 проц. в 1927-—28 г. до 71,9 проц. в 1932 г. и 76 проц, в 1933 г. По Союзу механизация зарубки увеличилась с 15,7 проц. в начале пятилетки до 63,6 проц. в 1932 г.

Наряду с громадным развитием механизации зарубки и доставки механизация откатки составила в Донбассе в 1932 г. лишь 15 проц.; нагрузка (навалка) остается в 1933 г. почти немеханизированной. Важнейшей задачей является механизация этих отстающих звеньев, максимальное приближение к полной комплексной механизации всех процессов—от забоя до погрузки в вагоны, создание своего рода непрерывного потока добычи и транспорта угля. Для разрешения этой задачи усиленно разрабатывается проект так называемого угольного комбайна и уже исиытывается ряд ценных советских изобретений, широко внедряются облегчающие непрерывный поток методы Карташева, Кассаурова, Липгарда и др.

Громадный размах и значение получили в угольной промышленности изотовское движение и другие новые формы соцсоревнования, массового повышения квалификации, инструктажа и т. д.

Месячная производительность врубовой машины (2.200 т.) у нас сравнялась с наиболее эффективными германскими показателями. Производительность забойщика в Донбассе составляет 3,8 т. в день, что превышает производительность забойщика в Руре (около 3 т.). В то же время производительность одного угольного рабочего в Донбассе а начале 1933 г. была вдвое ниже, чем в Руре (0,66 т. против 1,48 т.). Здесь, как в фокусе, сказываются «детские болезни» освоения механизации: огромное увеличение и обновление рабочего состава, текучесть, плохая организация производства и труда, отсутствие необходимых навыков в работе с механизмами, традиции ручной работы, неналаженность ремонта, канцелярско-бюрократические методы руководства. Эти недочеты с большевистской прямотой и резкостью указывались в постановлении ЦК и Совнаркома о работе угольной промышленности. Перестройка управления, переброска инженерно-технических работников в шахты и забои, усиленная подготовка кадров и ряд других мер обеспечат в ближайшее время возможность полностью выявить и использовать результаты глубочайшей технической реконструкции, произведенной в добыче угля.

Новая страна

В самом разгаре гражданской войны, в середине 1918 г., один из наиболее умных представителей русского капитализма, проф. В. Гриневецкий, написал книгу о «послевоенных перспективах русской промышленности», В чуть завуалированной форме этот профессор дает программу хозяйственной политики русской буржуазии в случае победы интервенции, своего рода «план» на 10—12 лет.

Гриневецкий ярко характеризует экономическую и техническую отсталость русского капитализма. Приводя цифры продукции чугуна за 1900—1913 гг., он замечает: «Резко бросается в глаза задержанность роста России в отношении выплавки чугуна (рост всего на 60 проц. за 13 лет) сравни-

тельно с развитием в этом отношении Германии и Соединенных штатов, давших за тот же период прирост в 156 и 121 проц. Это сравнение красноречиво говорит о том, что Россия в своем довоенном промышленном росте не столько догоняла более молодые страны, сколько от них отставала». Далее Гриневецкий описывает, как чахлое русское машиностроение все более отступало перед иностранным капиталом и техникой, теряя одну позицию за другой. Единственный выход из тупика, единственный просвет он видит в «приходе варягов», в привлечении 15—20 млрд. зол. руб. иностранного капитала, которому нужно обеспечить возможность неограниченной эксплоатации. Но, по его мнению, даже при этих условиях пределом роста являются «полная экономическая беззащитность России и свободные двери для всякого или почти всякого иностранного ввоза». Поэтому, обещая с помощью этих 15—20 млрд. за 10—12 лет восстановить русскую промышленность до довоенного уровня, Гриневецкий в то же время пророчил «неизбежную экономическую депрессию центра и Петрограда» и «сохранение катастрофического сокращения рынка промышленно-технического потребления», т. е. производства средств производства.

Таков был 10-летний «план» русской и иностранной буржуазии—план превращения страны в колонию мирового финансового капитала.

Уже много лет спустя «ученые» американские экономисты Моультон и Пазвольский подробно доказывали в специальной книге, что для восстановления хозяйства России до довоенного уровня потребуется не менее 20 лет, и то лишь при условии, если иностранный капитал окажет громадную «поддержку». Без этой поддержки, писали они, «говорить о восстановлении бессмысленно».

Советский союз прошел мимо мрачных воплей Гриневецких и всех их российских и иностранных вдохновителей. Партия наметила программу социалистической индустриализации, которая казалась тогда даже наиболее умным врагам какой-то фантасмагорией. Как только закончилась гражданская война, программа индустриализации облекается в конкретные формы сначала плана Гоэлро, затем первой пятилетки, в лозунг т. Сталина об овладении техникой.

Прошло 10 лет, только 10 лет после смерти Ильича, и, подводя итоги, мы можем с новым значением повторить слова Ленина по поводу насмешек над скромными 12 тыс. квт. нашей тогдашней электрификации: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним».

На всем необ'ягном протяжении СССР—от Мурманска до Батума и от Минска до Владивостока—идет небывалая стройка, с каждым годом все более преображающая лицо страны, меняющая самую ее географию.

Приведем лишь несколько характерных примеров.

На Кольском полуострове, в ледяной тундре, за Полярным кругом, где ночь длится почти полгода, вырос новый город—Хибиногорск; взрываются вековые,- нетронутые горные породы, гудит построенная по последнему слову техники обогатительная фабрика. На основе апатито-нефелиновых пород растет сложнейший химический комбинат, дающий полное комплексное использование природных ресурсов; строится первая заполярная гидростанция на реке Ниве; подготовляется строительство алюминиевого комбината в Кандалакше, электрифицируется железная дорога Кандалакша—Мурманск.

Леса и озера Карелии прорезал Беломорско-Балтийский канал с его циклопическими сооружениями. Беломорско-Балтийский комбинат преобразит этот край озер и лесов. На Ухте и Печоре развертывается добыча нефти и угля. Механизируется лесная промышленность Севера. В Архангельске строится опытный завод по извлечению из древесины спирта, углеводов и других продуктов, использующих отбросы лесопилок. Наряду с этим Северный край становится областью образцового животноводства.

Город Ленина встретит XVII с'езд партии десятками новых производств, новых машин, воплощающих глубочайшую техническую реконструкцию производства. Мощные турбины и котлы высокого давления завода им. Сталина, генераторы и моторы «Электросилы», электросварочные агрегаты завода «Электрик», производственная способность которого превосходит все аналогичные заводы мира, автоматические телефонные установки «Красной зари», кабели для небывалых в Европе напряжений, вырабатываемых заводом «Севкабель», сложнейшие электронные приборы «Светланы», блюминги и трубопрокатные станы Ижоры, пластмассы Охтенского завода, алюминий Волховского комбината, теплоходы, автоматические ткацкие станки, точнейшие оптические приборы — это перечисление можно продолжать без конца. Все большее значение получают десятки мощных научно-исследовательских институтов Ленинграда, опытные заводы, втузы — величайшие сгустки производственной мощи и научно-технической мысли.

Густым кольцом электростанций, заводов и фабрик обрастает Москва, до революции купеческая, белокаменная «столица» с фабричными сараями прохоровских и иных «мануфактур». Мощные трансформаторы, электролампы, автотракторное оборудование электрозаводского комбината, специальные моторы завода им. Лепсе, сталинские грузовики, шарикоподшипники завода им. Кагановича, воплощающего новейшие тенденции массового производства, аэропланы и электровозы, велосипеды и счетные машины, мощная теплоэлектроцентраль Теплотехнического института с турбинами на 130 атм., Дербеневский и Дорогомиловский химические заводы, овладевшие сложнейшим производством анилиновых красителей, составлявшим до войны монопольную гордость германской химии,— и здесь этот список занял бы много страниц. И здесь — многие десятки новых исследовательских институтов, где шаг за шагом вскрываются тайны природы и ставятся на службу растущего социализма.

А прежде глухие провинциальные уголки вокруг красной столицы: Кашира, где установлены на электростанции величайшие в Европе котлы и начинается строительство электровозного завода; Ковров, производящий экскаваторы; становящаяся металлургическим центром Тула; завод синтетического каучука в Ефремове, Воскресенский химкомбинат; наконец Бобрики, пущенные в эксплоатацию в конце 1933 г.,—первые звенья мощного энерго-химического комбината. На торфяных болотах, в глухих захолустьях вспыхивают электрические огни и тянутся через просеки мачты электропередач, срезают болотную топь фрезерные барабаны—и торф становится не только топливом, но и исходным сырьем многочисленных производств.

Или взглянем на Волгу, еще так недавно реку бурлаков, холерных бунтов, хищного «купецкого» капитализма. Рыбинск дает Союзу сложные типографские машины и оборудование для механизации дорожных работ. Ярославль, когда-то славившийся лишь черносотенным юридическим лицеем, полуразрушенный во время гражданской войны, вырастает в мощный промышленный центр современнейших предприятий с величайшим в мире резиновым комбинатом, первым заводом синтетического каучука, заводом тяжелых грузовиков и автобусов, производством электромоторов.

В Балахне глотают торф топки Нигрэса, гудят занимающие целые здания «механические чудовища» бумажных машин.

В городе Горького вырос уголок «советского Детройта»—автозавод с его тысячами новейших машин и станков. Растет Новое Сормово, вступает в строй завод фрезерных станков; десятками сложнейших производств овладевают химические заводы Дзержинска, где только уцелевшие домишки напоминают старый поселок Растяпино.

Еще ниже, в Казани, растет новый индустриальный центр: строятся ваго-

ностроительный завод, громадный металлообрабатывающий комбинат, завод синтетического каучука, разнообразнейшие химические предприятия, меховые фабрики и др.

В Саратове с конвейера сходят комбайны. А как недавно даже самое название этих сложнейших сельскохозяйственных машин было у нас известно лишь паре десятков человек!

В Сталинграде, прежнем захолустном иллиодоровском Царицыне, на 40 км. вдоль Волги вытянулась цепь индустриальных гигантов: Тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь», «Злектролес», Сталгрэс, Химкомбинат, Красноармейская верфь. От Рыбинска до Камышина на волжских берегах уже видны первые разведчики и строители новой, «Большой Волги», которые об'единят в единый комплекс задачи электрификации, ирригации и водного транспорта огромных территорий.

Растет не по дням, а по часам новый, индустриальный Урал. Магнитогорск, Соликамск и Березники, Пермь и Кизел, Ревда и Красноуральск, Челябинск и Златоуст, Н. Тагил, в соседних районах Средней Волги и Башкирии—Халилово, Орск, Блява, Стерлитамак, Уфа —каждое это географическое название уже прочно связано в сознании масс с новым промышленным центром, с десятком новых производств, с чугуном и сталью, медью и серной кислотой, калием и азотом, ферросплавами и тракторами, электрической энергией и, машинами, нефтью и редкими минералами.

Корреспондент английского журнала «Экономист» пишет в статье об индустриализации Урала о том, какое ошеломляющее впечатление оставляют новые гигантские предприятия Урала даже у видавших виды иностранцев.

То же самое в еще большем масштабе мы видим на Украине. Втрое вырос по населению Харьков с его огромным промышленным и жилищным строительством (мощный тракторный завод и овладевающий сложнейшими электрическими аппаратами ХЭМЗ; заканчивающий монтаж оборудования грандиозный турбогенераторный завод, в гигантском корпусе которого проезжающие грузовики кажутся мелкими; паровозный завод, производящий также дизели и другие сложнейшие машины; «Серп и молот», на котором от старого хозяина Гельферих-Саде остались лишь стены небольших цехов; научные институты, производящие исследования мирового значения, оборудованию которых завидовали иностранные ученые, приезжавшие на Менделеевский с'езд).

Неузнаваем Донбасс с новыми, механизированными шахтами, обновленными металлургическими заводами, с входящим в строй Краматорским машиностроительным гигантом, с Горловкой, которая к годовщине Октября дала синтетический азот и врубовые машины, превращаясь из заброшенного поселка в современный культурный город.

А домны и прокатные станы Днепропетровска и Каменского! А сложнейшие сельскохозяйственные машины Зиновьевска, Херсона, Белой Церкви, химические машины в Сумах и Киеве, электроинструмент в Кокотопе! Наконец Днепрогэс—этот центр электрической техники XX в., возможный только в условиях социализма, мощный металлургический Днепрокомбинат, алюминиевый комбинат, первые ростки электрификации сельского хозяйства.

В Сибири, Казахстане, Средней Азии, Закавказье в самых глухих уголках Союза—всюду новые заводы, новые машины, новые центры труда и культуры.

Отдаленнейшие национальные республики, прежние колониальные «окраины» царской России— Дагестан и Чечня, Кабардино-Балкария и Таджикистан, Туркмения и Бурято-Монголия — переделываются на социалистический лад современной индустрией, электричеством, двигателями внутреннего сгорания, грамотностью, культурной революцией.

На наших глазах преображается деревня. Больше полутора сотен тысяч тракторов бороздит совхозные и колхозные поля, в корне изменяются методы производства, переделываются люди, их отношение к труду.

За 10 лет выросла новая страна, создались новые производительные силы, которые и не снились Гриневецким с их мечтами о 20 млрд. иностранного золота для восстановления жалкого довоенного уровня хищнического русского капитализма.

Первые итоги освоения новой техники

К XVII партийному с'езду Советский союз вступил в полосу, когда начинают все яснее выявляться первые результаты борьбы партам за освоение техники. Эта борьба была начата историческим выступлением т. Сталина. Прочный и уверенный под'ем всей экономики страны, почти полная ликвидация обычных летних «провалов» промышленной продукции, несомненный перелом качественных показателей—вот результаты этой борьбы партии.

Первые успехи освоения новой техники сельского хозяйства на основе величайшей победы колхозного строя, на основе перестройки всей работы в деревне согласно указаниям т. Сталина обеспечили хороший урожай, который не только открывает путь к зажиточной жизни миллионам колхозников но и является в свою очередь одним из важнейших рычагов дальнейшего под'ема народного хозяйства, в том числе и промышленности.

Борьба за освоение новой техники имеет исключительное значение не только для экономического развития в узком смысле слова. Освоение новой техники как в промышленности, так и в сельском хозяйстве становится все более мощным фактором глубочайшей культурной революции, поднимающей к новой жизни и новой культуре многомиллионные пласты рабочих и колхозников, преображающей широкие слои старой и новой интеллигенции.

Мы можем говорить о начале *нового этапа культурной революции*, на наших глазах создающей новых людей, новый тип работников, т. е. основной производительной силы социалистического общества.

Исключительно ярким и важным примером наших побед и наших возможностей в области освоения новой техники является *автотракторная промышленность*. Освоение техники массового поточного производства тракторов и автомобилей помимо своего экономического значения представляет именно с этой стороны факт исключительной важности.

Всего 3 года тому назад вся страна напряженно следила за «детскими болезнями» первенца подлинно массового производства в СССР—Сталинградского тракторного завода.

Прошло 3 года. Ровно и уверенно, без суеты и шума Сталинградский и Харьковский тракторные гиганты, Горьковский автомобильный и завод им. Сталина из месяца в месяц выполняют и даже перевыполняют программу. Без рывков и лихорадочной сутолоки с конвейера сходят тракторы и авто, преображающие жизнь бескрайных просторов Советской страны. Новый величайший в Европе завод шарикоподшипников им. Кагановича за один год освоил проектную мощность первой очереди и выстроил вторую очередь, освоена техника предприятия, которое является самым ярким и последовательным воплощением современных тенденций массового производства и специализации, небывалым в мире по масштабам сочетанием новейших металлообрабатывающих машин и станков.

Борьба за освоение техники, которая развертывается на каждом заводе Союза, борьба за новую техническую культуру, за точность, четкость, систему в работе является залогом таких побед, такого под'ема производства и роста производительных сил, о котором еще недавно мы не могли и мечтать. Но для этого самое главное—не зазнаваться, не успокаиваться на первых достижениях, не останавливаться на достигнутом, ясно видеть и на-

стойчиво преодолевать недостатки. Даже на лучших автотракторных предприятиях (не говоря уже об учреждениях) масса времени и энергии тратится еще зря, на канцелярско-бюрократическую писанину отчетов и на столь же бюрократический ритуал заседаний, на болтовню и суетню. Мы еще не осознали как следует, что массовое производство не ограничивается отдельными заводами-гигантами, что оно охватывает грандиозную систему разнообразнейших предприятий, в том числе средних и мелких. Конференция предприятий-смежников автотракторной промышленности ярко показала, как отстают еще эти звенья, без которых не может быть законченного массового производства. С каждым успехом, с каждым завоеванием в области освоения техники в двери стучатся десятки новых задач и проблем. Например в той же автомобильной промышленности громадная программа расширения продукции и капитального строительства во второй пятилетке ставит по-новому ряд сложных проблем специализации, кооперирования и комбинирования предприятий, проблем, которые должны быть конкретно решены уже в ближайшем будущем. В то же время для оборудования расширяющихся и новых автозаводов мы должны овладеть производством сложнейших станков и машин, которые для автотракторных заводов первой пятилетки мы почти полностью получали из-за границы. НКТП недавно провел две конференции—по станкостроению и по кузнечно-прессовому оборудованию. В двух важнейших отраслях машиностроения, где мы уже за годы первой пятилетки имели громадные успехи, были конкретно поставлены и рассмотрены задачи, во много раз превышающие уже достигнутое, превышающие как количественно, так и качественно. В конце октября 1933 г. работала всесоюзная дизельная конференция, которая рассмотрела громадную задачу—в ближайшие годы перевести тяжелые тракторы и грузовики на дизель-мотор. Разрешение этой задачи обеспечит экономию самых ценных видов жидкого топлива и ряд других технических и экономических преимуществ. Вместе с новой техникой массового производства растут новые задачи организации и планирования производственных процессов, в частности техпромфинплан и диспетчерское управление производством, позволяющие устранить пресловутое «планирование ногами». Все ближе и настоятельнее придвигаются совершенно новые задачи автоматизации производства на электрической основе и на основе телемеханики, открывающие пути подлинно социалистической техники.

Известно, какое исключительное внимание уделяли развитию науки Маркс, Энгельс, Ленин, как пристально они следили за каждым научным достижением, с гениальной прозорливостью предвидя основные тенденции его развития. Характерным примером отношения Ленина к научным открытиям и основанным на успехах науки перспективам технического прогресса может служить его оценка предложения Рамзея о подземной газификации. Маленькая статья Ленина «Одна из великих побед техники», напечатанная в «Правде» 4 мая 1913 г., заключает в себе целую программу технической политики социалистического общества. Сообщая об открытии английским химиком Рамзеем способа подземной газификации угля (предлагавшегося еще до Рамзея Менделеевым, но капитализмом до сих пор не осуществленного), Ленин делает из этого предложения ряд глубоких и интереснейших выводов, и в настоящее время полностью сохранивших свою злободневность. Прежде всего Ленин об'единяет проблему подземной газификации, т. е. превращения каменноугольных рудников «как бы в громадные дестиляционные аппараты для выработки газа», с задачей развития газовых моторов, «которые дают возможность использовать вдвое большую долю энергии, заключающейся в каменном угле, чем это было при паровых машинах». Эта задача усовершенствования газовых турбин и создания турбины внутреннего горения, как бы соединяющей технические преимущества паровых турбин и дви-

гателей внутреннего сгорания, является и в настоящее время одной из интереснейших технических проблем, требующей напряженной совместной работы конструкторов и исследователей в области двигателестроения, энергетики, металлургии и химии.

Ленин не ограничивается этим блестящим прогнозом одного из важнейших направлений технического развития. В сжатых строках он вскрывает на данном конкретном примере основные противоречия технического прогресса в условиях империализма, подчеркивает противоположность следствий развития техники при капитализме и в социалистическом обществе. Он пишет, что «при капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих». В противоположность этому при социализме оно позволит сократить рабочий день и улучшить условия труда и жизни трудящихся. «Электрификация всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных и отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне». И он делает вывод, подтвержденный всем опытом дальнейшего развития, с необычайной яркостью стоящий в настоящее время перед всем человечеством. В условиях мирового кризиса капитализма и подготовляющихся новых империалистических войн миллионы людей все с большей ясностью сознают, что «техника капитализма с каждым днем все более и более *перерастает* те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство» (т. XVI, стр. 368—369). Так на двух страничках Ленин дает в органической связи поразительное предвидение тенденций технического развития, глубокий анализ противоречий техники в условиях современного капитализма и возможностей использования технического прогресса социалистическим обществом.

Это отношение Ленина к науке и технике было после смерти Ильича целиком воспринято, продолжено и развито дальше коммунистической партией под руководством т. Сталина.

Тов. Сталин еще в 1925 г. писал, что наша страна с ее революционными навыками и традициями, с ее борьбой против косности и застоя мысли представляет наиболее благоприятную обстановку для расцвета наук.

В течение первой пятилетки этот расцвет науки в Советском союзе стал фактом. Какую бы область исследования мы ни взяли—от самых, казалось бы, абстрактных высот математики и механики до любой из «прикладных» технических дисциплин, от изучения звезд и планет до всестороннего исследования человека,—на любом из участков научного фронта мы имеем такой размах исследовательской работы, такую концентрацию сил и средств, каких не знают самые передовые капиталистические страны. И этот посев уже начинает приносить урожай.

За один лишь месяц перед XVI октябрьской годовщиной мы отмечали ряд крупнейших научно-технических побед и достижений, относящихся к самым различным областям науки и техники, на первый взгляд как будто не имеющих ничего общего друг с другом, но на самом деле об'единенных общими причинами и условиями, получивших громадное политическое значение и крайне показательных для характеристики того периода, в который мы вступаем.

Началась новая эпоха небывалого расцвета и величайшего торжества науки. Это омоложенная, преображенная

наука, не скрывающаяся на олимпийских высотах призрачного «нейтралитета», не превращающаяся, как это неизбежно в условиях капитализма, в орудие самой зверской эксплуатации, истребления миллионов трудящихся, а служащая в руках этих миллионов самым мощным орудием завоевания сил, природы, облегчения, облагорожения труда. Эту науку двигают вперед новые, преображенные научные кадры, впитавшие наряду со всем лучшим, что мы получили в наследство от дореволюционного прошлого, тысячи новых людей, являющихся плотью и кровью пролетариата, неразрывно связанных со своим классом.

Как раз в то время, когда научная жизнь капиталистических стран, гордившихся своей культурой, все более замирает, когда в Германии на площадях горят костры из книг и крупнейшие ученые мира бегут или изгоняются из страны, когда фашистские банды громят научное и культурное наследство целых поколений и их дикое черносотенное мракобесие превосходит даже «подвиги» Пуришкевичей и Марковых,— страна пролетарской диктатуры выступает перед всем миром единственным историческим преемником, способным воспринять все лучшее, что создало человечество в области культуры и науки, и развить его дальше на новой, неизмеримо более высокой основе. Только Страна советов в области культуры и науки может итти все выше и выше, соединяя смелый задор и отвагу молодости, величайший энтузиазм революционного класса с выдержкой, планом, организацией, с мерной и уверенной поступью многомиллионных железных батальонов пролетариата.

Сосредотачивая все силы на скорейшем разрешении еще нерешенных задач революции, мы показываем всему миру: наш путь, путь Ленина, показал свою правильность на величайшем историческом опыте всех времен. Это единственно возможный путь для того, чтобы вырвать человечество из империалистических войн, из цепи кризисов, освободить трудящихся от дикой растраты производительных сил.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

К двадцатипятилетию работы Ленина „Материализм и эмпириокритицизм"

Двадцать пять лет назад была написана эта книга.

Это было в эпоху, когда «открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская...

За Азией стала шевелиться, только не по-азиатски, и Европа. «Мирный» период 1872—1904 гг. отошел бесповоротно в вечность. Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наиболее развращенных либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной», буржуазно-юнкерской стране—Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение всех буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед»[1].

В России временно победила контрреволюция. Самодержавие заключило союз с верхушкой либеральной торгово-промышленной буржуазии. Наступил «новый этап в разложении старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию»[2] Лозунг «Великой России» обозначал не только устремление к проливам, но и усиление эксплоатации рабочих в городе, ставку на кулака в деревне. Столыпин-вешатель послал на виселицу, на каторгу и в ссылку тысячи революционеров, ««а пролетариат обрушилось и обрушивается всего больше ударов и со стороны самодержавия и со стороны быстро объединяющегося и наступающего капитала»[3].

Под натиском свирепствующей реакции от революции стали отходить в первую очередь попутчики из рядов интеллигенции, примкнувшие к ней в упоении ее под'ема. Наряду с ядом провокаторства Малиновских, Черномазовых, наряду с гнилью порнографии «Санина», среди значительной части попутчиков революции начинается переход в лагерь буржуазии. Со страниц буржуазных литературных журналов они стремятся разложить пролетариат и его организации, внушить ему отказ от революции и заслужить таким путем прощение своих собственных революционных «грехов молодости».

Из РСДРП происходит повальное бегство интеллигенции; в самой партии до крайности обостряется борьба с ревизионистами-ликвидаторами и отзовистами за ленинскую оценку эпохи, ленинскую тактику в период отступления, борьба большевиков за сохранение и укрепление партии, за подготовку новой революции.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVI. стр 333, изд. 3-е.
[2] Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 28.
[3] Там же, стр. 445.

Ревизионисты свою практическую политическую деятельность, направленную на ослабление и сдачу позиций рабочего класса, «обосновывали» теоретически, пытаясь пересмотреть революционное учение Маркса и тем самым выбить из рук пролетариата его верное оружие. Так, в области экономики П. Маслов выступил с программой муниципализации всей земли и с «опровержением» марксовой теории абсолютной ренты в пользу «закона убывающего плодородия почвы»; эта программа и этот «закон» подверглись уничтожающей ленинской критике. Но в среде контрреволюционной буржуазной интеллигенции наибольшее значение имели ревизионистские усилия, направленные против основ марксистского мировоззрения, против диалектического материализма в сторону подмены его моднейшей идеалистической философией—махизмом и прямой поповщиной—богостроительством и богоискательством.

По поводу вышедшего в это время сборника «Очерки по философии марксизма» Ленин писал Горькому в феврале 1908 г.: «Я прочел все статьи... и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм),— учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский),— об'являть мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман),—черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов»,—агностиков или метафизиков, чорт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)!» [1]

Затем в апреле, в сборнике «Памяти Карла Маркса», изданном к 25-летию его смерти, в статье «Марксизм и ревизионизм», давая социальный и исторический анализ ревизионизма в области философии, экономики и политики, вскрывая его классовые корни и неизбежность в капиталистическом обществе влияния мелкой буржуазии на рабочий класс, показывая, что ревизионизм есть интернациональное явление, Ленин особо останавливается на философии: «В области философии ревизионизм шел в хвосте у буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту»,—и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,— и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху)[2], что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля как «мертвую собаку» и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,—и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалование, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии),—и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса»[3]. И тут же он подчеркивает, что «в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова», и добавляет в примечании: «См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлениями, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в

[1] Лен. сб. I, стр. 92.
[2] Руководству.
[3] Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 184, 185.

особой брошюре, что все, сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов, относится по существу дела и к этим «новым» нео-юмистским и необерклианским ревизионистам»[1].

Вскоре Владимир Ильич осуществил сказанное им в этом заявлении. В сентябре 1908 г. он закончил «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии»; в мае 1909 г. работа вышла в свет в Москве.

Ленин во всех отношениях далеко перевыполнил свое обещание. Не только вышла вместо брошюры об'емистая книга в 18 печатных листов; получилось не просто выступление против Богданова, Базарова, Луначарского и др., но было создано гениальнейшее произведение большевистской философии, работа, имеющая для международного коммунизма XX в. значение, подобное тому, какое в XIX в, имел «Анти-Дюринг».

Ведь по «Анти-Дюрингу», этой написанной Энгельсом при участии Маркса книге, поколения социалистов всех стран изучали марксизм, как цельное мировоззрение, учились понимать философию, политическую экономию и социализм с точки зрения диалектического материализма, учились владеть методом материалистической диалектики. Чтобы создать ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, нужно было, чтобы «Ленин взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой, за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»[2].

Смешно, когда Деборин оценивает «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина как «чрезвычайно ценный вклад в историю философского обоснования русского марксизма и ленинизма»[3], книгу, которая никогда не имела лишь узко русского значения, книгу, которая так же, как и «Анти-Дюринг», никогда не перестанет быть источником живой теоретической мысли, никогда не будет представлять интерес лишь как «вклад в историю».

Скромно называющий себя, в противовес «маститым» философам,—богдановцам и плехановцам,—«рядовым марксистом» Ленин своей книгой не только дал оружие всему мировому пролетариату, но и сам подчеркивал международное значение борьбы с ревизией марксистской философии, Выступая против Потресова и Базарова, Ленин писал в 1911 г. в статье «Наши упразднители» о спорах с российскими махистами: «Эта философская «разборка» подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку напр., новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал»[4].

Международное значение этой «разборки», авангардная роль большевизма как защитника и продолжателя марксистской философии особенно исклю-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 184—185.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр 17, изд. 9-е.

[3] Предисловие Деборина к нем. изданию «Материализм и эмпириокритицизм, стр. 9 1927 г.

[4] Ленин, Собр соч., т. XV, стр, 39.

чительны в свете той борьбы, которая велась против диалектического материализма во II интернационале. II интернационал, на практике неизменно выступавший в защиту оппортунистов, против левых социалистических партий в Германии, Голландии, Италии, Англии, уже тогда всячески потакал теоретическому ревизионизму. Говоря о социалистических партиях II интернационала, Ленин писал Горькому: «Чтобы англосаксы и германцы «материализму» были обязаны своим мещанством, а романцы анархизмом—это я решительна оспариваю. Материализм, как философия, везде и у них в загоне. «Neue Zeit», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал без единой оговорки эмпириокритиков. Чтобы из того материализма, которому учили Маркс и Энгельс, можно было вывести мертвое мещанство, это неверно, неверно! Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог» [1].

А теоретики II интернационала уже тогда были непрочь искажать марксизм, совместить экономическое учение Маркса с любой идеалистической философией. В журнале «Der Kampf» 1909 г.[2] Каутский писал, что марксово учение «не несоединимо с маховской теорией познания», старался побудить русских товарищей «признать махизм частным делом», ибо «партию не следует впутывать в подобные споры», а Ф. Адлер в ряде работ упражнялся в обосновании эмпириокритицизма и подделке под него марксизма.

Ленин написал «Материализм и эмпириокритицизм» в изумительно короткий срок, примерно за первые девять месяцев пребывания в Женеве в 1908 г., перечитав для этого свыше двухсот цитированных им работ по философии и естественным наукам на русском, немецком, французском и английском языках, причем специально ездил в Лондон, где работал над материалами в Британском музее. В основу книга легли три тетрадки, которые еще в 1906 г. Ленин в качестве «об'яснения в любви» написал Богданову после того, как прочел III выпуск богдановского «Эмпириокритицизма», «озлился и взбесился необычайно». Вся эта работа была подготовлена прежними занятиями Ленина по философии, о которых он рассказывает так:

«...Следил я всегда за нашими партийными прениями по философии внимательно,—начиная с борьбы Плеханова против Михайловского и К° в конце 80-х и до 1895 года, затем борьба его же с кантианцами 1898 и след. годы (тут уже я не только следил, но частью и участвовал как член редакции Зари с 1900 г.), наконец борьба его же с эмпириоритиками и К°.

За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Историческом взгляде на природу», каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири. Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам. Лично познакомился я с ним в 1904 году, причем мы сразу презентовали друг другу: я—«Шаги», он—одну свою тогдашнюю философскую работу. И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.) писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова» [3].

Хотя, как писал Ленин, «философией заниматься в горячке революции приходилось мало»[4], однако;— об этом рассказывает Надежда Константи-

[1] Лен. сб. I, стр. 89.
[2] Heft 10, S. 451-452.
[3] Лен. сб. 1, стр. 90—91.
[4] Лен. сб. I, стр. 91.

новна,—и в самый разгар политической борьбы, именно в самые тяжелые моменты, Владимир Ильич читал Маркса, уходил в теорию, разумеется, не для того, чтобы забыться, а чтобы почерпнуть новые аргументы, обобщения для практики. А когда борьба за партию с ликвидаторами справа и «слева» тесно переплелась с «философской дракой», Ленин со свойственным ему умением сосредоточиться и всецело отдаться одному делу переживал время, когда, по его же словам, «газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и матерными» [1],«беседа о других делах кроме философии ее выгорит теперь: неестественно выйдет» [2].

Эмпириокритицизм, против которого в первую голову обрушились сокрушительные удары «Материализма и эмпириокритицизма», был философией империалистической буржуазии. Выступая против философии либеральной буржуазии, неокантианства, глашатаями которого в германской социалдемократии были Э. Бернштейн, К. Шмидт, а в России— П. Струве, С. Булгаков, эмпириокритицизм, основанный Э. Махом и Р. Авенариусом, стремился соединить кантианство с крайним суб'ективным идеализмом начала XVIII в., с феноменализмом Д. Юма, с чистым эмпиризмом епископа Дж. Беркли. Требуя «очищения» нашего познания от «метафизических прибавлений», эмпириокритицизм понимает под этим отказ от признания объективной действительности материального мира; отказываясь от терминологии классического немецкого идеализма «я и не я», «суб'ект и об'ект», «мышление и бытие», махизм становится якобы на естественно-научную точку зрения, вводит «физическое» и «психическое», утверждая их «принципиальную координацию», отождествляет их, сводит разницу между ними лишь к способу рассмотрения и растворяет тем самым «физическое» в «психическом», в комплексах ощущений как последних «элементах мира».

В условиях России разновидностями эмпириокритицизма были эмпириомонизм, основателем которого является А. Богданов, и эмпириосимволизм, развиваемый П. Юшкевичем. Богданов писал, что «тело»—это комплекс таких же элементов, какие в «восприятиях» мы называем «ощущениями»? Юшкевич считал, что реальными являются «эмпириосимволы», т. е. наши мысли о реальности, которым однако абсолютная реальность не соответствует, так как они существуют лишь в отвлеченном мышлении о функциональных отношениях между ощущениями и никакого дела с природой бытия самой по себе не имеют. Для эмтщриокритиков всех оттенков понятия и законы не отображают объективной действительности, а служат лишь «экономии мысли», наиболее простому описанию данного в «опыте», т. е. в нашем сознании.

Особую опасность представляла вся эта философия мертвой реакции потому, что Богданов и др. выдавали ее за «философию живого опыта», что ее агностицизм—отказ от познания действительности, ее поповщину они старательно прикрывали ссылками на естественные науки. Последнее облегчалось тем, что среди естественников, особенно среди физиков того времени, образовалась целая школа приверженцев идеализма. Поводом же (не причиной) возникновения физического идеализма послужил бурный поток новых открытий, которые произошли на переломе двух веков, на пороге к переходу от «мирной» стадии капитализма к империализму. Эти открытия, начиная с лучей Рентгена (1895 г.) и «великого революционера радия» (1899 г.), не только невиданно расширили наши знания, но и заставили физику сломать целый ряд старых законов и принципов. Вот это последнее обстоятельство и

[1] Лен. сб. I, стр. 971

[2] Там же, стр. 101.

толкнуло физиков, не знающих диалектики, но зато начиненных окрошкой худших идеалистических систем, на заявления, вроде «явления радиоактивности уничтожают материализм», на реакционное увлечение релятивизмом и, идеализмом.

Борясь против эмпириокритицизма и физического идеализма, Ленин постоянно имеет в виду, что «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества»[1]. Именно потому, что идеализм «есть только утонченная, грейдированная форма фидеизма (поповщины.—Э. *К.),* который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли»[2], именно поэтому критика Ленина органически сочетает в себе отвлеченный логический анализ с конкретной партийно-политической заостренностью. Это не философия ради философии; она на каждом шагу сумеет в виду пролетарские массы и подготовляемую идеализмом для их усыпления поповщину, особенно опасную как «т о н к а я, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки»[3]. Эта партийность, пронизывающая насквозь «Материализм и эмпириокритицизм», как и все работы Ленина, коренным образом отличает ленинскую критику махизма от критики, данной Плехановым и его школой—Л. Аксельрод, А. Дебориным и др. теоретиками-меньшевиками. После энергичных и неоднократных настояний Ленина, начиная еще с 1904 г. (о чем пишут сами Плеханов и Аксельрод), эта школа первая выступила против российского махизма. В этом громадная заслуга Плеханова, оцененная Лениным, писавшим, что «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, был Плеханов[4], подчеркивавшим, что «н е л ь з я стать сознательным, н а с т о я щ и м коммунистом без того, чтобы изучать, именно и з у ч а т ь все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма[5], взявшим в «Материализме и эмпириокритицизме» Плеханова под защиту от махистов, которые критиковали Плеханова, не осмеливаясь выступить с прямой критикой Маркса и Энгельса.

Однако свойственный меньшевизму отрыв теории от практики не дал возможности «плехановской школе ортодоксов» последовательно проводить эту борьбу, совлек ее на путь преимущественно логических опровержений, на критику махизма, так же как и кантианства (и агностицизма вообще) «более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения»[6], на игнорирование связи махизма с определенной школой новой физики. «Разбирать махизм, игнорируя эту связь — как делает Плеханов,— значит издеваться над духом диалектического материализма...»[7],— а также на целый ряд других грубых ошибок, как плехановское понимание «опыта», «вещи в себе», его теория «иероглифов» и пр.

Неисчерпаемое богатство мыслей в «Материализме и эмпириокритицизме», где сплошь и рядом в коротеньком абзаце содержится десяток руководящих высказываний по разнообразным проблемам, где, как и в других работах Ленина, читатель с каждым разом открывает все новые и новые аспекты

---

[1] Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 292.
[2] Т а м ж е.
[3] Лен. сб. I, стр. 146.
[4] Л е н и н, Собр. соч., т. XII. стр 185.
[5] Л е н и н, Собр. соч., т. XXVI, стр. 135.
[6] Лен. сб. IX, стр. 179.
[7] Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 206,

освещения того или другого вопроса,—все это неизбежно обрекает попытки передать сжато хотя бы основное содержание книги на заведомую куцость, ограниченность.

Показав во введении родство между сочинениями называющих себя марксистами русских махистов и «Трактатом об основах человеческого познания» епископа Беркли, вышедшем в 1710 г., Ленин подробнейшим образом разбирает теорию познания эмпириокритицизма, противопоставляя ей теорию познания диалектического материализма. Выявив все убожество и несостоятельность махистской гносеологии, подменяющей материю комплексами ощущений (этими, по Ф. Адлеру, будто бы открытыми Махом «элементами мира»), разоблачив Авенариуса, утверждавшего, что «наивный реализм» якобы защищает махистскую «принципиальную координацию», Ленин ставит Маху, Авенариусу и их российским последователям—Богданову, Базарову, Петцольду и др. в упор вопросы: существовала ли природа до человека? Мыслит ли человек при помощи мозга?—и приходит к выводу, что основная, хотя и затушеванная разными словечками вроде «элемент», «координация», «интроекция» и т. п., посылка эмпириокритицизма—«мир есть наше ощущение»—приводит к солипсизму, т. е. к отрицанию существования сознания других людей, к философии, которую думающие естествоиспытатели встречают насмешкой.

Отсюда Ленин переходит к учению о «вещи в себе», доказывает об'ективное существование, познаваемость, превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», защищает Энгельса от нападок и «обработки» его в этом вопросе русскими махистами, показывает, что уже материализм Фейербаха не допускал какой-либо таинственной, мудреной, хитроумной разницы между явлением и вещью в себе, что и Иосиф Дицген (несмотря на неточность выражения и некоторую путаницу; дающую махистам повод уцепиться за нее), являясь диалектическим материалистом, стоит на этой точке зрения. Далее Ленин уничтожает богдановское отрицание существования об'ективной истины, которая якобы есть только организующая форма человеческого опыта, показывает, что под богдановскую «общезначимость» подходит и учение религии, и «социальный опыт» насчет леших, домовых и т. п., вскрывает тождество позиций кантианцев и махистов в этом вопросе, показывая, как диалектик-материалист Энгельс боролся с метафизиком-материалистом Дюрингом за правильное понимание соотношения между абсолютной и относительной истиной, как «для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина»[1], что «диалектика, как раз'яснял еще Гегель, включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму»[2]. Далее Ленин дает развернутое изложение и дальнейшее развитие марксова положения о критерии практики как основе материалистической теории познания и приходит к выводу, что, «идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к об'ективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем притти ни к чему, кроме путаницы и лжи»[3].

Установив таким образом непроходимую пропасть между идеалистической и материалистической теориями познания, Ленин противопоставляет материю и опыт в том виде, как их понимают обе борющиеся в философии линии. Ленин показывает, как против того положения, что в философском понимании материя есть об'ективная реальность, существующая независимо от нашего сознания и находящаяся в диалектическом соотношении с сознанием, богдановцы выдвигают махистский «опыт», который должен осветить

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 109.
[2] Там же, стр. 112.
[3] Там же, стр. 117.

спутывание материализма и идеализма, должен прикрыть переход к последнему. При этом Ленин вынужден был специально остановиться на ошибке Плеханова относительно понятия «опыт». Подробно разбирает Ленин вопрос о причинности, имеющий важное значение для определения философской линии, показывает существование объективной закономерности, причинности, необходимости в природе и вместе с тем лишь 'Приближенный характер причинности как упрощенного отражения искусственно изолированных сторон единого мирового процесса, сопоставляя с этим диалектико-материалистическим учением махистские взгляды на причинность, наиболее ярко выраженные Махом в его «Механике» («В природе нет ни причины, ни следствия»), в утверждении К. Пирсона, что «человек дает законы природе» и переходящие тем самым в поповщину, или чисто суб'ективистские взгляды Анри Пуанкаре о том, что законы природы—условности, созданные нами ради «удобства». Ленин приводит для сопоставления и взгляды «новейших» реакционных профессоров, за которыми слепо шли русские махисты, уверявшие вдобавок, что махистский «принцип экономии мышления» является «марксистской тенденцией». Ленину достаточно поставить вопросы: «Экономнее» ли «'мыслить» атом неделимым или состоящим из положительных и отрицательных электронов? «Экономнее» ли мыслить русскую буржуазную революцию проводимой либералами или проводимой против либералов?»[1], чтобы тем самым разоблачить всю нелепость этого «принципа».

В вопросе о пространстве и времени Ленин опять-таки вскрывает коренные расхождения обеих философских линий—материализма и идеализма, ибо если материалисты признают, что пространство и время суть основные формы бытия материи, а наши относительные представления о них являются приближением к ним, то махисты считают пространство и время «упорядоченными системами рядов ощущений», заявляя, как Богданов, что и время и пространство «есть формы социального согласования опыта различных людей»; махисты отрицают реальность пространства и времени и находятся на том же пути к поповщине, скатываясь по которому Мах писал, что «химические элементы необязательно представлять себе в пространстве с тремя измерениями» и т. п.

Наконец по вопросу о свободе и необходимости Ленин пространно об'ясняет Луначарскому и др. тогдашним русским махистам, что положение Энгельса: «свобода есть познанная необходимость», имеет гносеологическое значение, что это лишь одно из частных применений общего определения Энгельсом материализма (природа—первичное, сознание—вторичное), что оно в противовес махистам не исключает существования непознанной необходимости и что называющие себя марксистами русские махисты, привлекающие Энгельсом) учение о свободе и необходимости в оправдание своего мировоззрения, попросту ничего у Энгельса не поняли, так же как не разглядели эклектизма Маха и его склонности к идеализму.

Руководящая мысль, которую проводит Ленин, вскрывая внутренние противоречия махистской теории познания, состоит в том, что это противоречие не является случайным, что это не «колебания между идеализмом и материализмом», как впрочем и до сих пор об'является даже у нас в иных философских произведениях, а что сущность махизма—это субъективный идеализм, берклианство; шатания же махизма, его эклектичность происходят от желания замаскировать солипсизм и поповщину, к которым неизбежно приводит, будучи развита последовательно, махистская философия.

Разобрав по косточкам все содержание эмпириокритицизма, Ленин переходит к рассмотрению эмпириокритицизма в его историческом развитии, показывая, что соратниками и преемниками этой философии являются идеа-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 139.

листы. Ленин указывает, что в противовес марксистам, критикующим Канта слева за то, что он недостаточно материалистичен, махисты критикуют его справа за то, что он чересчур материалистичен, причем русские махисты не только пошли за реакционным направлением в философии, но вдобавок уверяют, «что они «тоже» марксисты в философии, что они «почти» согласны с Марксом и чуточку только его «дополнили...» [1]. Соратниками махистов являются и так называемые «имманенты»—Шуппе, Леклер и др., прямые проповедники поповщины, открыто защищающие религию, мракобесие средневековья и в то же время заявляющие о своем согласии с эмпириокритиками, которые также радуются имманентам.

Ленин ставит вопрос: куда растет эмпириокритицизм? — и дает на него ясный, глубоко и широко обоснованный ответ, показывая, как вопреки утверждению Богданова о том, что в философии Маха для идей бога, свободы, бессмертия души «абсолютно нет и не может быть места», на деле последователи махизма Корнелиус, Клейнпетер и др. прямо приходят к религии; Ленин вскрывает причины этого явления, лежащие в социальных корнях махизма. Махизм, возникший после победного окончания Германией франко-прусской войны, призван был заменить обвиняемое в примиренчестве к материализму кантианство, чтобы служить в борьбе против революционной идеологии пролетариата; философ-махист—это был «урядник на профессорской кафедре» [2]. О классовой сущности деятельности махистов Ленин писал: «Столыпин опроверг существование черных кабинетов! Петцольдт в пух и прах разбил идеалистов,—удивительно только, как это истребление идеализма похоже на советы идеалистам — похитрее спрятать свой идеализм» [3],—и причислял махистов к компании «литературных проходимцев, которые занимаются тем, что спаивают народ религиозным опиумом» [4]. Русский эмпириокритицизм, следовавший за Махом, прошедший ряд стадий блуждания (например у Богданова целых четыре — от «естественно-исторического», т. е. наполовину бессознательного и стихийно-верного духу естествознания, материализма к агностической «энергетике» Оствальда, отсюда к непоследовательному суб'ективному идеализму Маха и наконец к об'ективному идеализму, к «теории всеобщей подстановки»), был выражением шатаний мелкобуржуазной интеллигенции и мелкобуржуазных элементов вообще, был так же, как и политический ревизионизм справа и слева, выражением давлений этих слоев на пролетариат и его партию. Здесь сказались старые традиций российской интеллигенции, шатающейся между субъективным идеализмом народничества и кантианством кадетов.

Защищая марксиста меньшевика-партийца Плеханова от философских наскоков эмпириомонистов-большевиков, Ленин вместе с тем вскрывает всю ошибочность» плехановской теории иероглифов, повторявшей ошибки символического полуматериализма Гельмгольца, и показывает, как эмпириомонисты под видом критики «иероглифизма» контрабандой провозят Свое отречение от материализма, подобно тому, как и критика Дюринга ведется учениками Маха с позиций, прямо обратных энгельсовским (не против метафизики Дюринга, а против его материализма), подобно тому, как богдановцы критикуют Иосифа Дицгена не за его непоследовательность, а за его материализм.

Вскрыв идеалистическое содержание и мещанскую сущность эмпириокритицизма, Ленин посвящает всю V главу своей работы новейшей революции в естествознании и ее связи с философским идеализмом. Впервые после Эн-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 168,
[2] Там же, стр. 179.
[3] Там же, стр. 180.
[4] Там же, стр. 185.

гельса марксистская мысль подвергает всестороннему анализу развитие естественных наук и для новой эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, развивая учение марксизма с учетом нового конкретного этапа естествознания. Ленин устанавливает, что естествознание и в особенности 'физика конца XIX и начала XX вв. переживают кризис, суть которого состоит в том, что стихийный рост новых опытных фактов, новых открытий не укладывается в прежние понятия, законы, принципы, подрывает их. Этот крах традиционной физики, полагавшей, что вся физика может быть сведена к механике, привел к тому, что часть физиков стала вообще сомневаться в возможности науки, представляла ее не более как символической формулой, стала отрицать существование материального мира. В физике возникла школа, заменяющая материализм идеализмом и агностицизмом, утверждающая, что «материя исчезает».

Ленин подробно останавливается на подобного рода заявлениях и устанавливает четкое разграничение между философским и физическим пониманием материи, подчеркивая, что «естествознание ведет, следовательно, к «единству материи»,— вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих»[1], исчезают лишь отдельные свойства материи, казавшиеся абсолютными, но оказавшиеся теперь, с углублением нашего знания, присущими только некоторым ее состояниям, «ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть об'ективной реальностью, существовать вне нашего сознания»[2]. Не зная диалектики и страдая предрассудками, общими всему образованному мещанству, непониманием материализма, эти физики скатываются к отрицанию материи, отрицанию всякой об'ективной закономерности в природе, не понимая, что «если вчера это углубление (человеческого познания об'ектов.—*Э. К.)* не шло дальше атома, сегодня— дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует...»[3]. Таким образом превращение невесомого эфира в весомое вещество и обратно, электромагнитная масса электрона, подчинение законов механики более глубоким законам электромагнитных явлений — все это только новое подтверждение диалектического материализма. Не самое открытие новых частиц материи и новых форм ее движения делает возможным использование новой физики идеализмом, а то, что пытаются мыслить движение без материи, как это делают энергетики вроде Оствальда и тем более Богданова, критиковавшего Оствальда за непоследовательное проведение этой идеалистической концепции.

Возвращаясь снова к центральному вопросу теории познания, к учению об абсолютной и относительной истине в связи с теорией отражения, Ленин еще раз подробно раз'ясняет естественникам соотношение релятивизма и диалектики, которая учит, «что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина,—что относительные истины представляют из себя относительно верные отражения независимого от человечества об'екта,—что эти отражения становятся все более верными,—что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...»[4]. Незнание диалектики и причин, лежащих вне фи-

---

1 Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 213.
2 Там же.
3 Там же, стр. 215.
4 Там же, стр. 253.

зики,—классовые факторы, «важные житейские соображения» приводят к тому, что, выступая против старого механического материализма, критикуя его за его ограниченность и закостенелость, «физические» идеалисты не сумели прямо и сразу подняться от него к диалектическому материализму. И Ленин делает вывод, что естествознание идет к диалектическому материализму как единственно верной философии естествознания, и что кризис—болезненные роды этой философии—дает кроме жизнеспособного также и некоторые мертвые продукты «кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот»[1], к числу которых «относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.[2].

Последняя глава «Материализма и эмпириокритицизма» представляет краткий разбор махизма в области общественных наук. Показывая сначала, как немецкие эмпириокритики критиковали исторический материализм Маркса за подчинение личности «имманентным экономическим законам», за «небиологичность», за партийность и признание об'ективной истины, как они проповедуют «закон устойчивости»—«беспредельное тупоумие мещанина под прикрытием словесных вывертов», Ленин переходит затем к русским махистам—Богданову и Суворову, уверяющим, что махизм совместим с историческим материализмом. Богданов «поправляет» и «дополняет» Маркса, развивая реакционную теорию тождества общественного бытия и общественного сознания, и вопреки всякой последовательности «примиряет» ее затем с марксовым положением, что общественное сознание определяется общественным бытием, независимым от общественного сознания. Богданов выдает за марксизм различные биологическо-энергетические словечки о «положительном и отрицательном общественном отборе», об «энергии социального целого», в то время как наклеивание этих ярлыков ничего общего с методом Маркса не имеет, вообще не является исследованием, а совпадает с раскритикованным Марксом приемом Г. Ланге, переносившего биологические понятия в область общественных наук. «Русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку» называет Ленин богдановцев, сочетающих подделанный под марксистские словечки идеализм «снизу», с вульгарным и сильно подпорченным идеализмом историческим материализмом «наверху», в то время как Бюхнер и Дюринг были материалистами «внизу», идеалистами «вверху».

Но в «философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от об'ективной истины, не падая в об'ятия буржуазно-реакционной лжи»[3]. Рассматривая связь махизма с религией, Ленин расширяет этот вопрос до вопроса о значении партийности и беспартийности в философии. Вновь Ленин показывает, что борьба материализма против идеализма и его союзника— агностицизма — прячется у ревизионистов — махистов «за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений»[4], подчеркивая, что гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение почти полустолетия они развивали материализм и отметали бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии и засорить суть борьбы двух коренных направлений. Ленин показывает на анализе философских высказываний Маркса и Энгельса, что они от начала до конца были партийными в философии, и что следовавший за ними Иосиф Дицген, несмотря на частные ошибки, всегда открыто выступал за материализм, всегда клеймил «гнусную партию середины», «половинчатость

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 256.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 267.
[4] Там же, стр. 274.

свободомыслящих профессоров», этих «дипломированных лакеев поповщины», к которым принадлежат и махисты и которым доверились богдановцы. Ле--- ставит перед марксистами задачу усвоить и переработать те ценные работы, которые дают в специальных областях — химии, истории, физике и т. д. — профессора, «ученые приказчики класса капиталистов», умея отсечь реакционную тенденцию этих работ.

Слова Ленина об Энгельсе: «Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма—вот та постановка вопроса, которая дана в каждом параграфе «Анти-Дюринга»...»[1],—эти слова целиком и полностью относятся и к «Материализму и эмпириокритицизму». Поворачивая вопрос со всех сторон, освещая его во всех разрезах, он снова и снова, словно ударами молота, вколачивает эту основную идею в голову читателя. И хотя сложность предмета, необходимость вступить во вражескую страну махистской схоластики сделали книгу в целом доступной лишь для подготовленных читателей,—сколько ярчайших, навсегда запоминающихся, общедоступных страниц содержит она! Лишь автор «Материализма и эмпириокритицизма» был в состоянии дать то гениально простое изложение диалектики на примере стакана, которое содержится в статье «Еще раз о профсоюзах»[2].

Как раз эти стороны «Материализма и эмпириокритицизма» — непримиримая партийность и поражающий своей классовой меткостью язык-—вызвали и вызывают до сих пор подлинное бешенство буржуазных критиков. Реакционер Булгаков негодовал на то, что «книга пестрит ругательствами по адресу неугодных автору философов, вроде «беспредельное тупоумие мещанина Маха», меньшевичка Л. Акеельрод (Ортодокс) возмущалась «крайней грубостью, оскорбляющей эстетическое чувство читателя», например выражением «философские Меньшиковы». И хотя эти и все другие старые критики вынуждены были признать силу, страстность, последовательность и ненависть к буржуазному строю, пронизывающие всю книгу,—они конечно «отказывают» ей в марксизме, в новизне мысли, в глубине философского анализа, в убедительности и т, п. Теперь к старой, исходящей от кадетов, меньшевиков и священников критике прибавилась критика со стороны европейской буржуазии и социал-фашистов. «Материализм и эмпириокритицизм» вышел в немецком, английском (в Англии и САСШ), французском, японском» болгарском переводах, а в выдержках — и на чешском, польском и греческом языках, и читается в широких кругах не только рабочих; огромный интерес проявляет к нему и интеллигенция. Об этой книге имеется свыше полусотни рецензий в виде статей в газетах и в специальных журналах, существует ряд отдельных, посвященных «Материализму и эмпириокритицизму» монографий.

Выделяя особо высказывания коммунистов всех стран, можно сказать, что все остальные рецензии, независимо от оттенков философских систем и политических партий, к которым принадлежат их авторы, сходятся в своем враждебном отношении к этой величайшей книге большевистской философии. Начиная от буржуазных демократов вроде Ф. Гаазе, католиков, как Б. Клейн, вынужденных, с одной стороны, признать колоссальную эрудицию Ленина, его гениальность и, с другой стороны, резко отвергающих его мировоззрение, пытающихся выдать его не за классовое, а за национальное, за «русскую философию», утверждающих, что хотя Ленин в своей книге и одержал временную политическую победу, но философски, мол, он не победил, вплоть до гнусно пресмыкающихся перед буржуазией германских и австрийских социал-фашистов вроде Зигфрида Марка, которому, видите ли, «больно

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 276.
[2] Там же, т. XXVI, стр. 134.

встретить крупного политического деятеля рабочего класса в философии на путях филистерской догматики», и могущего соперничать с Каутским «опровергателя» диалектического материализма—Макса Адлера, в книге которого «Учебник материалистического (I) понимания истории», написанной по заказу буржуазии для рабочих, особенно «досталось» ленинской теории отражения,—вся эта свора буржуазных и лакейских писак вынуждена под ударами кризиса капитализма и поднимающихся волн пролетарской революции свою ненависть к ленинской философии маскировать кислыми комплиментами, признанием величия Ленина; неприкрытым фашистам предоставлен испытанный еще с XIII в. метод борьбы — сжигание книги на кострах.

«Материализм и эмпириокритицизм» не только теоретически, но и политически актуальная книга сегодняшнего дня. По ней не только учатся диалектическому материализму, непримиримой борьбе с идеологическими шатаниями пролетариат Советского союза и наши братские коммунистические партии,—она дает материал и метод для научного исследования и дальнейшей разработки проблем диалектического и исторического материализма, философии естествознания, партийной политики в области науки. Владея исключительной, присущей лишь гениальнейшим ученым способностью в отделу ном, единичном явлении охватить наиболее важные, характерные для общего, родовые черты, суметь обобщить их, увидеть целый исторический процесс и предугадать его развитие, Ленин дал в «Материализме и эмпириокритицизме» удивительнейшие примеры научного предвидения.

Так, его оценка махизма как партии середины в философии, развивающейся в сторону все большего прислужничества фидеизму, реакции, полностью и целиком оправдана современным развитием махизма, который все теснее смыкается с социал-фашизмом; при непрерывных колебаниях и кокетничании с «левыми» в нем все усиливается правое крыло во главе с Г. Дингдером, открыто проповедующее боженьку. Так, ленинский анализ кризиса естествознания, причин, его порождающих, анализ партий, имеющихся среди естественников, нашли полное подтверждение теперь, когда факторы деградации буржуазной науки, четверть века назад бывшие лишь в зародыше, превратились теперь в основной фон ее развития. Интересно проследить путь тех естественников, которых цитирует Ленин. Мы увидим, как какой-нибудь А. Рей, тогда еще «стыдливый материалист», в своих работах 1930 г.[1] открыто защищает идеализм (этому конечно нечего удивляться, раз даже прежние непоследовательные, но боровшиеся против идеализма материалисты вроде М. Планка, целиком переходят на идеалистические, религиозные позиции), и увидим в то же время, как в буржуазных странах выкристаллизовывается небольшое крыло естественников-—последовательных материалистов-диалектиков (Ланжевен, Мелдер и др.). Предвиденный Лениным единственный выход из кризиса естествознания—переход естественников на позиции диалектического материализма — осуществляется в стране победившей пролетарской диктатуры, в стране, строящей здание социализма, в стране самой передовой культуры, где диалектический материализм является ведущей идеологией. Все это подтверждает ленинское учение о партийности щуки, о классовой борьбе в ней, борьбе, принимающей при наличии двух систем, на которые распался мир, особо напряженные формы.

Но наиболее поразительным является то, что Ленин, который не имел специального естественно-научного образования, который и не брался, как сам он пишет, «касаться специальных учений физики»[2], дает ряд важнейших высказываний по чисто физическим вопросам, оправданных как раз в новейшее время результатами, к которым пришла экспериментальная и теоретическая физика.

[1] Abel kev. La theorie de la physique chez les physiciens contemporaines.
[2] Ленин, Собр соч., т. XIII, стр. 206.

Когда Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм», теория относительности, открытая в 1905 г. Эйнштейном, как частный принцип, была известна лишь самому узкому кругу физико-специалистов, учение о строении атома находилось в самом зачаточном состоянии, а в атомах электроны только «нащупывались». Несмотря на это, Ленин оценил положительное значение релятивизма в физике, исключающего из физических законов привносимое экспериментатором как участником движения, а также отрицательное значение делающихся отсюда философских выводов, при незнании диалектики неминуемо ведущих к идеализму. Он со всей решительностью высказался за электронную теорию материи, за об'ективность существующих в трехмерном пространстве и во времени электронов как структурных составных динамических частей атома, как носителей электричества—особой формы материального движения, за «неисчерпаемость» электронов, за об'ективность эфира, за единство материи, выражающееся в превращении элементов, за подчинение механической физики новой, электромагнитной физике, включающей в себя быстрые реальные движения, снимком с которых она является. Теперь, когда разгадана периодическая система элементов, когда мы знаем во всех подробностях строение внешней электронной оболочки каждого из 92 элементов, когда мы умеем разбивать и самое ядро атома и открыли составляющие его части — нейтроны и альфа-частицы, когда выяснилась неустойчивость электрона, его преходящий характер, когда открываются в процессах космических лучей еще более мелкие частицы—налицо неопровержимые доказательства верности диалектико-материалистического метода в применении его к физике, налицо неоспоримое свидетельство могущества ленинского анализа.

В «Материализме и эмпириокритицизме» содержится, так же как и в философских тетрадках Ленина, опубликованных в IX и XII Ленинских сборниках, ряд проблем, ожидающих еще своей дальнейшей разработки и относящихся как к философии вообще, так и к философии естествознания в частности. Что Ленин не считал задачу разработки марксистской философии разрешенной до конца, известно также из его статьи «О значении воинствующего материализма»[1], где он указывает, как и с каких сторон следует разрабатывать материалистическую диалектику, ставя разработку и пропаганду материалистической диалектики в качестве важнейшей задачи.

В настоящий момент эта задача, быть может, как никогда, является насущной.

Во-первых, те колоссальные социальные, экономические, технические, культурные сдвиги, которые изо дня в день происходят в нашей стране и активными участниками которых мы являемся, проходят зачастую почти незаметно для нас; между тем они требуют осмысления во всех опосредствованиях, широких философских обобщений.

Во-вторых, процесс переделки сознания людей, идущий у нас в масштабах десятков миллионов, охватывающий в разной степени и в разном направлении громадное большинство населения: рабочих, крестьянство, интеллигенцию и даже осколки прежних эксплоататорских классов, включает в себя переделку мировоззрения, борьбу и окончательное изжитие суеверий и религиозных верований, борьбу за внедрение научного мировоззрения диалектического материализма, его пропаганду в невиданных размерах.

В-третьих, эта разработка особенно насущна потому, что распад капиталистической системы порождает в усиленных дозах наряду со зверствами фашистской диктатуры и яд идеализма и поповщины, через разные щели проникающий и в наш Союз; мы должны встретить его надлежащим отпором.

[1] Ленин, Собр соч., т. XXVII, стр. 187.

В-четвертых, потому, что судороги отчаяния погибающих остатков прежних «хозяев жизни» и их приспешников сопровождаются бешеной защитой их последней утехи—идеологических позиций: идеализма всех оттенков, всякого рода мещанской подкрашенной пошлятины.

В-пятых, потому, что непрерывный и все убыстряющийся поток новых, часто самых неожиданных естественно-научных открытий, ломающих рамки только что созданных теорий, превращая, как это наиболее ярко видно на современной атомной физике, науку в какое-то подобие собрания «неправильных глаголов», правил об исключениях из исключений,— этот поток открытий все настоятельнее требует переработки философских основ естествознания на основе диалектического материализма как единственного правильного пути для науки, единственного избавления от деградации.

В-шестых, потому, что переход к новой, высшей ступени революции, к новому туру революций и войн, к построению бесклассового социалистического общества требует от нас несравненно большего теоретического вооружения во всех областях, которое немыслимо без солидного философского фундамента.

Продолжая дело Ленина и развивая дальше его теорию, т. Сталин дает важнейшие руководящие идеи для дальнейшей разработки марксистской философии, марксистского мировоззрения, вновь и вновь углубляет понимание партийности философии, заставляет философскую мысль работать на самых боевых участках нашего фронта социалистической стройки. К сожалению, наши философские кадры еще слишком малочисленны и сделали еще немного, особенно, если измерять по имеющимся потребностям. Меньше всего сделано в области популяризации. В массовых библиотеках нет «Анти-Дюринга», «Диалектики природы», философских работ Ленина (а между тем уровень читателя поднялся, спрос на такие серьезные книги все возрастает), нет популярных изложений диалектико-материалистического мировоззрения для менее и более подготовленных рабочих, для колхозников. Но нет также и специальных пособий для изучающих диалектический материализм специалистов-естественников—профессоров и академиков, отсутствует юношеская мировоззренческая научно-художественная литература.

Борьба против идущих из капиталистического мира идеалистических влияний, против новейшего неокантианства, неомахизма, холизма и т. п., их изучение и разоблачение должны быть значительно усилены. Эти модные «измы» особенно легко проникают к нам под прикрытием новейших естественно-научных теорий в виде «физического» фидеизма Эддингтона, Джемса, Гейзенберга и др. В среде советских физиков и естественников имеется еще довольно большая, хотя и тающая прослойка, в которой феноменализм, прагматизм и всякие другие утонченные разновидности идеализма сидят еще очень прочно; такие имена, как например «крупный физик и мелкий философ» — Анри Пуанкаре,— способны до сих пор ослеплять иные умы.

Утверждение т. Бухарина, что «ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут»[1], преждевременно и не может способствовать усилению большевистской бдительности на теоретическом фронте. Оно преждевременно уже и потому, что у самого т. Бухарина богдановская струйка эклектически сочетается с его механистической концепцией.

У т. Бухарина в работах последних лет, как-то: «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма»[2], «Техника и экономика современного капитализма»[3], «Учение Маркса и его историческое значе-

[1] Н. Бухарин, Памяти А. А. Богданова, сб. «На новом поле», т. I, стр, X, 1928 г.
[2] Журнал «Сорена» № 1 за 1931 г., стр. 7—24.
[3] «Сорена» № 3 за 1932 г., стр. 38—40.

ние»[1], не только возрождается осужденная Лениным[2] «игра в дефиниции», «игра в аналогии», «totale Konfusion hervorgerufen durch zu gresse Liebe des Verfassers Begriffsspiel zu uben und dasselbe fur «Soziologie» zu erklaren[3], но и вся «организационная тарабарщина», вся «богдановская Begriffsscholastik» [4], «фундирование» богдановской философией. У тов. Бухарина все еще «диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения», все еще он подкрепляет ее хламом бесконечных гелертерских цитат из пошлейших буржуазных экономистов, историков, философов. Изобретенные т. Бухариным «праксеология», теория «самодвижения техники» и «точка зрения логического генезиса марксизма», «обобществленный суб'ект», как две капли воды, похожи на богдановскую «тектологию», «организованный опыт», «общественно-исторический процесс овладения об'ектом». Поиски т. Бухариным «рационального зерна» в философии современных буржуазных профессоров ничем не отличаются от осмеянных Лениным утверждений богдановцев о том, что Мах «приближается к марксизму».

Преждевременно говорить о затухании борьбы механистов и меньшевиствуюших идеалистов против «Материализма и эмпириокритизма», против ленинской философии. Правда, от лагеря механистов отошел ряд товарищей: Сарабьянов, Перельман и др., открыто, по-партийному раскритиковавших свои ошибки. Однако тт. Тимирязев, Варьяш, Перов и др. до сих пор придерживаются осужденных партией механистических взглядов, до сих пор порочат всю направленную против них критику как меньшевистско-идеалистическую, обвиняют все естествознание Советского союза в идеализме и т. д. и т. .[5]. Что же касается меньшевиствующего идеализма, то хотя т. Деборин и ряд других товарищей и отказались от своих ошибок, все же нельзя забыть, что еще в 1929 г. т. Деборин «ценил» ленинскую философию так: «Нет никакого сомнения в том, что если бы ему (т. е.Ленину.—*Э. К.)* удалось довести начатое дело до конца, он дал бы (!!!) серьезный толчок дальнейшему развитию диалектического материализма, подняв его на более высокую ступень»[6]; нельзя этого забыть, тем более, что и в последней работе т. Деборина «Карл Маркс и современность» [7] развивается теория «отливов революции». Вот почему указания т. Сталина в беседе с бюро ячейки ИКП философии и естествознания и состоявшееся 21 января 1931 г. постановление ЦК партии о журнале «Под знаменем марксизма» обязывают коммунистов проводить в области философии ленинский принцип партийности, ведя борьбу на два фронта—с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода и с идеалистическим извращением марксизма деборинцами. Постановление характеризует позиции меньшевиствующего идеализма как отрыв философии от политики, как отказ

[1] «Сорена» № 3, 4, 5, 6 за 1933 г.

[2] Лен. сб. XI.

[3] Полная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора к игре понятиями, выдавая это за «социологию».

[4] Схоластика понятий.

[5] См. статью т. Тимирязева «Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас», ответ т. Максимова и примечание редакции. «Под знаменем марксизма» № 5, 1933 г., а также «Введение в теоретическую физику» Тимирязева, ГТТИ 1933 г., в области философии занимающую осужденный партией механицизм, а в области физики находящейся на уровне восхваляемых автором взглядов времен Королевы Виктории.

[6] Лен. сб. 1929 г. Предисловие А. Деборина, стр. 3.

[7] В сборнике Академии наук СССР «Памяти Карла Маркса», сборнике, издание которого само по себе крайне знаменательно для нашей эпохи. В то время как средневековье фашистской Германии дает такие «научные» труды, как «Что сулят звезды Гитлеру в 3933 г.», или книгу гитлеровского министра земледелия Вальтера Дарре «Свинья как критерий для северных народов и семитов», наши крупнейшие ученые ищут в марксизме решения проблем своей науки.

от партийности философии и естествознания, как разрыв между теорией и практикой и выдвигает в качестве важнейшей задачи разработку ленинского этапа развития диалектического материализма. Это решение партии должно неуклонно служить руководством во всей нашей работе.

Для научных работников-коммунистов главное сейчас в том, чтобы со всей энергией и настойчивостью «неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности» и «овладевать техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную, деловую квалификацию», как того требует от всякого члена партии новый проект устава, представленный т. Кагановичем XVII с'езду. Упорная работа над источниками и в лаборатории, сочетающаяся с глубоким изучением марксизма-ленинизма, — вот что нужно в первую очередь.

Успешно разрешаемая нами задача — догнать и перегнать в области техники, науки, естествознания передовые капиталистические страны, задача мобилизации всех знаний, всех достижений человечества на завоевание стихий,—категорически требует, чтобы по имеющимся уже крупнейшим достижениям советской науки выравнялся весь наш научный фронт и чтобы эти завоевания науки стали достоянием широких масс. Естественные науки должны подняться на новую, высшую ступень, на уровень, соответствующий социалистическому обществу; необходимо преодолеть в естественных науках эмпиризм, крайнюю разобщенность специальностей, хаотическое и бесплановое нагромождение фактов, наблюдений и экспериментов, внедрить в них обобщающую научную методологию. Эта методология включит каждую отдельную естественную науку в единое и цельное научное мировоззрение, даст ей самой надежное руководство в ее исследованиях. Эту роль в науке может выполнить только и исключительно материалистическая диалектика. Только она может дать естествознанию внутреннюю опору подлинно научной гносеологии, только она может поставить научную теорию в правильное соотношение с практикой, Только в нашем понимании задача философии, как и всякой другой науки, состоит в том, чтобы не только познать мир, но и переделать его. Только в нашем понимании наука не состоит и не должна состоять в бесстрастном созерцании возможностей, а включает и должна включать в себя активный переход от возможности к действительности. Только с победой нашей пролетарской революции наступает воспетая Верхарном эпоха торжества научного оптимизма:

Мы сами наших сил не знали в полной мере,
Наш рабский ум дремал, вверяясь тусклым снам.
С загадок бытия сорвем печать неверья,
Всё, всё исследовать—девизом будет нам...
Цари же, вещий ум, над миром просветленным,
Заставь заискриться его живую жизнь,
Будь зеркалом ему, будь призмою граненой,
И в радугах лучей твои лучи рассыпь!

Этим научным оптимизмом насыщен «Материализм и эмпириокритицизм», не допускающий никакого «Ignorabimus»[1], никаких преград все прогрессирующей мощи человечества в познании и овладении природой. Этот научный оптимизм неразрывно связан с нашей большевистской партией, с ее непоколебимым убеждением в неизбежности победы единственно прогрессивного класса — пролетариата — над классовым врагом, над всякого рода угнетением человека человеком, над пространством, временем, движением материи во всех формах.

[1] «Не сможем познать»— изречение физиолога-агностика Дюбуа-Реймон.

Из мировоззрения диалектического материализма, изложенного в сочинениях Марса, Энгельса, Ленина, Сталина, мы черпаем несокрушимую уверенность в правильности нашего пути. Это мировоззрение дает нам возможность увидеть об'tктивные факторы, которые обеспечивают наши победы, оно стимулирует субъективные факторы нашей борьбы за социализм, наше стремление превратить эти об'ективные факторы в действительность. И когда мы теперь, накануне XVII с'езда нашей партии, изучая грандиозные наметки великих работ второго пятилетия и решительной революционной перестройки организационных методов, пытаемся обозреть пройденное за три года, осознать наши достижения, подметить наши недостатки, понять ускорение, с которым мы движемся вперед, ускорение, о котором мы не так давно и мечтать не могли, — мы с новой силой видим то решающее значение книги, двадцатипятилетие написания которой совпадает с десятилетием смерти ее творца, в формировании идеологии большевизма, побеждающего мир.

Э. Кольман

ПОПРАВКА

В № 23 «Большевика» за 1933 г. на стр. 2, в передовой «Великая победа партии», 16-я строчка сверху, вместо цифры 80.478 тыс. га надо читать 85.803 тыс. га посевной площади зерновых культур в совхозах и колхозах в 1933 г. Вместо 80,8 проц. следует читать 85 проц. удельного веса колхозов и совхозов в валовом сборе зерновых культур в 1933 г.

Уполномоченный Главлита № В—69068
Тираж 600.000 экз.
В 1 п. л. 63.000 зн. 5 бум. листов
Изд. № 76.
Материал сдан в набор 15/I. подписан к печати 19/I 1934 г.
Типография газеты „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 11